

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Данилова Василиса Андреевна

**СТРАТЕГИИ И СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА А. С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» НА ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание
ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, доцент
Тивьяева Ирина Владимировна

Москва

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ..	15
1.1. Перевод романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на языки мира	15
1.2. Основные аспекты межкультурного взаимодействия при переводе	24
1.3. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе.....	29
1.4. Культурно-маркированная лексика как вербальное выражение специфических черт национальной культуры и подходы к ее классификации.....	35
1.5. Средства достижения эквивалентности/адекватности при переводе культурно- маркированных единиц	45
Выводы по Главе 1.....	56
2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» НА ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК.....	59
2.1. Формирование эмпирической базы исследования	59
2.1.1. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в португальских переводах Дарио Мореира де Кастро Алвеса и Нины и Филиппе Герра.....	59
2.1.2. Состав исследовательского корпуса.....	60
2.2. Методика исследования.....	62
2.3. Принципы передачи русских реалий в переводах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык	71
2.3.1. Перевод бытовых реалий	72
2.3.2. Перевод этнографических и природных реалий	89
2.3.3. Перевод ономастических реалий.....	95
2.3.4. Перевод фразеологических единиц	101
2.4. Оценка адекватности передачи реалий в русско-португальском художественном переводе с использованием количественных методов.....	110
2.4.1. Данные количественной оценки перевода бытовых реалий	111
2.4.2. Данные количественной оценки перевода этнографических и природных реалий ..	115
2.4.3. Данные количественной оценки перевода ономастических реалий	119
2.4.4. Данные количественной оценки перевода фразеологических единиц	123
2.5. Экспериментальная верификация модели перевода реалий в русско-португальском художественном переводе	127
2.5.1. Описание эксперимента.....	127

2.5.2. Данные экспериментальной верификации перевода бытовых реалий	133
2.5.3. Данные экспериментальной верификации перевода этнографических и природных реалий	141
2.5.4. Данные экспериментальной верификации перевода ономастических реалий	150
2.5.5. Данные экспериментальной верификации перевода фразеологических единиц	157
2.5.6. Сопоставительный анализ данных количественной оценки и экспериментальной верификации	165
Выводы по Главе 2.....	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	170
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	175
ПРИЛОЖЕНИЕ	198

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в русле частной теории перевода и посвящено выявлению и систематизации стратегий и средств передачи национально-культурного колорита при переводе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык.

В современном мире с постоянно развивающимися межнациональными контактами и сокращением дистанции между различными по своей этнической культуре общностями фокус внимания ученых перемещается с изучения лингвистических аспектов перевода на проблемы взаимодействия культур, устранения различий между ними, преодоления культурного барьера и возможных культурных конфликтов, а также на вопросы совместимости и несовместимости языковых картин мира. Современные исследователи отмечают необходимость изучения межкультурных интеракций, базой для которых станет перевод «как явление контакта культур через контакт языков» [Гарбовский 2007: 43]. Особенно ярко национальные черты контактирующих культур проявляются при переводе художественных произведений, в которых находит отражения национальная картина мира.

Художественный перевод признают формой не только межъязыкового, но и межкультурного контакта [Огнева 2012: 10]. Поскольку в языке объективируются мировоззрение и миропонимание его носителей, перевод предстает своеобразной «вербальной проекцией этноментального опыта одной лингвокультурной общности путем интеграции ментальных пространств переводчика, выступающего в роли представителя другой лингвокультурной общности» [Фесенко 2002: 21]. Согласно концепции Ю. Л. Оболенской, целью художественного перевода является реализация полноценной коммуникации между различными культурами с помощью эстетической интерпретации оригинального художественного текста средствами другого языка [Оболенская 2006: 78].

В последние годы вследствие более тесных контактов и сотрудничества России, Португалии и Бразилии отмечается рост интереса португалоязычной аудитории к изучению русского языка и русской литературы. С одной стороны, русская литература привлекает все больше внимания в университетской академической среде, а с другой, растет и интерес широкой публики. Португалоязычные читатели знакомы с произведениями русских авторов с конца XIX века (когда вышли в свет переводы Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого), однако до середины XX века список португальских переводов русской классики был ограничен.

Роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» известен во всем мире и переведен на многие языки. Многочисленные труды исследователей посвящены изучению различных аспектов перевода этого многопланового произведения на английский, французский, немецкий и другие языки. Однако у португалоязычных читателей возможность приобщиться к шедевру русской литературы и познать великую русскую культуру появилась только во втором

десятилетия XXI века, когда «Евгений Онегин» был впервые переведен на португальский язык. По этой причине представляется целесообразным обратиться к первым португальским переводам пушкинского шедевра, которые ранее не вводились в исследовательское поле.

По словам В. Г. Белинского, роман «Евгений Онегин» является «энциклопедией русской жизни», которая содержит подробное описание быта, культуры, истории и экономики страны в эпоху А. С. Пушкина. Очевидно, что содержательная специфика пушкинского романа, отмеченная известным критиком, определяет важность адекватной передачи национально-культурного колорита, который находит отражение в первую очередь в этнокультурной лексике и фразеологии.

Основными носителями русского культурного кода в тексте оригинала являются реалии, которые, согласно определению С. И. Влахова и С. П. Флорина, понимаются как «слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 2009: 47]. При переводе реалий на другой язык переводчик сталкивается с такими трудностями, как отсутствие в культуре понятия, эквивалентного реалии (референта) и, как следствие, отсутствие ее аналога в языке перевода (далее – ПЯ), а также необходимостью передачи исторической и национально-культурной специфики реалии (коннотации) наряду с ее предметным значением [Там же: 81].

При обращении к русским реалиям романа «Евгений Онегин» в контексте их перевода на португальский язык важно подчеркнуть, что языковые картины мира носителей двух языков значительно отличаются. Так, носителей русского и португальского языков отличает нетождественный подход к категоризации внеязыковой действительности. Трудности перевода реалий обусловлены тем, что понятия и явления, описанные в тексте оригинала, отсутствуют в принимающей культуре либо имеют иное значение в языке перевода. Например, в русском культурном узусе *береза* в широком смысле интерпретируется как один из национальных символов России, олицетворяющий женское начало, в то время как словари португальского языка определяют березу как дерево, распространенное в северной полосе России, не рассматривая его национально-культурное содержание. Подобные различия создают «лингвокультурный барьер», преодоление которого является ключевой задачей переводчика [Тер-Минасова 2008: 52]. Для адекватной передачи культурного кода художественного произведения автор перевода адаптирует текст, используя различные трансформации, дополнения и комментарии, среди которых есть как универсальные средства, так и специфичные для конкретной языковой пары.

В настоящем исследовании мы обращаемся к изучению стратегий и средств передачи русского национально-культурного колорита в двух переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык. **Актуальность** настоящего исследования обусловлена рядом причин.

Во-первых, проблема передачи культурного кода является одной из ключевых для современной теории перевода. В XXI веке на смену текстоцентричной направленности лингвистического подхода в переводе приходит антропоцентрическая парадигма, которая подразумевает интерес, связанный не с самим текстом, а с личностью переводчика, а также с различными культурологическими и этнопсихолингвистическими факторами. Перемещение фокуса внимания на антропоцентризм, а также развитие когнитивной науки стали причиной более активного изучения культурологических аспектов перевода. По этой причине проблематика, связанная с вопросами передачи национально-культурной специфики исходного текста, занимает в современном переводоведении одно из центральных мест. Настоящее диссертационное исследование продолжает развитие теории перевода художественного текста в сопряжении с положениями лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Актуальность диссертационной работы также связана с растущим интересом португалоязычной аудитории к русскому языку, русской литературе и культуре. Информационный портал «Русский мир» сообщает о программах активной популяризации русского языка за рубежом, открытии языковых курсов и чтении лекций по русской литературе во всем мире, что не могло не вызвать отклика у жителей Португалии и Бразилии [Русский мир URL: <https://ruskiymir.ru/>]. За последние два десятилетия создано большое количество португальских переводов отечественной классики, среди которых произведения Н. В. Гоголя, С. А. Есенина, А. П. Чехова, М. И. Цветаевой и других писателей и поэтов.

Свидетельством востребованности русской культуры у португалоязычной аудитории служат данные аналитического сервиса *Google trends*, в соответствии с которыми частота поисковых запросов португальского слова «Rússia» в Португалии и Бразилии стабильно повышается, начиная с 2015 года (см. Рисунок 1).

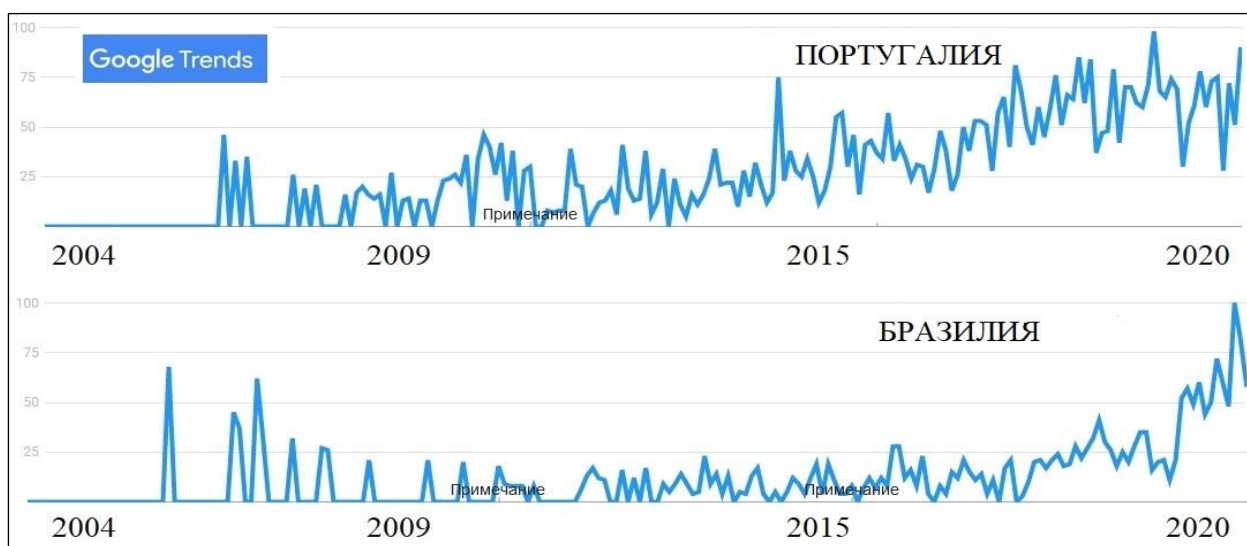

Рисунок 1 – Динамика популярности поисковых запросов со словом «Russia»

В обеих странах также отмечается стабильный интерес к творчеству классиков русской литературы (см. Рисунок 2).

Рисунок 2 – Динамика популярности поисковых запросов с именами русских классиков

В контексте обозначенных векторов развития современного переводоведения и на фоне возрастающего интереса португалоязычной аудитории к русской культуре актуальным представляется обращение к новым текстам, которые впервые знакомят португалоязычного читателя с романом А. С. Пушкина. Переводы «Евгения Онегина» востребованы в португалоговорящих странах, о чем свидетельствует их частое переиздание и труднодоступность приобретения из-за высокого спроса. Однако до настоящего момента португальские переводы романа не являлись объектом исследования в рамках теории перевода.

Важно отметить, что в отличие от английских, французских и немецких текстов переводы «Евгения Онегина» на португальский язык выполнены без опоры на традиции школ перевода. В настоящий момент переводческая традиция в Португалии и Бразилии находится в стадии

формирования, основная проблематика и подходы к литературному переводу с русского языка на португальский получают свое первое описание. Такое положение дел связано с тем, что взаимоотношения России с другими западноевропейскими странами, например, с Великобританией, США и Францией, складывались на протяжении нескольких столетий, что способствовало помимо прочего и осуществлению культурного обмена, в то время как активная коммуникация России с Бразилией и Португалией началась только в период Нового времени. Кроме того, в настоящий момент в российском переводоведении работы, направленные на изучение русско-португальских переводов художественных произведений, немногочисленны и не охватывают проблему передачи культурного кода. Данные обстоятельства также обуславливают необходимость обращения к проблематике передачи национально-культурного колорита в русско-португальском переводе.

Объектом исследования являются русские реалии в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как безэквивалентные языковые единицы, выступающие носителем культурно значимой информации, и их португальские соответствия.

Предметом исследования выступают стратегии и средства передачи русских реалий в переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык.

Теоретическую и методологическую базу исследования определяют положения отечественных и зарубежных исследователей, связанные с:

- изучением подходов к переводу классического русского романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в мировой переводческой практике [Богинская 2016, 2017; Бугреева 2018; Бутенина 2017; Воробьева 2020; Данилевский 1999; Дымант 2019; Карпенко 2020; Липгарт 2015; Ненарокова 2017; Нестерова 2014; Разумовская 2013, 2020; Ремчукова, Недопёкина 2020; Тик 2015; Тихомирова 2013; Филиппова 2019; Фролов 2017; Чельшев 2015; Эткин 1999; Явари 2016; Caffee 2017; Debreczeny 1997; Kobrina-Coolidge 2015; Munjal 2020 и др.].
- представлениями о культурном коде как элементе концептуальной структуры художественного текста и специфики его ретрансляции в переводе [Бархударов 2008; Болдырев 2021; Валеева 2006; Валуйцева, Хухуни 2015; Виноградов 2001; Гарбовский 2007; Горшкова 2020; Денисова 2020; Емельянова 2015; Казакова 2006; Комиссаров 2004; Нелюбин, Хухуни 2006; Нестерова, Соколова 2021; Раренко 2019; Тер-Минасова 2008; Хайруллина 2021; Хухуни, Валуйцева 2003, 2018; Шмелев 2012; Эко 2006; Bassnett 2000; Catford 1965; Harding, Cortes 2018; Rubel, Rosman 2003; Trivedi 2007; Vermeer 2000 и др.].
- разработкой принципов лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе на другой язык [Алексеева, Корнева, Полянчук 2019; Виноградов 2001; Войнич 2010; Гарбовский 2007; Ланчиков 2002; Лядова, Кушникова 2015; Нелюбин 2018; Огнева 2012; Тимко

- 2007; Хухуни 1996; Хухуни, Беляева, Валуйцева, Осипова 2018; Чуковский 2011; Шелестюк 2013; Шлейермахер 2000; Dyachkovskaya 2018; Roig-Sanz, Meylaerts 2018; Venuti 2008 и др.].
- определением объема понятия «реалия» в переводоведении, роли реалий в создании культурного фона художественного произведения, их классификации и перевода [Бархударов 2008; Верещагин, Костомаров 1980; Виноградов 2001; Вишневская, Нерсесова, Зоц 2018; Влахов, Флорин 2009; Воробьев 2008; Греф 2017; Комиссаров 2004; Кретов, Фененко 2013; Петрова 2017; Томахин 2007; Фененко 2014; Цепков 2015; Шкурат 2017; Katan 2018; Newmark 1981; Nida 2001 и др.].
 - экспериментальным направлением в переводоведении [Волкова 2018; Воюцкая 2019; Гильмуллина 2016; Княжева, Пирко 2013; Минченков 2008; Погосов 2009; Рудакова, Стернин 2016; Сардарова 2016; Федорова 2013; Шестерина 2017; Яковлев 2015; Alvstad, Hild, Tiselius 2011; Рум, Torres-Simón 2014 и др.].
 - спецификой отражения национальной культуры в лексике русского и португальского языков [Гуревич 2019; Данчевская 2018; Косарик 2005; Мендонса Жоау, Хван 2013; Сапрыкина 2015; Микаэлян 2017; Samara Cascudo 2001; Tagnin 2005 и др.].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей ретрансляции культурно релевантной информации в португальских переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», а также в разработке модели передачи реалий в русско-португальском художественном переводе.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **исследовательских задач**:

- 1) изучить исследовательские подходы к оценке переводов романа «Евгений Онегин» в мировой переводческой практике.
- 2) уточнить объем понятия «реалия» в современной теории перевода, определить роль реалий в создании культурного фона художественного произведения, систематизировать способы перевода реалий;
- 3) провести комплексный сравнительно-сопоставительный анализ русских реалий и их соответствий в португальских переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», выполненных Дарио Морейра де Кастро Алвесом и Ниной и Филиппе Герра;
- 4) определить принципы ретрансляции культурно значимой информации в переводах романа А. С. Пушкина на португальский язык;
- 5) выявить доминирующие и методологически адекватные стратегии и средства передачи реалий в португальских переводах романа «Евгений Онегин»;
- 6) разработать модель передачи реалий в русско-португальском художественном переводе;

- 7) верифицировать разработанную модель посредством переводческого эксперимента с участием реципиентов перевода.

В соответствии с задачами исследования применялся комплекс **методов**, адекватных задачам каждого из этапов работы. Изучение стратегий и средств передачи русских реалий на португальский язык в переводах романа осуществлялось поэтапно.

Первый этап был посвящен проектированию исследования. Контекстуальный анализ романа «Евгений Онегин» и метод сплошной выборки применялись для составления параллельного переводческого корпуса, в который вошли фрагменты из пушкинского романа на языке оригинала, содержащие реалии, и соответствующие им фрагменты из двух португальских переводов.

Второй этап исследования предполагал классификацию и последующую систематизацию русских реалий, включенных в параллельный корпус. Распределение зарегистрированных в корпусе реалий по классам было выполнено в соответствии с классификацией В. С. Виноградова [Виноградов 2001: 49], в основу которой положен семантический признак. В корпус вошли бытовые, этнографические, природные, ономастические реалии, а также фразеологические единицы.

На третьем этапе проводился сопоставительный анализ русских реалий и их португальских соответствий в исследуемых переводах. Сравнительный и описательный методы использовались для выявления сходств и различий в подходах к переводу реалий разными переводчиками. Далее на основании результатов количественного анализа были определены доминирующие стратегии и средства передачи реалий в каждом из переводов романа на португальский язык, а также оптимальность их выбора с точки зрения потенциала в обеспечении эквивалентности / адекватности единиц перевода единицам оригинала. Полученные результаты подвергались верификации в ходе переводческого эксперимента с участием информантов-носителей португальского языка.

Материалом настоящего исследования послужили тексты оригинала романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и двух португальских переводов романа за авторством Дарио Морейра де Кастро Алвеса (2008 г.), Нины и Филиппе Антониу Герра (2016 г.); комментарии переводчиков; данные лексикографических источников; анкеты, составленные для проведения переводческого эксперимента, и ответы носителей португальского языка.

Научная новизна исследования определяется тем, что, во-первых, в исследовательское поле переводоведения впервые введены переводы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык; во-вторых, выявлены принципы ретрансляции культурно релевантной информации в русско-португальском художественном переводе; в-третьих, впервые

используется экспериментальная методика в русле частной русско-португальской теории перевода.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии положений, связанных с проблемой ретрансляции культурного кода в художественном переводе, и усовершенствовании методологии анализа перевода художественных текстов с русского языка на португальский. Полученные результаты свидетельствуют о закономерностях выбора стратегии / средства передачи русских реалий, которые обусловлены рядом объективных причин лингвистического и экстралингвистического характера. Разработанная на материале русско-португальских соответствий модель оценки адекватности перевода этнокультурно-специфических единиц позволяет определить адекватные стратегии и средства передачи реалий в художественном переводе и может быть экстраполирована на другие пары языков. Концепция переводческого эксперимента может служить для верификации оценки качества перевода и стандартизации подходов к переводу культурно значимой информации в русско-португальской паре и на материале других языков.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов исследования в преподавании курсов португальского языка и португальской лексикологии, в лексикографической практике, в спецкурсах по лингвострановедению, теории межкультурной коммуникации, теории и практике перевода, в лекционных курсах по контрастивной лексикологии и сравнительной типологии, при проведении лингвистических исследований и разработке учебных и методических пособий. Собранный эмпирический материал может быть применен в работе по составлению и редактированию русско-португальских словарей, португальских лингвострановедческих словарей, а также сборников с комментариями к русско-португальским переводам художественных произведений. Полученные результаты могут лечь в основу дальнейших исследований переводов русской классики на португальский язык и изучения вопросов ретрансляции культурного кода в переводе на материале других языков.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Для целей исследования механизмов ретрансляции культурно значимой информации в португальских переводах романа «Евгений Онегин» методологически релевантной является комплексная методика, сочетающая методы сопоставительного, сравнительного, контекстного и количественного анализа, а также метод переводческого эксперимента с участием реципиентов-носителей португальского языка.
2. Адекватность использования стратегий и средств передачи русских реалий в художественном переводе на португальский язык целесообразно определять в соответствии с критериями лингвокультурной модели перевода, среди которых

сохранение колорита исходной реалии, передача ее (прямого и/или коннотативного) значения, а также воссоздание коммуникативного эффекта оригинала.

3. Превалирующей при передаче бытовых реалий в обоих португальских переводах романа «Евгений Онегин» является стратегия доместикации, реализованная посредством уподобляющего перевода. При этом методологически адекватной стратегией ретрансляции реалий данной группы выступает форенизация, реализованная переводчиками при помощи транскрипции и транслитерации исходных единиц.
4. Доминирующей стратегией перевода этнографических и природных реалий пушкинского романа является доместикация, которая преимущественно реализуется посредством уподобляющего и гипо-гиперонимического перевода, в то время как наибольший показатель адекватности отмечается у стратегии форенизации, представленной такими средствами, как транслитерация и калькирование.
5. Передача ономастических реалий на португальский язык в обоих переводах преимущественно осуществляется при помощи форенизации исходных единиц путем их транскрипции и транслитерации. При этом методологически адекватными средствами реализации стратегии в переводе Дарио Алвеса являются транслитерация и калькирование, а в переводе Нины и Филиппе Герра – калькирование и транскрипция.
6. Наиболее частотной стратегией ретрансляции фразеологических единиц в обоих переводах является доместикация, реализованная переводчиками при помощи описания. Наряду с этим методологически адекватным средством передачи фразеологизмов является фразеологический эквивалент, который реализует стратегию форенизации.
7. Переводческий эксперимент, направленный на верификацию выводов об адекватности использования механизмов ретрансляции культурно значимой информации, может успешно применяться в переводоведении для оценки адекватности способов передачи этнокультурно-маркированной лексики.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во **введении** аргументируется актуальность исследования, выбор объекта, предмета исследования, формулируются его цель и задачи, указывается теоретическая и методологическая база исследования, раскрываются теоретическая и практическая значимость работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **главе 1** «Теоретические основания исследования переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в лингвокультурной перспективе» описываются основные доминанты перевода романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в мировой переводческой практике, рассматриваются проблематика и предпосылки исследования передачи русского национально-

культурного колорита в переводах романа на португальский язык. В главе также анализируются основные векторы развития культурологического направления в теории перевода, дается обзор исследований, отражающих стратегии и средства ретрансляции культурно значимой информации при переводе художественного текста.

В главе 2 «Особенности передачи культурно значимой информации в переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык» дается описание методики исследования механизмов ретрансляции этнокультурно-маркированных единиц в русско-португальском художественном переводе, выявляются доминирующие стратегии и средства перевода реалий, определяется оптимальность их выбора в каждом из переводов, а также приводятся данные экспериментальной верификации разработанной модели передачи реалий.

В заключении представлены результаты исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Приложение содержит примеры анкет для заполнения информантами при проведении переводческого эксперимента с участием носителей португальского языка.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов в рамках следующих научных конференций:

1. XXIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 11–15 апреля 2016 г.);
2. XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 10–14 апреля 2017 г.);
3. Международная научная конференция португалистов «VI Камозэнсовские чтения» (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 30 ноября 2018 г.);
4. V Международный научно-образовательный форум молодых переводчиков «Языковая личность и перевод» (Беларусь, Минск, БГУ, 12–13 ноября 2020 г.);
5. Научно-практическая молодежная блог-конференция «Люди речисты» (Ульяновск, УлГПУ имени И. Н. Ульянова, 15–16 апреля 2021 г.);
6. Научная конференция Института иностранных языков МГПУ «Научный старт – 2021 (с элементами научной школы)» (Москва, ГАОУ ВО МГПУ, 23 марта 2021 г.).

Исследование также было отмечено дипломами победителя в конкурсах научно-исследовательских работ:

1. II международный конкурс научно-исследовательских работ «Моя интеллект-траектория» в категории «Молодой ученый» по направлению «Переводоведение» (Ульяновск, УлГПУ имени И. Н. Ульянова, 13 декабря 2020 г. – 27 июня 2021 г.).
2. Конкурс научно-исследовательских работ студентов и аспирантов в рамках Международного Форума «Лингвистика и вызовы современной парадигмы

общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие» по направлению «Переводоведение» в категории «Лучшая научно-исследовательская работа аспиранта» (Воронеж, ВГУ, 24–28 ноября 2021 г.)

Основные результаты диссертационного исследования отражены в 7 публикациях общим объемом 4,85 п.л., из них 5 работ (3,85 п.л.) опубликованы в изданиях, включенных в Перечень Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки Российской Федерации.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1.1. Перевод романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на языки мира

В условиях непрерывной глобализации XXI века проблема взаимопонимания между собеседниками в процессе диалога является значимой не только в контексте реальной жизни, но и при изучении богатства культурного наследия. Именно поэтому в современном мире особое внимание исследователей уделяется осмыслению памятников культуры других времен и народов, определению позиций и мыслей их создателей, вложивших в произведения не только свой талант, но и опыт, знания, духовные поиски эпохи, и превративших эти знания в общечеловеческие ценности. Для определения смыслов, заложенных в произведения различных культур и эпох, важно не только знание их общего содержания, но также и понимание духовного мира человека, который является непосредственным носителем культуры [Чельшев: 2015: 17]. Наиболее ярко соприкосновение культур отмечается в области перевода художественных текстов, в особенности поэтических, где интенция автора и его национальное самосознание сочетаются с общечеловеческими жизненными смыслами, которые необходимо верно интерпретировать и передать в тексте перевода. Примером сочетания духовных поисков автора и выражения национальной идентичности являются тексты поэтических произведений А. С. Пушкина, перевод которых предполагает не только точность в передаче содержания и поэтической формы, но и воссоздание русского национального колорита средствами иного языка и иной культуры.

Рассуждая о творчестве русского поэта, М. Л. Гаспаров подчеркивает его важность в становлении и развитии русской литературы, называя поэта «началом всех начал» и «солнцем русской поэзии». Автор отмечает, что А. С. Пушкин относится к великим писателям, «творчество которых стало живым достоянием, не только национальной, но и мировой литературы» [Гаспаров 2018: 64]. По этой причине знакомство иностранцев с русской культурой чаще всего начинается именно с произведений А. С. Пушкина.

Роман в стихах «Евгений Онегин» является одним из наиболее значимых памятников русской культуры. По мнению В. Г. Белинского, «Онегин» — это первая «истинно национально-русская поэма в стихах», в которой больше «народности», чем в других народных русских произведениях [Белинский 2012: 2]. В. В. Набоков, в свою очередь, называет произведения А. С. Пушкина, прежде всего, «явлением стиля». Талант и гениальность А. С. Пушкина В. В. Набоков видит именно в речи, «мелькающей в стихотворных мелодиях, подобной которой в России еще никогда не знали» [Комментарий к роману «Евгений Онегин» URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/evgenij-onegin/index.htm>].

Сложно отрицать значимость романа для русской культуры и мировой литературы в целом. Среди отечественных исследователей творчества А. С. Пушкина комментарии, в том числе сборники с комментариями к «Евгению Онегину», оставили Н. Л. Бродский [Бродский 2005], Г. О. Винокур [Винокур 1941], С. М. Бонди [Бонди 1976], Б. В. Томашевский [Томашевский 1978], В. В. Набоков [Набоков 1998] и Ю. М. Лотман [Лотман 2021]. Значительный вклад в исследование поэтического произведения А. С. Пушкина за рубежом внесли такие ученые, как Я. Лаврин [Lavrin 1947], Р. Мэтло [Matlaw 1959], У. Тодд [Todd, Belknap 1978], Э. Бригс [Briggs 1992], Р. Эдмондс [Edmonds 1994] и др.

С момента выхода роман «Евгений Онегин» был переведен на большое количество языков и до сих пор остается в центре внимания современных специалистов в области перевода во всем мире. По словам Е. А. Дорофеевой, еще при жизни А. С. Пушкина (в 1823–1836 гг.) его произведения были переведены 75 раз на двенадцать различных языков [Дорофеева 2019: 111], а по данным информационного портала «Русский мир», только за последние десять лет роман в стихах был переведен на такие языки, как французский, аварский, каталонский и немецкий [Русский мир URL: <https://russkiymir.ru/>].

Фокус внимания современных исследователей переводов романа «Евгений Онегин» на языки мира направлен на изучение лингвостилистических аспектов оригинала [Нестерова 2014; Ремчукова, Недопёкина 2020; Тик 2015; Воробьева 2020; Kobrina-Coolidge 2015], стратегии передачи поэтической формы пушкинского романа [Богинская 2016; Филиппова 2019; Теплова 2019; Миронова 2019; Дымант 2019; Карпенко 2020; Munjal 2020] и сохранения национального колорита произведения в контексте инокультурной среды [Явари 2016; Бутенина 2017; Разумовская 2020; Caffee 2017].

Особое внимание следует уделить тому, что роман А. С. Пушкина представляет трудность для переводчика художественной литературы. В первую очередь это объясняется многообразием и богатством русской культуры, отраженной на страницах пушкинского романа, и необходимостью как можно точнее воспроизвести особенности русского национального колорита в контексте иного языка и культуры [Данилова, Тивьяева 2020: 171]. Кроме того, в переводе важно не только передать смысл исходного произведения, но также сохранить эстетическое воздействие романа на читателя, заложенное в оригинальный текст произведения. По мнению А. А. Липгарта, неудачные переводы поэзии А. С. Пушкина появляются «не только и не столько из-за того, что переводчик не знает, не чувствует своего собственного языка или не обладает достаточным поэтическим дарованием, сколько потому, что он не может отвлечься от поиска буквальных соответствий подлиннику и сосредоточиться на создании текста, который бы в первую очередь оказывал на читателя эстетическое воздействие, не утрачивая при этом звукового, ритмического и смыслового подобия оригиналу...» [Липгарт 2015: 48].

В переводоведении выделяются два основных вида переводов художественного текста, которые получили различные наименования в работах авторов: иллюзионистский и антииллюзионистский [Левый 1974: 17], парафрастический и буквальный [Набоков 1998: 21], оригинальное произведение и путь к произведению [Ортега-и-Гассет 1991: 13]; лексический (пословный) и свободный [Бархударов 2008: 1], прямой и косвенный [Вине, Дарбельне 1978: 157].

В данных терминах авторы описывают два противоположных, но взаимодополняющих подхода к переводу. Первый подход отражает стремление переводчика наиболее точно, почти дословно, передать семантические, стилистические и формальные особенности оригинального текста, второй отражает стремление к адаптации оригинала с учетом культурного кода адресата перевода.

Взаимодействие вышеописанных подходов можно проследить на примере переводов «Евгения Онегина» на английский язык. А. А. Липгарт отмечает, что среди многочисленных попыток перевода пушкинского романа лишь некоторые увенчались успехом [Липгарт 2015: 49]. Среди таких работ традиционно выделяют перевод, выполненный Г. Сполдингом (1881). Сильной стороной перевода является точность передачи содержания произведения, однако поэтические особенности романа, такие, как рифмы и слог, автору передать не удалось [Разумовская 2013: 75]. Неудивительно, что, прочитав этот перевод, известные английские критики сравнивали роман А. С. Пушкина с творчеством Дж. Элиота, находя в них много общего [Бугреева 2018: 11].

На протяжении более чем полувека в фокусе внимания исследователей находятся английские версии перевода «Евгения Онегина» У. Арндта (1963) и В. В. Набокова (1964). Несмотря на то, что авторы использовали диаметрально противоположные подходы, оба перевода получили высокую оценку критиков. В этой связи американский пушкинист и профессор университета в Северной Каролине Пол Дебрецени предлагает следующий комментарий: «Это переводы, которые как бы исключают друг друга, они принципиально по-разному сделаны» [Debreczeny 1997: 107]. Перевод У. Арндта является образцовым традиционным переводом, в котором переводчик пытается быть как можно ближе к оригиналу не только при передаче смысла произведения, но и его поэтической формы (рифма, размер, звукопись, структура пушкинской строфы). Как отмечают Е. Н. Ремчукова и Е. М. Недопёкина, в 1964 году У. Арндт был удостоен престижной Боллингенской премии именно за сохранение онегинской строфы [Ремчукова, Недопёкина 2020: 954].

Что касается перевода В. В. Набокова, то, по мнению П. Дебрецени, «перевод Набокова, другого рода, – нетрадиционный. В. В. Набоков, который очень легко и хорошо мог писать стихи как по-русски, так и по-английски, после нескольких попыток сделать стихотворный перевод

«Евгения Онегина» пришел к сознательному заключению, что создать адекватный поэтический перевод на английском языке невозможно. Исходя из этого, он сделал тщательнейший подстрочный перевод, который сопровождал двухтомным комментарием...» [Debreczeny 1997: 115].

О проблеме перевода пушкинского романа рассуждал К. И. Чуковский, отмечая, что «...перед каждым переводчиком «Евгения Онегина» стоит дилемма: либо удовлетвориться точным воспроизведением сюжета и совершенно позабыть о художественной форме, либо создать имитацию формы и снабдить эту имитацию обрывками формы, убеждая и себя и читателей, что такое искажение смысла во имя сладкозвучия рифм дает переводчику возможность наиболее верно передать «дух» [Чуковский 2011: 54]. Такой выбор стоял и перед В. В. Набоковым, который предпочел второй путь и принял решение наиболее точно передать смысловое содержание произведения.

В свою очередь, сам В. В. Набоков считал, что единственно верным решением является семантически точный, буквальный перевод произведения, а изменение смысла оригинального текста может объясняться ничем иным как невежеством переводчика. Аргументируя свою позицию, писатель утверждал, что сохранить уникальность и особенности пушкинской строфы без искажения оригинального смысла романа не представляется возможным [Набоков 1998: 11].

Свои взгляды на проблемы перевода художественных текстов В. В. Набоков выражает в работах «Искусство перевода» [Nabokov 1941], «Проблемы перевода» [Nabokov 2000] и комментариях к собственным переводам, в том числе к переводу «Евгения Онегина» [Набоков 1998].

Ключевой работой для понимания набоковской концепции художественного перевода является эссе «Проблемы перевода», позволяющее осознать основные принципы, которыми руководствовался автор. Анализируя пушкинский язык и просодические различия русскоязычной и английской поэзии, В. В. Набоков приходит к выводу, что все стихотворные переводы романа являются «неправильными...карикатурными пародиями на оригинал» [Nabokov 2000: 78]. Единственной и обязательной задачей переводчика литературного произведения автор считает абсолютно точное воспроизведение текста, и ничего кроме текста. По мнению переводчика, буквальный перевод должен отождествляться с понятием «перевод» в противоположность имитации, адаптации и пародии, которые переводом не являются [Там же: 77]. Как замечает Ю. А. Дымант, В. В. Набоков был убежден, в том, «что перевод должен передавать тончайшие нюансы значений каждого слова исходного текста и погружать читателя в атмосферу оригинала» [Дымант 2019: 12]. Основные идеи В. В. Набокова, изложенные в эссе, были в дальнейшем более подробно раскрыты в комментариях к его переводу «Евгения Онегина».

По словам М. Р. Ненароковой, «редкий переводчик позволит себе сознательно пренебречь стилем Пушкина, решит изменить форму его произведения в переводе» [Ненарокова 2017: 806]. В том случае если это происходит, переводчик подобно В. В. Набокову вынужден отстаивать свои взгляды при помощи переводческого комментария. В комментариях к роману «Евгений Онегин» В. В. Набоков разграничивает понятия парафрастического, лексического и буквального перевода, определяя последний как передачу «точного контекстуального значения оригинала, столь близко, сколь это позволяют сделать ассоциативные и синтаксические возможности другого языка. Только такой перевод можно считать истинным» [Набоков 1998: 27]. Руководствуясь основными принципами своей концепции, автор делает перевод пушкинского романа настолько семантически точным, насколько это возможно в системе иного языка и иной культуры.

Отметим, что с момента выхода набоковского перевода «Евгения Онегина» наибольшей критике подвергалось решение автора перевести стихотворный текст прозой. По мнению С. Ф. Гончаренко, перевод поэтической лирики прозой не может считаться адекватным [Гончаренко 2018: 4]. В ответ критикам В. В. Набоков утверждал, что намеренно отказался от сохранения поэтической формы и благозвучности ради полноты смысла. Кроме того, автор считал свой перевод недостаточно буквальным, так как в некоторых случаях, «чтобы перевод не утратил смысла, приходилось держаться определенных синтаксических норм, ведущих к изменениям в строе и расположении английского предложения» [Набоков 1998: 28–29].

По мнению В. И. Фролова, основные принципы «буквалистской» программы В. В. Набокова можно сформулировать следующим образом:

1. Принцип «непрозрачности». Читатель должен понимать, что перед ним находится текст, который изначально написан на иностранном языке;
2. Отказ от адаптации текста к нормам принимающего языка и культуры посредством добавлений, опущений и т. д.;
3. Принцип приоритета точных контекстуальных значений над поэтической формой и даже грамматикой [Фролов 2017: 36].

В рамках настоящего исследования концепция В. В. Набокова, воплощенная в его переводе романа «Евгений Онегин», рассматривается как уникальный пример полного отказа от адаптации художественного произведения в угоду нормам языка и культуры оригинала. Несмотря на многолетнюю критику буквального подхода к переводу, набоковский перевод романа и комментарии к нему являются необходимыми методическими и справочными источниками, к которым обращаются переводчики «Евгения Онегина» во всем мире. Исключением не стали и авторы португальских переводов, составивших эмпирическую базу настоящего исследования. Дарио Алвес отмечает, что не столько оригинал, сколько перевод

В. В. Набокова позволил ему понять особенности русской культуры и отразить ее на страницах своего португальского перевода [Сетевое издание «Правда.Ру» URL: <https://port.pravda.ru>].

Ч. Джонстон, автор еще одного английского перевода романа «Евгений Онегин», отчасти опирался на версию В. В. Набокова, однако придерживался противоположного мнения относительно перевода романа. Ч. Джонстон доказывал возможность парафрастического перевода, сохраняя при этом смысловую точность оригинального произведения. Особое внимание в переводе уделяется передаче поэтической формы романа. Для лучшего понимания позиции Ч. Джонстона рассмотрим две переводческие концепции, отразившиеся на качестве переводов: Ч. Джонстона (1977) и О. Элтона (1937).

По мнению О. Элтона, одной из основных задач при переводе поэтического текста является передача точной рифмы, в то время как инструментарий пушкинского стиха в его переводе не учитывается. В свою очередь, Ч. Джонстон считал, что не менее важной при переводе пушкинского романа является передача звукописи внутри стиха, параномазии и аллитерации [Липгарт 2015: 50]. Тем не менее, по словам американского пушкиниста Л. Г. Лейтона, «неверности» и неточности в переводе Ч. Джонстона заключаются не столько в передаче смысла, сколько в изменении ритма и стиля оригинального произведения [Лейтон 1999: 9].

Подчеркивая сложность передачи поэтической формы «Евгения Онегина» на английский язык, Ю. А. Тихомирова отмечает, что «основа стиля русского гения – легкое, великолепное использование всего разнообразия оттенков смыслов, которое дают система падежных флексий, а также нефиксированный порядок слов» плохо поддаются переложению на английский язык [Тихомирова 2013: 29]. По мнению автора, в английских переводах поэтика А. С. Пушкина приобретает «некоторую прямолинейность стиля» и утрачивает свою «завораживающую оркестровку» [Там же: 30]. По этой причине проблема передачи пушкинской поэзии на английский язык все еще остается нерешенной.

Анализ специфики переводов стихотворного романа «Евгений Онегин» требует также обращения к работам, выполненным на французском языке. Одной из главных проблем, с которой сталкиваются переводчики произведения на французский язык, является сохранение поэтической формы и стилистики оригинального текста. Важно отметить, что системы стихосложения в русском и французском языках имеют значительные различия, поэтому говорить об их соответствии в исходном тексте и переведенной версии можно лишь условно. Русская силлаботоника базируется на регулярном чередовании ударных и безударных слогов, в то время как во французской силлабике основной мерой стиха является равное во всех единицах число слогов с обязательным ударением на последнем слоге [Богинская 2017: 3]. Таким образом, перед французскими переводчиками встает задача подобрать стихотворную форму, которая, по

их мнению, наиболее точно соответствует оригиналу. К решению этой задачи авторы подходят по-разному: от прозы (в более ранних переводах) до точной имитации силлабо-тонического размера.

Среди переводов, выполненных во второй половине XIX века, выделяются работы А. Мицкевича, П. Мериме и И. С. Тургенева, который совместно с Луи Виардо перевел ряд произведений А. С. Пушкина, таких, как «Анчар», «Каменный гость», «Русалка» и «Евгений Онегин» (1858–1862). Е. Г. Эткинд отмечает, что «Мериме и Тургенев способствовали пробуждению интереса к Пушкину во Франции – но прозаическое изложение стихов не могло не вызвать живого увлечения читателей» [Эткинд 1999: 18].

Особое внимание необходимо также уделить переводу «Евгения Онегина» Гастона Перо (1902), в котором автор сохранил строфу оригинального произведения. Характерной чертой перевода Г. Перо является наличие изменения синтаксической структуры (например, увеличение числа сказуемых с помощью перефразирования и т.п.). Важно также заметить, что в его переводе присутствуют семантические и стилистические расхождения с оригинальным текстом. Это обусловлено тем, что автор значительно адаптировал текст, частично заменяя его на «собственный». Тем не менее, в своем переводе Г. Перо сохранил рифму оригинала и попытался сохранить размер русского стиха [Там же: 16].

Из более поздних переводов «Евгения Онегина» на французский язык выделим работы Ж.-Л. Бакеса (1996) и А. Марковича (2005) – в них авторы используют различные подходы для передачи поэтической формы романа. К отличительным особенностям перевода Ж.-Л. Бакеса относятся отказ от рифм, синтаксические изменения, ослабление экспрессивности лексических единиц. В свою очередь, русский переводчик А. Маркович выбрал иной подход для решения поставленной задачи. В переводе он полностью сохранил оригинальную схему рифмовки онегинской строфы (четырёхстопный ямб, 14 строк, рифмовку abab, ccdd, effe, gg, концовку – «пуант» и двусложный размер), а также ритм и интенсивность действия пушкинского текста. Как отмечает Н. Е. Теплова, при переложении романа на французский язык А. Маркович использовал метод «перевода на слух», а именно читал себе «Евгения Онегина» вслух по-русски и затем накладывал обрывки французского текста и записывал лишь тогда, когда строфы приобретали законченный вид [Теплова 2019: 48]. Такой метод позволил переводчику передать не только рифму, но и мелодику пушкинского шедевра.

Упомянутые выше переводы «Евгения Онегина» на французский язык построены принципиально разным образом, однако их общей характерной чертой является «качественное и явное обеднение лексики» [Богинская 2017: 2]. Это обусловлено тем, что выразительные средства во французском языке кардинально отличаются от русских. Данный феномен в своей работе «Поэзия и перевод» рассматривал Е. Г. Эткинд: «...французский язык почти не содержит

архаических слов и выражений, столь важных для нашего языка и позволяющих русскому поэту создавать при помощи лексических средств высокий, торжественный стиль. Французы располагают иными средствами архаизации речи, причем средства эти скорее находятся в области синтаксиса, нежели лексики [Эткинд 1999: 18]. Такая особенность объясняется также более узконаправленной классовой специализацией в лексике русского языка по сравнению с французской [Богинская 2017: 3]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что сложность для французских переводчиков «Евгения Онегина» заключается в передаче стилистических особенностей русской лексики, эквивалента по качеству и богатству которой зачастую нет во французском.

Обращаясь к анализу специфики переводов «Евгения Онегина» на немецкий язык, Р. Ю. Данилевский отмечает, что наиболее качественные переводы романа принадлежат авторам, которые имели опыт жизни в России и хорошо знакомы с особенностями русской культуры [Данилевский 1999: 6]. Автором одного из таких переводов является Фридрих Боденштедт, который жил в России на протяжении шести лет с 1840 по 1846 гг. В дальнейшем около 50 лет автор занимался переводами на немецкий язык русской литературы и народных песен, а также читал лекции, посвященные славянским языкам в Мюнхенском университете. В полном двадцатитомном собрании сочинений Ф. Боденштедта (1865–1869 гг.), а именно в четвертом и пятом томах, представлены немецкие переводы произведений А. С. Пушкина и, в частности, романа «Евгений Онегин». Своим творчеством переводчик оказал значительное влияние на восприятие немецкими читателями русских произведений, которые дошли до немецкой аудитории в «романтизированном виде с некоторыми элементами сентиментализма» [Чельшев 2015: 16]. Так, в своем переводе романа «Евгений Онегин» автор смягчает или полностью опускает сатирические строки А. С. Пушкина. Кроме того, в тексте перевода утрачивается стилистическое разнообразие языка: не передаются неологизмы, просторечные формы, галлицизмы и архаизмы [Там же: 21].

Среди переводчиков произведений А. С. Пушкина на немецкий язык особо выделяется самоотверженный исследователь и инициатор создания в Бонне Немецкого Пушкинского общества Рольф-Дитрих Кайль, «который в результате многолетнего подвижнического труда сумел... удачно переложить хорошими немецкими стихами «Евгения Онегина», трагедию «Моцарт и Сальери», поэму «Медный всадник», другие произведения Пушкина» [Данилевский 1999: 6]. Работа Р.-Д. Кайля – примечательное явление на фоне множества других переводов творчества А. С. Пушкина на немецкий язык. Особенностью данного перевода является намерение автора как можно точнее передать онегинскую строфу, сохраняя не только смысл каждого стиха, но также его звуковой облик. Таким образом Р.-Д. Кайль старался сохранить и передать иностранным читателям оригинальное восприятие пушкинского романа [Миронова

2019: 209]. Именно для этого, в качестве основы переводчик взял текст последней авторской редакции 1837 года с комментариями писателя. Задача Р.-Д. Кайля заключалась также в передаче уникальной разговорной интонации, которая придает роману А. С. Пушкина легкость и непринужденность. В комментариях к переводу Р.-Д. Кайль обращает внимание на «эстетическую информативность» перевода [Данилевский 1999: 21]. Исходя из этого, рифмы и ударения в словах подобраны по правилам орфоэпии, а не орфографии, то есть в соответствии с разговорными нормами немецкого языка. Стремясь как можно вернее передать содержание, автор перевода подбирает эквиваленты русских речевых оборотов в своем родном немецком языке, за что в итоге получает высокую оценку критиков.

Анализ переводов романа «Евгений Онегин» на английский, французский и немецкий языки позволяет сделать вывод о том, что специфика русской языковой системы, индивидуальный стиль автора и поэтическая форма оригинального произведения представляют особую трудность для переводчиков. В рамках различных школ перевода авторы выделяют переводческие доминанты, основные задачи перевода и нередко используют противоположные подходы к их решению. Так, английская школа перевода уделяет особое внимание верной передаче содержания романа (Г. Сполдинг), семантической близости перевода оригиналу (В. В. Набоков), формальной точности перевода (О. Элтон) и сохранению поэтичности и звуковой организации произведения (Ч. Джонстон). Переводчики романа на французский язык в первую очередь стремились воссоздать поэтическую форму оригинала, а именно сохранить рифму и размер стиха (Г. Перо), схему рифмовки онегинской строфы и выразительность, экспрессивность поэтики автора (А. Маркович). Авторы переводов «Евгения Онегина» на немецкий язык прошли путь от романтизации текста и нейтрализации авторской сатиры (Ф. Боденштедта) до стремления передать не только смысл каждого стиха, но и его звуковой облик, и эстетическое воздействие на читателя (Р.-Д. Кайль).

Настоящее исследование направлено на изучение специфики переводов романа «Евгений Онегин» на португальский язык, актуальность которого обусловлена в первую очередь обращением к новому материалу. От английских, французских и немецких переводы «Евгения Онегина» на португальский язык отличаются тем, что они выполнены без опоры на традиции школ перевода. Важно подчеркнуть, что в настоящий момент переводческая традиция в Португалии и Бразилии еще не устоялась и находится в стадии формирования, определяются основная проблематика и подходы к литературному переводу с русского языка на португальский. Причина этого в том, что культурный обмен России с другими западноевропейскими странами, такими как Великобритания, США, Франция, Германия, осуществлялся на протяжении нескольких столетий, в то время как активная коммуникация России с Бразилией и Португалией началась только в период Нового времени. В связи с этим в настоящий момент одной из наиболее

важных и дискуссионных проблем при переводе русских художественных текстов на португальский язык является передача национального колорита. Выбор наиболее удачной и жизнеспособной стратегии трансляции культурного кода в русско-португальской межкультурной коммуникации только еще предстоит сделать португалоязычному читателю, что обуславливает актуальность выбора в качестве объекта настоящего исследования специфику передачи русского национально-культурного колорита «энциклопедии русской жизни» А. С. Пушкина на португальский язык.

Итак, роман «Евгений Онегин» – произведение сложное и многослойное, ставящее перед переводчиком ряд задач, решение которых требует высокого мастерства и превосходного знания русского языка и культуры. По словам В. Г. Белинского, роман является в высшей степени народным произведением, «энциклопедией русской жизни» дающей подробное описание культуры, быта, истории и экономики страны эпохи автора [Белинский 2012: 16]. В связи с этим одним из наиболее важных аспектов при переводе романа является адекватная передача национального колорита пушкинского шедевра. Применительно к задачам настоящего исследования необходимо определить адекватные стратегии и средства передачи национально-культурного своеобразия романа на португальский язык, учитывая различия не только языков, но и культур.

1.2. Основные аспекты межкультурного взаимодействия при переводе

В современных условиях все большего объединения различных по своей этнической культуре общностей фокус внимания исследователей перевода перемещается с изучения лингвистических проблем на проблемы взаимодействия разных культур, устранении различий между ними, преодолении культурного барьера и возможных культурных конфликтов. Здесь следует упомянуть «текстоцентричную» направленность лингвистического подхода в переводе, на смену которой приходит «антропоцентрическая парадигма» [Sdobnikov 2019: 296]. Новая парадигма подразумевает интерес, связанный не с самим текстом, а с личностью переводчика, а также с различными культурологическими и этнопсихолингвистическими факторами, оказывающими влияние на процесс перевода и его финальный результат.

Изучению культурологических аспектов перевода посвящены работы многих отечественных ученых, в том числе В. В. Виноградова [Виноградов 2001], Т. А. Казаковой [Казакова 2006], В. Н. Комиссарова [Комиссаров 2004], Г. Т. Хухуни [Хухуни, Валуйцева 2003; Хухуни, Беляева, Валуйцева, Осипова 2018], Л. Л. Нелюбина [Нелюбин, Хухуни 2006], Н. К. Гарбовского [Гарбовский 2007], Ю. Л. Оболенской [Оболенская 2006], И. И. Валуйцевой [Валуйцева, Хухуни 2015], Я. Б. Емельяновой [Емельянова 2015], Г. В. Денисовой [Денисова 2020], В. Е. Горшковой [Горшкова 2020], Н. Н. Болдырева, [Болдырев 2021], а также зарубежных

исследователей: Ю. Найды [Nida 1964], Дж. Кэтфорда [Catford 1965], Ж.-П. Вине, Ж. Ю. Дарбельне [Вине, Дарбельне 1978], П. Ньюмарка [Newmark 1981], А. Лефевр, С. Басснетт [Bassnett 2000], Г. Фермеера [Vermeer 2000], К. Райс [Райс 1978], У. Эко [Эко 2006], П. Рабел [Rubel, Rosman 2003], Н. Trivedi [Trivedi 2007], S-A Harding, O. C. Cortes [Harding, Cortes 2018] и др.

Представитель западного переводоведения Дж. Кэтфорд одним из первых описал такое понятие, как «культурологическая непереводаемость» [Catford 1965: 93], однако зарождение полноценного культурологического направления в переводоведении датируется лишь 90-ми годами — периодом, когда известные в области перевода авторы С. Басснетт и А. Лефевр начали использовать понятие «культурного поворота» или «поворота к культуре» [Bassnett 2000: 6]. Основой для «культурного поворота» являются научные исследования таких авторов, как Г. Тури, Дж. Холмс, И. Ивен-Зохар, разработанная К. Райс и Г. Фермеером теория «скопос» и основные правила корпусной лингвистики, представленные М. Бейкер [Убоженко 2014: 35]. Перевод в теории «скопос» определяется как вид деятельности, имеющий определенную цель и адресата, для которого он создается. Перевод рассматривается как процесс создания целевого текста для решения определенной задачи в целевом контексте (обстоятельствах и обстановке), что является невозможным без учета особенностей культур языка оригинала и реципиента. Г. Фермер утверждает, что качество перевода не может определяться исключительно уровнем владения языками. Автор считал, что переводчику необходимо быть осведомленным в вопросе особенностей культуры, так как язык является ее неотъемлемой частью [Там же: 36]. Последователи теории «скопос» рассматривают преобразования текста в ходе перевода в качестве «межкультурного трансфера, несущего за собой передачу того, что является частью мира или культурного пространства, вербализованного в языке» [Райс 1978: 202].

Кроме того, в зарубежной теории перевода выделяют «культурно-ориентированные» подходы современных исследователей. Например, английский антрополог и переводчик Паула Рабел (Paula Rubel) подчеркивает важность междисциплинарного подхода к переводу. Автор утверждает, что помимо лингвистики, в процессе перевода задействованы различные области знаний, такие как история и теория литературы, психо- и социолингвистика, культурология, антропология и этнография [Rubel, Rosman 2003: 64]. Данный подход способствует осуществлению «позитивного» диалога культур в целях достижения и совершенствования взаимопознания, взаимопонимания и взаимодоверия между ними [Trivedi 2007: 72]. О важности изучения культурологических аспектов перевода говорит и У. Эко, называя главным критерием «верности перевода» передачу намерения текста с учетом его культурного контекста [Эко 2006: 123].

Многие отечественные исследователи также внесли значительный вклад в развитие культурологического направления в переводе. Рассматривая перевод с позиции культурологии, Н. К. Гарбовский определяет переводчика как «двухязычную личность, обращенную одновременно к двум культурам», «слугу двух господ» [Гарбовский 2007: 11]. Здесь необходимо упомянуть наличие определенного «лингвотнического барьера», который является трудно преодолимым из-за значительного различия культур и нередко становится причиной «культурологического непонимания» при переводе с одного языка на другой [Емельянова 2015: 44]. Считается, что преодолеть культурный барьер сложнее, чем языковой, так как «он как бы сделан из абсолютно прозрачного стекла и неошутим до тех пор, пока не разобьешь себе лоб об эту невидимую преграду» [Чайковский 1997: 36]. Функция переводчика в данной ситуации заключается в том, чтобы передать «чужое» читателю таким образом, чтобы оно стало «иным» или даже «своим» [Там же: 37].

В современной лингвистике перевод считается особым способом культурного обмена между разными языковыми общностями, который способствует успешному осуществлению межкультурной коммуникации. В процессе перевода происходит не только взаимодействие двух языков, но и «диалог культур», присущих этим языкам [Валуйцева, Хухуни 2015: 154]. При рассмотрении ситуации взаимодействия в узком смысле можно сделать вывод, что она представляет собой взаимодействие двух и более языковых систем, в широком смысле — это культурное взаимодействие языков. Н. К. Гарбовский подчеркивает необходимость изучения взаимодействия культур, базой для которых станет перевод «как явление контакта культур через контакт языков» [Гарбовский 2007: 320].

Говоря о профессиональном переводе, Л. Л. Нелюбин и Г. Т. Хухуни отмечают, что вне зависимости от характера текста, перевод является творческой мыслительной деятельностью переводчика, для успешного осуществления которой ему необходимо обладать определенными знаниями, навыками и умениями, опытом в применении этих навыков и, как следствие, способностью определять наиболее правильный вариант в определенном лингвистическом и экстралингвистическом контексте [Нелюбин, Хухуни 2006: 58]. По мнению авторов, осведомленность о таких факторах и умение правильно ими пользоваться являются обязательной составляющей искусства перевода.

В. Н. Комиссаров также неоднократно упоминал «сложность и многогранность перевода, в котором сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления» [Комиссаров 2004: 126]. В своих работах автор выделяет основные сложности, которые зачастую приходится преодолевать переводчику:

- 1) особенности семантики единиц языковой системы;
- 2) различие языковых картин мира, создаваемых для демонстрации внеязыковой реальности;

- 3) отличительные черты самой реальности, которые описываются в тексте перевода [Там же: 129].

Трудности, связанные с необходимостью передачи национального колорита оригинального произведения в тексте перевода, часто обусловлены различием языковых картин мира автора оригинала и переводчика. По мнению Н. Н. Болдырева, язык отражает человеческое сознание, в котором объективный мир проявляется сквозь призму национальной культуры. Языковая картина мира, по мнению автора, представляет собой вторичный мир, который находит свое непосредственное отражение в языке и воспринимается в соответствии с мировоззрением носителей этого языка [Болдырев 2021: 26]. К. Леви-Стросс отмечает, что языковая картина мира как результат взаимодействия внеязыковой действительности, мышления и языка должна рассматриваться как явление национально-культурного наследия народа и учитываться переводчиком в ходе работы [Леви-Стросс 2001: 56]. Расхождение языковых картин мира носителей двух языков, обусловленное кардинальным различием культур, нередко приводит к «конфликту культур» и неверной интерпретации оригинала при переводе [Шмелев 2012: 98].

Отметим, что язык является отражением мировоззрения и миропонимания его носителей, поэтому система языковых значений, которую используют носители, непосредственно соотносится с их культурной компетенцией. Через призму языковой картины мира передаются основные культурные стереотипы, символы и эталоны лингвокультурного общества, благодаря которым социум становится обществом [Денисова 2020: 130]. По мнению В. А. Масловой, одним из наиболее значимых аспектов языкового мышления является национальная ментальность, которая включает в себя образ мысли, исторически сложившуюся и устойчивую форму проявления общественного сознания в жизнедеятельности определенной общности людей [Маслова 2014: 74]. Национальная ментальность находит отражение в грамматической и лексико-семантической системе языка, поэтому, с точки зрения оптимизации межкультурной коммуникации, в процессе перевода особое значение имеет адекватность передачи национально-культурной специфики текста оригинала, его «национального мира» [Гачев 1999: 212]. В соответствии с концепцией Г. Гачева, в объем понятия «национальный мир» входят представления о локальной природе, характере, мышлении представителей нации, а также их отражение в сознании данного этноса. Изучение указанных элементов культуры позволяет определить глубинную смысловую структуру языка, которая выражается в линейной последовательности языковых единиц, используемых переводчиком [Там же: 214].

Важным аспектом при осуществлении перевода является наличие у переводчика не только языковых, но и фоновых знаний. Под фоновыми знаниями вслед за Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым мы понимаем «знания, характерные для говорящих на данном языке, обеспечивающие речевое общение, в процессе которого эти знания проявляются в виде

смысловых ассоциаций и коннотаций, соблюдения норм речевого поведения носителей языка» [Верещагин, Костомаров 2005: 321]. Фоновые знания являются основой языкового общения и необходимым условием адекватного перевода, в случае если коммуниканты принадлежат к различным лингвокультурным общностям [Карасик 2001: 143].

С точки зрения Н. Г. Валеевой, действительность в языках выражается асимметрично. Подобная асимметрия отчетливо наблюдается при взаимодействии языков в переводе, когда «для описания определенного объекта действительности необходимо выразить значения одного языка через значения другого» [Валеева 2006: 241]. Текст на иностранном языке воспринимается переводчиком через призму языковой культуры иноязычного социума и адаптируется в соответствии с его родным языком и культурой. Асимметричность является характерной чертой переводческого билингвизма, так как в сознании большинства переводчиков доминирует родной язык и присущая ему культура, которые подчиняют себе другие языки и культуры, с которыми сталкивается переводчик [Там же: 247]. Причиной интерференции при переводе зачастую может стать наличие определенных национально-специфических языковых форм в одном языке и отсутствие их эквивалентов в другом. Такими языковыми формами являются метафоры, внутренняя форма слов, многозначность и переносные значения, особенности словообразования и стилистики, а также коннотативный компонент в семантике слова. Кроме того, трудности в процессе перевода могут возникать в ситуации, когда описанные в оригинале явления отсутствуют в принимающей культуре, что может привести к некорректному восприятию переведенного текста его читателями, носителями иной культуры [Федоров 2002: 45].

Говоря о специфике перевода художественных произведений, важно отметить, что возникающие при этом трудности представляют комплекс коммуникативных проблем в целом, а также проблем перехода с одного культурного кода на другой. Перевод художественного текста представляет собой новую интерпретированную версию оригинала, поскольку, привнося в текст оригинала изменения, перевод вводит его в иную языковую и культурную систему. По мнению Ю. Л. Оболенской, художественное произведение представляет собой особую эстетическую ценность, которую переводчик способен воспроизвести только через призму собственного опыта [Оболенская 2006: 305]. В процессе восприятия текста другой культуры читатель невольно сопоставляет его со своим жизненным опытом, за счет чего происходит обогащение и развитие текста в контексте новой культурной среды. Этот феномен рассматривается в работах М. М. Бахтина, который отмечает, что культура наиболее полно раскрывается в сравнении с другой, так как в процессе взаимодействия культур, происходит их обогащение [Бахтин 2012: 53]. Различия культур позволяют смотреть на них под непривычным ракурсом, задавать неординарные вопросы, а, следовательно, открывать новые, присущие им стороны. С. Г. Тер-Минасова также подчеркивает, что более глубокое понимание и осознание уникальности родной

культуры происходит только в процессе ее взаимодействия с другой культурой, особенно иностранной [Гер-Минасова 2008: 26].

Согласно концепции М. М. Морозова, целью перевода, в особенности перевода художественного произведения, является реализация полноценной коммуникации между различными культурами с помощью эстетической интерпретации оригинального текста средствами другого языка [Морозов 1956: 45]. Под интерпретацией подразумевается восприятие и осмысление переводчиком художественного текста и его последующее воспроизведение в иной языковой форме, которая обусловлена языковой картиной мира принимающей культуры. Функция переводчика заключается не только в непосредственном переводе текста с одного языка на другой, но и в передаче уникальных черт и характеристик культуры оригинала с помощью средств культуры реципиента. Именно поэтому в процессе перевода важно принимать во внимание этнический, психологический и временной факторы, а также быть осведомленным об особенностях культуры носителей используемых языков [Гончаренко 2018: 71].

Итак, большинство современных исследователей определяют перевод как акт межязыковой и межкультурной коммуникации, обусловленный спецификой языковой картиной мира переводчика. При создании текста переводчик делает выбор исходя из своих коммуникативных компетенций, объема когнитивных и лингвистических знаний, а также фоновых знаний, которыми он обладает. В процессе перевода каждый участник коммуникации (как автор, так и переводчик) привносит в текст собственный смысл. Переводчик изменяет и адаптирует оригинальный текст таким образом, что в нем находят отражение черты обеих культур, как национальной, так и иноязычной. Тем самым переводчик создает интерпретированную версию оригинала, исследование которой и определение ее эквивалентности оригиналу представляется возможным путем анализа средств лингвокультурной и языковой адаптации переводного текста.

1.3. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе

В теории перевода термин «адаптация» используют преимущественно в двух значениях. Адаптацией называют переводческий прием, который заключается в «замене неизвестного известным, непривычного привычным» [Щетинкин 1987: 43]. Кроме того, данным термином обозначают способ достижения соответствия переведенного текста (ПТ) тексту оригинала (ИТ) [Комиссаров 2013: 125]. Наиболее часто термин «адаптация» используется именно во втором значении, которое подразумевает необходимость приспособления ИТ к социальнокультурным условиям общественной реальности, характерной для культуры потенциальных читателей [Тимко 2007: 43].

Традиционно исследователи выделяют два основных вида адаптации текста: языковую и лингвокультурную. По мнению Е. В. Шелестюк, под лингвокультурной адаптацией подразумевается процесс переноса глубинных структур предложения, в то время как языковая адаптация представляет собой процесс переноса поверхностных структур. Глубинной структурой предложения называют совокупность семантических или смысловых отношений, которые в нем выражаются: дополнительные (побочные) смыслы, имплицитные семантические составляющие высказывания и, в целом, общий образно-ассоциативный комплекс, характерный для носителей той или иной языковой культуры. Под поверхностной структурой подразумевается определенная речевая форма предложения, приобретаемая им в процессе коммуникации: слова, образы и символы, грамматические структуры, с помощью которых выражается смысл высказывания [Шелестюк 2013: 39]. Необходимо учитывать, что «язык художественной литературы стилистически специфичен, и с трудом поддается систематическому предпереводческому анализу» [Сулейманова, Беклемешева, Карданова 2010: 3].

Г. Т. Хухуни подчеркивает, что адаптация текста является необходимой в тех случаях, когда по каким-либо культурно-лингвистическим параметрам аудитория₂ (вторичный адресат) не соответствует аудитории₁ (первичному адресату). Автор выделяет следующие случаи переводческой адаптации текста:

1. *Первичный и вторичный адресаты относятся к сосуществующим разным культурам*, которым соответствуют разные языки. Субъект, адаптирующий текст, может быть носителем как культуры и/или языка ИТ (перевод на родной язык), так и АТ (перевод на освоенный язык). Важно отметить, что для осуществления адаптации текста ему необходимо обладать определенными знаниями языка и культуры АТ.

2. *Первичный и вторичный адресаты принадлежат к одной культуре или одному языку, но являются представителями разных субкультур последних*. В данном случае адаптация представляет собой упрощение формы и содержания ИТ с целью сделать его более доступным для понимания реципиента. Несмотря на принадлежность к одной из субкультур, для осуществления адаптации ИТ переводчику необходимо обладать знаниями обеих субкультур соответствующей культуры и диглоссии.

3. *Первичный и вторичный адресаты являются представителями разных культур, обслуживаемые одним языком (вариантами одного языка)*. В данном случае автор, адаптирующий произведение, который может являться как представителем исходной, так и принимающей культуры, становится толкователем и комментатором ИТ. Текст оригинала не меняется, а дополняется различным поясняющим материалом – примечаниями, комментариями, глоссарием и т.п.

4. *Первичный и вторичный адресаты представляют разные эпохи развития одной культуры/языка, разделенные между собой большим (в контексте изменений, происшедших за данный период) промежутком времени, определяющим необходимость адаптации ИТ.* В данном случае адаптатором может являться исключительно представитель культуры₂ (АТ), а процесс адаптации текста предполагает его изменение в соответствии с особенностями культуры и временной эпохи ИТ.

5. *Первичный и вторичный адресаты принадлежат к разным эпохам развития различных культур/языков, которые разделены большим промежутком времени, или ИТ представляет собой памятник «мертвых» культуры / языка, то есть не имеющих прямого продолжения на момент адаптации.* Данный тип адаптации используется, в основном, при переводе классических произведений художественной литературы [Хухуни 1996: 214].

Отметим, что адаптация текста в значительной мере определяется стратегией, которой переводчик придерживается в процессе работы. По словам О. А. Бурукиной, стратегию перевода следует рассматривать как «общий план действий переводчика, направленный на перевод конкретного текста, обусловленный конкретной целью перевода, разработанный с учетом лингвистических и экстралингвистических характеристик конкретной переводческой ситуации» [Войнич 2010: 8]. Выбор переводческой стратегии и средств ее реализации зависит от типа задачи, поставленной переводчиком, а также соотношения языковых систем ИЯ и ПЯ. При выборе стратегии перевода учитываются как объективные факторы (тип текста и тип коммуникации), так и субъективные (квалификация специалиста, его знание иностранного языка, навыки понимания и интерпретации оригинального текста) [Володина 2015: 59].

При рассмотрении стратегий адаптации художественного текста важно обратить внимание на переводческий дуализм, то есть противостояние вольного и буквального переводов. Л. Л. Нелюбин определяет вольный перевод как «перевод-переложение, уяснение общего содержания, его передача на другом языке вне зависимости от языковой формы оригинала, т.е. следование содержанию» [Нелюбин 2018: 27]. Буквальный перевод, по мнению автора, является копированием языковой формы оригинала без учета информации, передаваемой на других уровнях содержания [Там же: 33].

В контексте переводческого дуализма выделяют две основные стратегии лингвокультурной адаптации текста: доместикацию и форенизацию. Данные термины были введены теоретиком перевода Л. Венути. Под доместикацией автор подразумевает адаптацию оригинального текста к ценностям принимающей культуры. В свою очередь, форенизация обозначает намеренное выделение в ПТ лингвистических и культурных отличий текста-оригинала. По мнению Л. Венути, доместикация способствует разрушению культурных ценностей, поэтому сам автор отдает предпочтение стратегии форенизации [Venuti 2008: 336].

В процессе перевода, как показывает практика, адаптатор практически никогда не следует одной стратегии перевода, а стремится достичь компромисса между доместикацией и форенизацией. Выбор стратегии в конкретном случае определяется принципами, задачами и целями переводчика [Лядова, Кушнина 2015].

Со стратегией доместикации соотносят понятие «невидимости» переводчика. Данным термином Л. Венути описывает принцип, придерживаясь которому, переводчик уходит на второй план, предоставляя возможность читателю полностью погрузиться в текст оригинального произведения. «Легкость восприятия» перевода в данном случае подразумевает адекватность и доступность текста к пониманию, которые достигаются путем приближения иноязычной культуры к культуре реципиента. Язык является средством самовыражения, а перевод транслирует идеи автора текста оригинала. Исходя из определения понятия «невидимости» переводчика, ученые называют его основным принципом доместикации [Войнич 2010: 41–45].

Помимо стратегий доместикации и форенизации, современные исследователи также выделяют третью стратегию лингвокультурной адаптации текста. По мнению многих авторов, доместикация и форенизация являются противоположностями, и в процессе перевода важно соблюдать баланс между ними. С этим связано появление таких понятий, как реалистический перевод, целостный, полноценный перевод, а также «золотая середина». Термин «реалистический перевод» впервые использовал в своих работах И. А. Кашкин, который, однако, так и не дал ему четкого определения, говоря о том, что видит в этом выражении лишь удобный рабочий термин, который можно заменить любым другим: полноценный, целостный, адекватный [Кашкин 1955: 148–149]. Рассматривая понятие реалистического перевода, Л. Л. Нелюбин и Г. Т. Хухуни говорят о важности правильной и точной передачи идейно-смысловой системы, стиля и национальных особенностей текста [Нелюбин, Хухуни 2006: 416]. В свою очередь, И. В. Войнич пишет о стратегии «золотой середины», которая представляет собой компромисс между форенизацией и доместикацией [Войнич 2012: 43]. По мнению В. Г. Дьячковской, стратегии не могут существовать отдельно, изолированно друг от друга. В ходе адаптации текста переводчик находит свое собственное уникальное сочетание между ними, которое и будет являться для него «золотой серединой». Данная комбинация сочетает в себе три аспекта: то, что переводчик должен сказать (форенизация), что может сказать (доместикация), а также то, что он хочет сказать (предпочтения самого переводчика) [Dyachkovskaya 2018: 720].

В настоящей работе мы не выделяем «золотую середину» в качестве самостоятельной стратегии перевода, а понимаем ее как адекватную передачу смысловых и национально-культурных особенностей оригинала, при которой могут быть задействованы как стратегия форенизации, так и стратегия доместикации.

Учитывая специфику перевода классических произведений художественной литературы, которые относятся к иной временной эпохе, представляется необходимым рассмотреть аспекты адаптации текста перевода к временной эпохе оригинала. Для описания данного процесса в настоящей работе будет использоваться термин «историческая стилизация».

Согласно концепции В. С. Виноградова, историческая стилизация текста определяется как «сохранение с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств связи современного языка перевода с родным языком более ранних эпох с целью создания особого стилистического эффекта соотнесенности с прошлым» [Виноградов 2001: 142].

Историческая стилизация является необходимой в том случае, если создание оригинала произведения происходило в одну временную эпоху, а процесс его перевода происходит в ином, отдаленном отрезке времени. Как отмечает В. С. Виноградов, в данном случае понятие диахронического художественного перевода противопоставляется синхроническому художественному переводу, выполняемому в эпоху написания оригинала, «когда временной уровень языков подлинника и перевода соотносительны, и когда автор и переводчик являются современниками...» [Там же: 54]. Кроме того, переводчику необходимо использовать прием исторической стилизации в тех случаях, когда сам автор оригинального произведения прибегает к этому приему.

В. В. Виноградов полагает, что историческая стилизация в переводе должна быть основана на опыте отечественной литературы. Переводчикам, как и авторам произведений в жанре исторического романа, необходимо использовать прием стилизации текста во временном плане, учитывая особенности языка определенной эпохи, использование отдельных речевых элементов, а также виды и формы отклонений от современной литературно-языковой нормы [Виноградов 1959: 154].

Следует обратить внимание на то, что, по мнению исследователей в области перевода, отождествление исторической стилизации с архаизацией языка является некорректным. К. И. Чуковский отмечает, что для успешного осуществления исторической стилизации текста переводчику необходимо проявлять чуткость, так как «временная стилизация – понятие переводческого искусства» [Чуковский 2011: 47].

Основной задачей переводчика при осуществлении исторической стилизации текста является поиск компромисса между основными принципами стилизации: архаизацией (передачей исторических особенностей оригинального произведения) и модернизацией (адаптации перевода к современным реалиям через нейтрализацию «дистанции времени») [Салямков 1986: 124].

Отметим, что уже в 40-60 годы прошлого века в рамках советской реалистической школы перевода велись споры о верности следования принципу архаизации или модернизации при

переводе художественного произведения. Е. Г. Эткинд приводит следующее описание архаизации и модернизации: «Искусство перевода находится во власти двух противоречивых тенденций... приспособить чуждое искусство к восприятию читателя, сделать непривычное – привычным, далекое – близким». В этом заключается художественный смысл первого метода – архаизации. Второй метод имеет целью «раскрыть перед читателем богатство искусства, показать ему красоту различных национальных форм, исторических напластований, индивидуальных творческих систем, заставить его пережить эстетический восторг от далекого, непривычного, чуждого искусства» [Эткинд 1963: 414].

Из данных определений видно, что сам автор отдает свое предпочтение архаизации. Е. Г. Эткинд приводит сравнение перевода «Божественной комедии» М. Л. Лозинского и пастернаковский перевод «Фауста», отмечая, что «только теперь, читая новый перевод «Божественной комедии», наш читатель сможет понять, почему А. С. Пушкин называл ее «тройственная поэма, в которой все знания, все поверия, все страсти средних веков были воплощены и преданы... осязанию в живописных терцинах» [Там же: 197], тогда как Б. Л. Пастернак допустил «роковые ошибки, – чрезмерная стилистическая вольность приводит его к переосмыслению подлинника» [Там же: 206]

В исследование исторической стилизации текста значительный вклад внес Ю. Найда. Согласно его теории динамической эквивалентности, адаптированный текст может быть формально эквивалентен (ориентирован на максимальное сохранение элементов формы и смысла подлинника) тексту оригинала или динамически эквивалентен тексту (направлен на воссоздание оригинала, соответствующего иной культуре и эпохе) в зависимости от цели переводчика [Найда 1978: 114–137]. Динамическая эквивалентность учитывает коммуникативную ситуацию и сопоставляет перевод как с оригиналом произведения, так и с современной действительностью. Такой перевод наиболее естественно и понятно звучит на языке перевода, учитывая временной контекст, «как если бы автор написал бы на ином языке» [Там же: 138]. Формально эквивалентный перевод, по мнению автора, не позволяет в полной мере передать читателю исторический колорит другой эпохи, так как современный читатель может не обладать определенными фоновыми знаниями, которыми обладал первоначальный рецептор перевода [Там же: 139]. На основе описания видов перевода в работах Ю. Найды можно сделать вывод, что формально эквивалентный перевод предполагает применение принципов архаизации и экзотизации, а динамически эквивалентный – модернизацию и натурализацию текста. Согласно концепции автора, различия во временном контексте ИТ и АТ должны быть нивелированы с помощью осовременивания как на языковом уровне, так и на общественно-культурном или тематическом уровне. Иными словами, устаревшие слова и фразы следует заменять

современными аналогами, которые являются актуальными в контексте новой социальной и политической действительности.

Взгляд современных ученых на проблему исторической стилизации отражается в компромиссном подходе к переводу. В статье «Историческая стилизация в синхроническом художественном переводе» В. К. Ланчиков рассматривает историческую стилизацию как сознательный авторский прием, а целостный подход при использовании приема, по его мнению, подразумевает ориентацию на стиль какой-либо эпохи и более масштабное использование средств архаизации языка [Ланчиков 2002: 118]. Однако, по мнению автора, неукоснительное соблюдение этого принципа нецелесообразно, так как дословный и максимально точный перевод в любом случае будет восприниматься читателем неестественно. Из этого следует, что «в случае диахронического перевода допустимость анахронизмов будет зависеть от общей установки переводчика (архаизация/модернизация). В синхроническом же переводе анахронизмы... допустимы лишь в той мере, в какой они не нарушают иллюзию подлинности стилизованной речи, и их привнесение в каждом конкретном случае должно мотивироваться конкретными причинами» [Там же: 120].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что адаптация является ключевым понятием в теории перевода и играет значительную роль при переводе художественного произведения. Лингвокультурная адаптация текста во многом зависит от цели, которую преследует переводчик и выбора стратегии перевода энтокультурно-маркированных единиц. Кроме того, при осуществлении перевода культурно значимой информации в художественном произведении, необходимо адаптировать текст перевода к иной временной эпохе.

Таким образом, различие стратегий адаптации и ее многогранность непременно ставит перед учеными ряд вопросов, которые являются дискуссионными по сей день. В рамках настоящего исследования анализируются стратегии передачи культурно значимой информации в переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык, с помощью которых переводчики стремятся адаптировать текст русского романа и впервые познакомить с ним португалоязычную аудиторию.

1.4. Культурно-маркированная лексика как вербальное выражение специфических черт национальной культуры и подходы к ее классификации

Специфика культуры языковой общности может выражаться в различных формах и проявляться на разных уровнях языка, однако, по мнению лингвистов, именно лексические единицы наиболее ярко отражают национально-культурные сведения о своем народе, сохраняют и передают опыт поколений (см.: [Телия 1996]; [Тер-Минасова 2000; 2008]; [Вежбицкая 2001];

[Красных 2002]; [Карасик 2004]; [Борботько, Викулова, Воробьева 2019]; [Степанова 2017]; [Кучешева 2017]; [Маслова 2019]; [Чернейко 2021]; [Nida 2001]; [Lakoff, Johnson 2003]).

При исследовании взаимосвязей культуры и языка целесообразно выделить особую единицу, которая является основным носителем и транслятором культурного кода в языке. Многие лингвисты занимались разработкой понятийно-терминологического инструментария, который применим для выявления и анализа сложностей, возникающих в процессе перевода иноязычного текста, а также описания национально-культурных особенностей взаимодействующих лингвокультурных общностей. В работах исследователей этнокультурно значимая лексика описана в различных терминах: «безэквивалентная лексика» в исследованиях Л. С. Бархударова [Бархударов 2008], В. Н. Комиссарова [Комиссаров 2004]; «лакуны» в работах Г. А. Антипова, О. А. Донских, И. Ю. Марковиной, Ю. А. Сорокина [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989]; «реалии» в работах В. С. Виноградова [Виноградов 2001], С. И. Влахова и С. П. Флорина [Влахов, Флорин 2009], Г. Д. Томашина [Томашин 2007], Н. А. Фененко [Фененко 2006], А. А. Кретьева [Кретов, Фененко 2011; 2013]; «лингвокультуремы» в терминологии, предложенной В. В. Воробьевым [Воробьев 2008] и др.

Терминологический аппарат отражает разнообразие подходов к рассмотрению этнокультурно значимой лексики. Некоторые ученые выделяют особые когнитивные трудности в процессе понимания текста у представителей другой лингвокультурной общности: «заусеницы» [Гачев 1967], «темные места» [Будагов 1972], «белые пятна» [Муравьев 1975]. Другие же уделяют внимание тому, что данная группа лексики имеет специфическую направленность на экстралингвистические объекты, уникальные для рассматриваемой лингвокультурной общности, подчеркивая тем самым проблему поиска эквивалентов в ином языке и культуре, например: «реалии» [Влахов, Флорин 2009], «лакуны» [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989], «лингвокультурема» [Воробьев 2008], «безэквивалентная лексика» [Верещагин, Костомаров 1980; Бархударов 2008], «идионимы» [Кабакчи, Белоглазова 2002].

Поскольку данное исследование направлено на изучение проблем передачи культурно значимой информации на иностранный язык и поиск оптимальных стратегий ее ретрансляции при переводе, в настоящей работе будет использоваться термин «реалия», который обозначает «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 2009: 47].

Отметим, что проблема ретрансляции реалий в переводе находилась в фокусе внимания ученых на протяжении нескольких десятилетий и остается актуальной в настоящее время. В

работах современных исследователей реалии преимущественно изучаются в переводах: художественной литературы [Фененко 2014; Петрова 2017; Греф 2017 и др.], специальных текстов [Гейко 2015; Попова 2016; Шкурят 2017 и др.], а также актуализируются в контексте нового языкового материала [Тюркан 2015; Бизикоева 2015; Титова 2017 и др.].

По мнению Н. А. Фененко, реалии являются важным элементом тезауруса языковой личности, так как показывают «первоочередные» или «ближайшие» (имеющие большое значение в своей лингвокультуре) для носителей определенного языка предметы и явления [Фененко 2014: 152]. Согласно концепции Г. Д. Томашина, культурная специфика лексических единиц проявляется не только в их предметном значении, но также в коннотациях и стилистической окраске лексем. В связи с этим автор выделяет «денотативные реалии» и «коннотативные реалии» [Томашин 2007: 19-28]. Под денотативными реалиями подразумевают факты языка в определенной культуре, называющие предметы и явления, которые отсутствуют в иной лингвокультуре. В свою очередь, коннотативные реалии обозначают предметы и явления, имеющие эквиваленты с идентичным предметным значением в языке перевода, но наделенные дополнительными семантическими компонентами, которые присущи словам в рамках определенной языковой общности. Такие компоненты значения возникают под влиянием особого культурно-исторического контекста.

При сопоставлении языков и культур автор выделяет следующие случаи употребления реалии:

1. Реалия присутствует только в одном языковом коллективе и не характерна для других;
2. Реалия есть в обоих языковых коллективах, но в одном из них наделена дополнительными семантическими компонентами значения;
3. Различные реалии наделены похожими функциями в разных культурах;
4. Сходные реалии в разных культурах различаются по оттенкам значения [Томашин 1988: 46].

Таким образом, при рассмотрении соотношения денотативных и коннотативных реалий можно заключить, что денотативные реалии наиболее ярко передают национальное своеобразие культур, однако одной из самых сложных задач при переводе инокультурного текста является выделение и передача слов с национально-культурными коннотациями.

Отличительными чертами реалий в сравнении с другими лексическими единицами являются предметное содержание и непосредственная связь обозначаемого предмета или явления с народом, а также – историческим контекстом [Лютавина 2015: 489]. Среди реалий выделяют неологизмы, историзмы и архаизмы, из чего следует, что реалиям характерна временная соотнесенность. При рассмотрении реалий и возможности их перевода важно учитывать, что им свойственен не только национальный, но и исторический колорит.

Следует подчеркнуть, что наряду с термином «реалия» в теории перевода исследователи широко используют следующие термины: «безэквивалентная лексика», «экзотическая лексика», «локализмы», «варваризмы», «лакуны», которые нередко употребляют в качестве синонимов слова «реалия», что обуславливает необходимость в определении и разграничении данных понятий.

«Безэквивалентной лексикой» называют слова, которые не имеют аналогов вне языка, к которому принадлежат [Чернов 1958: 296]. Стоит обратить особое внимание на данный термин, так как он представляет значительную конкуренцию термину «реалия» в работах лингвистов. Многие авторы трактуют данное понятие в качестве синонима реалий. Например, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют безэквивалентную лексику, как «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т. е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, непередаваемые на другой язык одним словом, то есть не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Верещагин, Костомаров 1980: 121]. Данное определение сближает безэквивалентную лексику с денотативными реалиями, поскольку она выражает понятия, которые присутствуют только в одной и культуре и языке и отсутствуют в других. Например, слово *frevo* обозначает бразильский карнавальная танец, который не имеет аналогов в других культурах. Однако подчеркнем, что культурная специфика лексем отражается не только в предметном значении слов, но и во множестве культурных коннотаций и ассоциаций, которые выражают коннотативные реалии. В отличие от безэквивалентной лексики, которая «... не имеет ни полных, ни частичных эквивалентов в ином языке» [Бархударов 2008], коннотативные реалии могут иметь частичные эквиваленты в других языках, которые, однако, не передают все компоненты значения и стилистическую окраску оригинала. Например, слово *coqueiro* (букв. кокосовая пальма) помимо обозначения определенного вида деревьев используется носителями португальского языка для характеристики лживого, хитрого человека, чего нет в русском культурном узусе.

Кроме того, по Толковому переводоведческому словарю, «...к безэквивалентной лексике относят: слова-реалии, временно безэквивалентные термины, случайно безэквивалентные слова...» [Нелюбин, Хухуни 2003: 24–25]. Данное определение позволяет заключить, что слова-реалии не тождественны безэквивалентным единицам, а являются частью большого комплекса безэквивалентной лексики (далее – БЭЛ).

«Лакунами» или пробелами называют понятия, которые являются характерными для культуры одного народа и отсутствуют в других культурах [Ревзин, Розенцвейг 1964: 79]. Исследователи выделяют несколько типов лакунарности: абсолютную и относительную, полную

и неполную. По словам В. Д. Филатова о полной лакунарности следует говорить в случае «отсутствие лексической единицы, обозначающей то или иное понятие в лексической системе литературного языка или его разновидности при сопоставлении с другими его территориальными разновидностями» [Филатов 1981: 173]. В свою очередь, неполные лакуны – это выражения, чаще всего фразеологические единицы, имеющие частичные эквиваленты в других языках, которые, однако, не передают дополнительную коннотативную или коннотативно-номинативную нагрузку единиц оригинала [Там же: 174]. Лакунарность представляет собой более широкое понятие в сравнении с термином «реалия», поскольку лакунами могут быть слова и выражения, не имеющие ярко выраженной культурной специфики, например, термины, аббревиатуры и т.д.

«Варваризмами» называют слова, которые позволяют описывать иноземные обычаи, уникальные элементы жизни и быта, а также местный колорит [Реформатский 2001: 63]. Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова определяют варваризмы как «иностранные слова или выражения, не до конца освоенные заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения» [Розенталь, Теленкова 1976: 45]. Варваризмы чаще всего используются при описании чужеземных обычаев, быта, нравов, для создания местного колорита. В других словарях приводятся следующие определения варваризмов:

- «слова, образованные неправильно, а также иностранные слова, не получившие гражданства» [Ахманова 2009: 70];
- «слова, чуждые по своей структуре» [Васильева, Виноградов, Шахнарович 2003: 19].

Главной отличительной особенностью реалий от варваризмов является то, что реалиями могут быть незаимствованные слова, знакомые языку по своей структуре. Например, слово *матрешка* является реалией, но не относится к варваризмам в русском языке.

Термин «экзотическая лексика» (от греч. *exotikos* – иноземный, чуждый) обозначает иноязычные языковые единицы, характеризующие исторические и географические объекты и явления [Алексеева 2004]. В словаре Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой вышеуказанное понятие определяется как: «слова и выражения, заимствованные из других малоизвестных языков и употребляемые для придания речи особого (местного) колорита» [Розенталь, Теленкова 1976: 520]. В различных исследованиях можно найти следующие определения понятия «экзотическая лексика»:

- 1) иноязычное слово, часто происходящее «из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских» [Ахманова 2009: 214];
- 2) слово, которое употребляется «для придания речи специфического (местного) колорита» [Розенталь, Теленкова 1976: 412].

Отметим, что данный термин еще не успел закрепиться в лингвистической литературе и не получил исчерпывающего определения. По мнению С. И. Влахова и С. П. Флорина, экзотизм

– это слово, которое уже вошло в лексику соответствующего языка, тогда как реалии могут быть и своего рода окказионализмами. Кроме того, определение экзотизма не включает в объем понятия исторические реалии, рассматривая лексику только с точки зрения местной отнесенности» [Влахов, Флорин 2009: 40]. Например, историзмы *cota* (букв. кольчуга), *ricohomen* (букв. вельможа), *berlinda* (букв. двухместная карета) являются реалиями, но не относятся к экзотизмам в португальском языке.

«Локализмы» (провинциализмы или местные слова) – это «слова (или выражения), употребление которых ограничено такой-то областью, таким-то городом и т.п. и которые неизвестны в литературном образце данного языка» [Ахманова 2009: 222]. Например, только на территории Африки носители португальского языка используют слово *lobolo* для обозначения выкупа за невесту. Употребление этого термина как синонима реалии способствует смещению ее значения как лексической единицы и приближению ее к обозначению стилистической характеристики. Таким образом, термин «локализм» может быть отнесен только к ограниченной группе реалий, обозначающих «местные предметы» [Влахов, Флорин 2009: 37].

Итак, рассмотрев и разграничив различные термины, которые используются в переводоведении для определения культурно-маркированной лексики, в настоящей работе мы будем оперировать понятием «реалия», которое обозначает слова и словосочетания, называющие предметы и явления, характерные для культуры одного народа и отсутствующие в других. Поскольку реалии представляют собой неотъемлемый компонент фоновых знаний, необходимых для успешного межкультурного общения, перевод реалий на другой язык представляет особую трудность для переводчика и требует не только знание языка оригинала, но и истории страны, национальных обрядов и традиций, особенностей религии и обычаев, нравов и других элементов культуры ИЯ.

Отметим, что в любом языке существует большое количество слов и выражений, которые содержат культурно значимую информацию и обозначаются термином «реалия». При этом природа такой информации может быть различной. Культурный код может выражаться в денотативном значении или содержаться в коннотациях, дополнительных значениях, а также культурно-исторических ассоциациях слов и словосочетаний. В связи с этим необходимо рассмотреть подходы к классификации реалий в работах отечественных и зарубежных ученых.

Различные подходы к классификации и систематизации реалий разрабатывались такими лингвистами, как Г. Д. Томахин [Томахин 1988], Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров 1980], А. А. Реформатский [Реформатский 2001], В. С. Виноградов [Виноградов 2001], С. И. Влахов и С. П. Флорин [Влахов, Флорин 2009], А. А. Кретов, Н. А. Фененко [Кретов, Фененко 2011], Ю. Найда [Найда 1978], П. Ньюмарк [Newmark 1981] и другие.

В работах исследователей классификация реалий базируется на различных принципах, которые требуют подробного рассмотрения.

В основе *тематической* классификации лежит принадлежность слова к той или иной семантической группе. Согласно данному принципу, В. С. Виноградов выделяет следующие группы реалий:

1. Бытовые (жилище, имущество, одежда, пища, виды труда и занятия, денежные знаки, единицы меры, музыкальные инструменты, народные танцы и песни, народные праздники, игры, обращения);
2. Этнографические и мифологические (этнические и социальные общности и их представители, божества, сказочные существа, легендарные места);
3. Реалии мира природы (животные, растения, ландшафт, пейзаж);
4. Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (административные единицы и государственные институты, общественные организации, партии; промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения; основные воинские и полицейские подразделения и чины; гражданские должности и профессии, титулы и звания);
5. Ономастические реалии (антропонимы, топонимы, имена литературных героев, названия компаний, музеев, театров, ресторанов и т.п.)
6. Ассоциативные реалии (вегетативные символы, анималистические символы, цветовая символика, фольклорные, исторические, литературно-книжные аллюзии и языковые аллюзии) [Виноградов 2001: 39].

Болгарские исследователи С. И. Влахов и С. П. Флорин стремились детально классифицировать реалии и выделили различные группы по семантическому, местному и временному признакам.

По *семантическому* принципу авторы распределили реалии на следующие классы:

1. Географические (ландшафт, флора и фауна);
2. Этнографические (быт, труд, искусство и культура, этнонимы, меры и деньги);
3. Общественно-политические реалии (административно-территориальное устройство, органы и носители власти, общественно-политическая сфера, реалии военной сферы) [Влахов, Флорин 2009: 35–37].

Особое внимание следует обратить внимание на классификацию реалий по местному принципу. Такое деление обусловлено не только местным (экстралингвистическим), но также и языковым принципом. Данный принцип позволяет изучать реалии в рамках одного языка (свои и чужие) или в рамках пары языков (внутренние и внешние). В зависимости от масштаба распространенности среди своих реалий выделяют: микрореалии, локальные и национальные

реалии. В свою очередь, чужие реалии подразделяют на региональные и международные (интернациональные). Схема классификации реалий на основе *местного* признака выглядит следующим образом:

1. В плоскости одного языка:
 - свои реалии: национальные, локальные, микрореалии;
 - чужие реалии: интернациональные, региональные;
2. В плоскости пары языков:
 - внутренние реалии;
 - внешние реалии [Там же: 35–37].

Свои реалии – это слова, принадлежащие языку, в котором они появились. Национальные реалии известны в рамках определенной нации. Например, для бразильцев национальной реалией будет являться слово *cachaça*, которое обозначает традиционный бразильский алкогольный напиток из сахарного тростника. Локальные реалии, по сравнению с национальными, отличаются принадлежностью не к языку народа какой-либо культуры, а к определенному диалекту. Микрореалии – это реалии с достаточно узкой территориальной или социальной основой. Например, *bizonho* (букв. бизон) называют новобранцев в португальской армии.

Под чужими реалиями подразумевают заимствования из другого языка. Региональные реалии обозначают слова, которые могут использоваться одновременно в нескольких различных культурах и входить в словарный состав одного или более языков. Например, реалия *fado* изначально появилась в Португалии и обозначала музыкальный жанр песни танца, но в дальнейшем распространилась во всех португалоговорящих странах и стала употребляться в значении фатум, судьба, рок. В свою очередь, интернациональные заимствования одновременно присутствуют в лексике различных языков, указаны в соответствующих словарях, сохраняя при этом аутентичный колорит. В качестве примера можно привести реалию *show business*, которая вошла в состав многих языков и отражена в современных словарях.

В плоскости пары языков реалии в большинстве случаев изучают в контексте перевода с одного языка на другой и классифицируют как внешние и внутренние. Внешние реалии являются чужими для обоих языков, в которых используются. Например, *фиорд* – внешняя реалия для любого языка (например, русского, португальского и других), кроме норвежского. Внутренними реалиями называют слова, которые в паре языков принадлежат лишь одному из них, а для другого являются заимствованными. Например, при рассмотрении в плоскости пары языков, *фиорд* будет являться внутренним в англо-норвежской паре.

Далее рассмотрим классификацию С. И. Влахова и С. П. Флорина по *временному* принципу, согласно которой, реалии делятся на:

- 1) современные;

2) исторические – в зависимости от полноты освоенности могут быть:

– знакомые (словарные);

– незнакомые (не фиксированные в словарях) [Там же: 35–37].

В данной классификации выделены две основные группы реалий: современные и исторические. Из-за изменения статуса реалий сложно определить конкретные временные рамки, что является проблемой при делении реалий по данному признаку. Многие реалии со временем приобретают исторический колорит. Например, русское слово *булава* было современным в определенный период, но сейчас является историческим. Исторические реалии могут быть классифицированы по своему смысловому (или тематическому) содержанию: бытовые, религиозные, общественно-политические и другие реалии. Однако стоит принимать во внимание, что определенные реалии являются ономастическими, что мешает лингвистам создать общую универсальную классификацию реалий по временному принципу.

Согласно концепции авторов, с историческими реалиями тесно связаны модные и эпизодические реалии. Модные реалии быстро проникают в язык, завладевают вниманием широких кругов общества, в первую очередь молодежи, и, как правило, скоро забываются. Эпизодические реалии – это внесловарные реалии, которые авторы и переводчики вводят в зависимости от требований контекста однократно или несколько раз, одним словом, эпизодически. Однако такие реалии не получают распространения, не закрепляются в языке [Там же: 38].

Важно подчеркнуть, что в ходе классификации этнокультурно-маркированных единиц, С. И. Влахов и С. П. Флорин причисляют к реалиям не только лексические единицы, но и словосочетания, имеющие национально-культурное содержание. Согласно концепции авторов, которой мы будем придерживаться в ходе настоящего исследования, к реалиям также относятся фразеологические единицы (идиомы, пословицы и поговорки), обладающие «национальной и/или исторической окраской» или «имеющие в своем компонентном составе слова-реалии» [Там же: 54].

Значительный вклад в разработку типологии реалий внесли представители Воронежской школы перевода А. А. Кретов и Н. А. Фененко. Авторы представили свою классификацию реалий, которая базируется на идее о возможной экстраполяции характеристик реалии на основе сторон семантического треугольника (знак, референс, референт). По мнению специалистов, для разработки корректной терминологии необходимо выделить каждую из сторон реалии «в чистом виде» и использовать для их обозначения специальные термины:

1. Реалия как предмет реальной действительности (натурфакт, артефакт) – «R-реалия»;
2. Реалия как идеальный эквивалент среды обитания социума (культурный концепт) – «C-реалия»;

3. Реалия как родовое понятие – «L-реалия» [Кретов, Фененко 2013: 7–13].

Благодаря такому подходу исследователи получают возможность наиболее точно описать понятие реалии на основе единого и надежного классификационного критерия. Данный подход позволяет изучить специфику адаптации реалии «чужой» действительности «своим» языком и определить системный характер механизма межъязыковой реноминации [Кретов, Фененко 2011: 154], который заключается в следующем:

- R-реалии способствуют расширению номинативных возможностей и денотативного пространства языка перевода, связывая присутствующие в языке слова и значения с новыми явлениями внеязыковой действительности (денотатами);
- C-реалии помогают расширять концептосферу языка перевода, формируют новые для языка перевода понятия (концепты);
- L-реалии расширяют словарь языка перевода с помощью новых лексем, заимствуя их из языка-оригинала [Фененко 2013: 43].

Классификация реалий по трем основным разновидностям дает возможность выявить регулярность во взаимосвязи между типом реалии, типом возникающей в процессе реноминации лакуны (R-, C-, L-лакуна), а также способами делакунизации текста в процессе перевода [Булгакова 2013: 24].

Ранее в данной работе отмечалось, что многие ученые выявляют национально-культурную специфику реалий не только в предметном значении слов, но и на уровне коннотаций в семантике слова. В. Н. Телия описывает коннотацию как «семантическую сущность, узуально или окказионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении и высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия 1986: 5]. По мнению А. В. Кравченко, коннотативный компонент «... имеет всегда образный (экспрессивный) характер... Однако это отнюдь не значит, что коннотации... вообще не могут быть соотнесены с какими-либо когнитивными сферами (ментальными пространствами)» [Кравченко 2000: 8]. В качестве микрокомпонента семантики слова коннотация по своей структуре напоминает подтекст. Ю. А. Бельчиков выделяет культурную специфику в семантике следующих типов слов:

1. Слова, коннотация которых формируется на основе традиционных, фольклорных, литературных, а также, индивидуально-личностных ассоциаций. Например, *Кощей Бессмертный* используется для описания очень худого человека.
2. Слова, имеющие переносно-расширительный смысл и утратившие соответствие основных значений своим лексическим эквивалентам из других языков. Например, слово *ажютаж* (от фр. *agiotage*) изначально понималось как биржевой ажиотаж, биржевая игра.

3. Слова, у которых национально-культурный компонент выражается в переносно-метафорическом значении. Например, *звезда программы, лес рук* и так далее [Бельчиков 1997: 12–17].

Итак, в современной лингвистике реалии классифицируют по ряду признаков, которые можно систематизировать следующим образом:

- по лингвистической природе знака (слово, словосочетание);
- по выражению культурного компонента в семантике реалии (денотативные, коннотативные);
- по принадлежности к лексико-семантической группе (тематическое деление);
- по местному признаку (свои, чужие, внутренние, внешние);
- по временному признаку (современные, исторические);
- по семиотическому признаку (знак, референс, референт).

Применительно к задачам настоящего исследования распределение по классам и последующая систематизация русских реалий в романе «Евгений Онегин» будет проводиться в соответствии с известной классификацией В. С. Виноградова, в основу которой положен семантический признак. Данный подход, на наш взгляд, позволяет наиболее полно представить механизмы передачи русского национально-культурного колорита «энциклопедии русской жизни» на португальский язык, поскольку принадлежность слов к определенному тематическому классу обуславливает ряд специфических особенностей их перевода.

1.5. Средства достижения эквивалентности / адекватности при переводе культурно-маркированных единиц

Одними из основных носителей культурно значимой информации в языке являются реалии. Для реалий характерно наличие ярко выраженной национально-культурной специфики, которая усложняют работу переводчика. При передаче реалий на иностранный язык возникают такие трудности, как:

1) отсутствие в культуре понятия, эквивалентного реалии (референта) и, как следствие, отсутствие ее аналога в ПЯ;

2) сложность передачи исторической и национально-культурной специфики реалии (коннотации) наряду с ее предметным значением [Там же: 81].

С. И. Влахов и С. П. Флорин полагают, что термин «перевод реалий» можно определить только условно, так как реалия не имеет точных соответствий в других языках. Для ее передачи в контексте определенной культуры переводчик прибегает к адаптации и различным трансформациям [Влахов, Флорин 2009: 79].

В связи с этим возникает вопрос о нормативных аспектах перевода реалий, то есть о способах перевода этнокультурно-маркированных единиц и оценке степени эквивалентности / адекватности переведенной единицы оригиналу.

По мнению Н. К. Гарбовского, само противопоставление «эквивалентность / адекватность» демонстрирует двойственный характер перевода. *Эквивалентность* нацелена на создание текста, который соответствует параметрам оригинала, в то время как *адекватность* главным образом направлена на достижение целей межъязыковой коммуникации и выбор подходящей стратегии адаптации текста [Гарбовский 2007: 345]. А. Д. Швейцер отмечает, что «если эквивалентность отвечает на вопрос, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» [Швейцер 2019: 132].

Другим важным отличием понятий эквивалентности и адекватности является тот факт, что если *эквивалентность* всегда стремится к идеальному эталону, то есть максимальной приближенности всех параметров единиц перевода к оригинальным, то *адекватность* предполагает выбор оптимального соответствия в конкретной ситуации, то есть компромисс между тем, что должно быть передано (оригинал) и может быть передано средствами иного языка и иной культуры [Там же: 133].

Отметим, что при переводе реалий достижение полной эквивалентности по всем параметрам языковых единиц оригинала является невозможным. Сама природа реалий, наличие культурного компонента в семантике слов (словосочетаний) предполагает отсутствие полных эквивалентов в других языках [Комиссаров 2013: 26]. По этой причине автору перевода необходимо адаптировать текст, используя оптимальную стратегию перевода и различного рода переводческие трансформации. Исходя из этого, оценка перевода реалий предполагает не только определение степени тождественности параметров переводческих соответствий единицам оригинала, но и определение оптимальности выбора того или иного способа и стратегии адаптации текста для достижения целей межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Важно подчеркнуть, что термины «эквивалентность / адекватность» преимущественно употребляются учеными в отношении текстов ИЯ и ПЯ, а не отдельных лексических и фразеологических единиц. Из этого можно сделать вывод, что в настоящее время в переводоведении отсутствует четко сформулированная и объективная модель, позволяющая оценить границы возможного и допустимого при переводе этнокультурно-маркированных единиц в художественном тексте. В ходе нашего исследования предстоит разработать данную «модель оценки адекватности перевода реалий», ориентируясь на параметры эквивалентности единиц перевода единицам оригинала и оптимальность выбора того или иного способа адаптации реалии в переводе.

Различные способы адаптации этнокультурно-маркированных языковых единиц в переводе предлагают такие исследователи, как Л. К. Латышев [Латышев 2000], С. И. Влахов и С. П. Флорин [Влахов, Флорин 2009], Т. А. Казакова [Казакова 2006], Г. В. Чернов [Чернов 1958], А. Д. Швейцер [Швейцер 2019], В. Н. Комиссаров [Комиссаров 2013], Л. С. Бархударов [Бархударов 2008], Р. Newmark [Newmark 1981], Е. Nida [Nida 2001], и другие.

Важно учитывать, что реалии включают в себя не только слова, но и словосочетания, передача которых предусматривает различные способы ретрансляции реалий в тексте перевода. Данные различия обуславливают необходимость рассмотрения способов передачи как лексических, так и фразеологических единиц.

При переводе этнокультурно-маркированной лексики переводчику необходимо обращать внимание на ряд параметров, среди которых предметное значение лексемы, культурный компонент значения в семантике слова, а также стилистическая окраска реалии. Все приведенные критерии учитываются при оценке перевода, определении степени его эквивалентности оригиналу, которая предполагает «максимально возможную близость всех компонентов семантической структуры слов, формирующих содержание текста» [Швейцер 2019: 119].

Исследователи выделяют различные способы и приемы передачи слов-реалий в переводе. Согласно концепции В. С. Виноградова, ретрансляция реалий в тексте перевода сводится к пяти основным трансформациям:

1. Корреляция: транскрипция и транслитерация – заимствования, воспроизводящие произношение или форму реалии в ПЯ;
2. Гипо-гиперонимический перевод. Особенностью данного метода является определение отношения эквивалентности между оригинальным понятием, обозначающим реалию, и словом, которое передает родовое понятие в языке перевода;
3. Уподобление. Основным отличие уподобления от гипо-гиперонимического перевода является соподчиненность уподобляемых слов по отношению к родовому понятию. В пункте 2, в свою очередь, говорится об отношениях подчиненного и подчиняющего понятий;
4. Перифрастический (дескриптивный, экспликативный или описательный) перевод. В данном случае происходит установление соответствия между оригинальным словом и словосочетанием в языке перевода, которое объясняет его смысл;
5. Калькирование. При переводе слов-реалий этот способ чаще всего применяется для передачи неологизмов, созданных самим автором [Виноградов 2004: 34].

Предложенное деление способов передачи этнокультурно-маркированных слов отличается от концепции С. И. Влахова и С. П. Флорина, которые приводят иную классификацию приемов передачи реалий в переводе. В работах болгарских исследователей

наряду с переводческими или окказиональными заимствованиями, которые образуются посредством транскрипции, рассматриваются освоенные и усвоенные заимствования. Так, ученые обобщают приемы передачи реалий и сводят их к двум основным способам: переводу и транскрипции. Классификация способов перевода реалий имеет следующую схему:

I. Транскрипция

II. Перевод

1. Неологизм: а) Калька; б) Полукалька; в) Освоение; г) Семантический неологизм.

2. Приблизительный перевод: а) Родо-видовое соответствие; б) Функциональный аналог; в) Описание, объяснение, толкование.

3. Контекстуальный перевод. Этот способ перевода отличается от других, поскольку исходное слово не имеет в тексте ПЯ словарных эквивалентов или толкования. Содержание слова передается при помощи измененного контекста [Влахов, Флорин 2009: 20–31].

Отметим, что многие реалии являются денотативными или безэквивалентными, то есть обозначают понятия, которые отсутствуют в других культурах и не имеют аналогов в других языках. В. Н. Комиссаров выделяет несколько основных способов перевода безэквивалентной лексики:

1. Соответствия – заимствования, которые помогают воссоздать форму или произношение реалии в ПЯ (транслитерация и транскрипция).
2. Соответствия – кальки, которые передают морфемный состав слова или словосочетания.
3. Соответствия – аналоги, обозначающие слово, значение которого почти или полностью соответствует аналогу в ПЯ и используется только в определенном контексте.
4. Соответствия – лексические замены, которые появляются в процессе адаптации перевода;
5. Описание, которое используется в случаях, если другие трансформации неуместны или их использование невозможно [Комиссаров 2013: 148–150].

Т. А. Казакова разработала классификацию способов перевода реалий, которая предполагает передачу как полностью безэквивалентных лексических единиц, так и слов, имеющих частичные эквиваленты в других языках, которые не передают национально-культурных колорит оригинала:

1. Транскрипция / Транслитерация

Данный способ может использоваться для передачи любых имен собственных, в том числе названий стран, различных географических объектов, антропонимов, наименований компаний, изданий периодики и других обозначений национально-культурных реалий (напр., *рус. кокошник* – *порт. kokoshnik*).

2. Калькирование

Калькирование используется при необходимости сохранения в переводе формы или функции оригинальной единицы. Этот способ применяется также при переводе понятий, обозначающих исторические или культурные события, определенных географических названий, титулов, наименований учебных, государственных или иных учреждений, терминов (напр., *рус. таблица Менделеева – port. mesa de Mendeleev*) и др. Иногда калькирование может сочетаться с другими способами передачи реалий, например с описательным переводом.

3. Лексико-семантические модификации:

а) Сужение / конкретизация

Данный способ используется в тех случаях, когда языковая единица определяется не сама по себе, а в рамках контекста, а также в случае отсутствия равноценного эквивалента в ПЯ (напр., *рус. транспорт – port. automóvel* (букв. автомобиль)).

б) Расширение / генерализация

В отличие от сужения расширение значения корректно использовать только в том случае, если языковая единица переводится вне контекста (напр., *рус. незабудка – port. flores* (букв. цветы)).

в) Эмфатизация / нейтрализация

Применение данных способов перевода реалий обуславливается социолингвистическими факторами. В зависимости от эмоциональной оценки слова в той или иной культуре может потребоваться выделение или нейтрализация (приглушение) слова в определенном контексте (*вульг. фармазон нейтрализуется – franco-mação*).

г) Модуляция

Замена слова единицей перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы или контекста (напр., *усыновить ребенка – abrigar um órfão* (букв. приютить сироту)).

е) Функциональная замена

Данный способ обычно применяется для безэквивалентной лексики, то есть слов, не закрепленных в двуязычных словарях. Например, это актуально для слов, которые были образованы недавно и еще не зафиксировались в словаре или если описываемые ими предмет или явление отсутствуют в культуре переводящего языка (напр., *рус. кушак – port. cinta* (букв. ремень)).

ж) Описательный перевод

Описательный перевод применяется для слов, значения которых различается в оригинальном и переводящем языках или словарно не определено. Для того чтобы описание можно было употребить в тексте без добавления искусственно созданных единиц, оно должно

быть максимально кратким или приближенным к одному слову. В случае необходимости добавления дополнительных языковых единиц используют транскрипцию или калькирование.

з) Переводческий комментарий

Переводческий комментарий обычно рассматривают как дополнительную меру для перевода реалий, значение которых выражено недостаточно полно и понятно. Например, такой метод актуален, если переводимое понятие иначе трактуется или отсутствует в культуре переводящего языка, или же его значение недостаточно глубоко определяется в словаре [Казакова 2006: 78].

Итак, при анализе и описании способов передачи этнокультурно-маркированной лексики в настоящей работе мы будем обращаться к классификации В. С. Виноградова, уточнив и расширив ее согласно концепции Т. А. Казаковой следующим образом:

1. Корреляция: транскрипция и транслитерация;
2. Лексико-семантические модификации: конкретизация, генерализация (гипо-гиперонимия), эмфатизация, нейтрализация, модуляция;
3. Уподобление: функциональный аналог;
4. Контекстуальный перевод
5. Перифрастический: описательный, дескриптивный, экспликативный перевод;
6. Калькирование;
7. Переводческий комментарий.

Отметим, что к реалиям в переводоведении причисляют не только слова, но и словосочетания, среди которых выделяют фразеологические единицы с ярко выраженной культурной спецификой [Влахов, Флорин 2009: 71]. Исследователи рассматривают фразеологизмы как особую часть лексической системы языка, в котором они появились. Их также называют главными языковыми хранителями мудрости и культуры народа, отмечая, что национально-культурная специфика языка отражается в первую очередь в его фразеологическом фонде [Телия 1996; Красных 2002; Шмелев 2012; Баранов, Добровольский 2014; Маслова 2019; Ковшова 2018; Caballero 2018]. В. А. Маслова отмечает, что «в самом формировании фразеологизма <...> прослеживается связь с национально-культурными стереотипами и эталонами» [Маслова 2019: 84].

Фразеологизмы содержат большое количество информации за счет своего образно-экспрессивного характера. По мнению А. В. Кунина, их можно определить как своеобразные «микротексты», которые несут в себе информацию о происходящем. Фразеологические единицы (ФЕ) обозначают реальные предметы и способны транслировать информацию, передавая внутреннее состояние говорящего и его эмоциональное отношение к предмету речи [Кунин 2005: 144].

Перед тем как рассматривать различные способы передачи фразеологических единиц в переводе, необходимо определить объем понятия «фразеологизм».

В научной литературе по исследованию фразеологии приводятся различные определения фразеологических единиц. Ш. Балли дает наиболее общее толкование: «Сочетания, прочно вошедшие в язык, называются фразеологическими оборотами» [Балли 2009: 90]. А. В. Кунин подчеркивает метафоричность значения фразеологизмов, определяя их как устойчивые сочетания лексем, значение которых частично или полностью переосмыслено [Кунин 2005: 32]. Однако, по мнению Н. М. Шанского, метафоричность характерна для множества различных слов и не может рассматриваться в качестве признака для определения фразеологизмов [Шанский 2015: 15]. Традиционное узкое определение фразеологических единиц как устойчивых сочетаний, образованных на базе единиц непридикативного характера отражено в работах [Виноградов 1977; Телия 1996; Баранов, Добровольский 2008; Бабкин 2009]. В соответствии с задачами настоящего исследования, которое направлено на изучение перевода этнокультурно-маркированных единиц, в настоящей работе мы будем придерживаться более широкого определения ФЕ, которое предлагают С. И. Влахов и С. П. Флорин. Ученые причисляют к фразеологизмам «как идиоматику, так и фразеологизмы пословичного типа (в том числе крылатые выражения, афоризмы, сентенции), как образные (метафорические) единицы, так и необразные (безобразные) сочетания и даже случаи устойчивой сочетаемости, как «нормативные», «обкатанные» временем, так и отшлифованные мастерами обороты» [Влахов, Флорин 2009: 284].

Фразеологизмы представляют особую сложность для переводчика, так как при описании соответствий фразеологическим единицам оригинала необходимо учитывать не только особенности семантики ФЕ, но и критерии выбора одного из соответствий в зависимости от характера переводимой единицы. Основными критериями эквивалентности соответствия являются: образная/переносная составляющая в значении фразеологизма; предметный компонент, который составляет значение образа; эмоциональная составляющая значения фразеологизма; стилистическая составляющая; национально-этнический компонент [Кунцевич, Смирнова 1999: 42].

Исследователи выделяют несколько основных способов перевода фразеологизмов:

1. Фразеологический эквивалент – образный фразеологизм, который совпадает с фразеологической единицей оригинала по всем критериям эквивалентности;
2. Фразеологический аналог – фразеологизм с идентичным значением, основанный на ином образе;
3. Лексический перевод – исходному словосочетанию в переводе соответствует слово;
4. Дословный перевод (калькирование) – передача и воспроизведение значения какого-либо слова или выражения, состоящего из исконно языковых элементов на иноязычный манер.

Дословный перевод можно определить как скрытое заимствование, которое передает внутреннюю структуру иноязычного оригинала;

5. Описательный перевод – соответствия устанавливаются между оригинальным фразеологизмом и словосочетанием перевода, объясняющим его смысл [Там же: 135].

Рассмотрим подробнее эти способы перевода.

1. Фразеологический эквивалент

В работах исследователей [Смирницкий 1956; Валгина 2003; Кунин 2005; Эльжуркаева 2013; Шанский 2015; Матвеева, Арсентьева 2016 и др.] понятие фразеологического эквивалента, его границы и содержание трактуются по-разному.

А. В. Кунин выделяет полные и частичные фразеологические эквиваленты. К полным эквивалентам относятся моноэквивалентные фразеологизмы – их значение, лексический состав, стилистическая характеристика, образность и грамматическая структура совпадают с ИЯ (например: *brincar com o fogo* – *играть с огнем*; *uma gota no oceano* – *капля в море*). Для частичных фразеологических эквивалентов характерно соответствие значения и стилистической окраски ФЕ, в то время как их лексико-грамматическое наполнение различается (например: *soto o mundo é pequeno* – *мир тесен*) [Кунин 1964: 8].

Автор выделяет три основных группы частичных фразеологических эквивалентов:

- ФЕ с тождественным значением, стилистической окраской и образностью, которые различаются по лексическому составу (грамматическая структура может не совпадать или же быть идентичной);
- ФЕ, совпадающие по значению, стилистической направленности и образности, которые, однако, различаются по порядку слов или числу существительного;
- Эквиваленты с идентичным значением и стилистической направленностью, различающиеся по образности (и, возможно, грамматической структуре). ФЕ, основанные на ином образе, автор выделяет в отдельную категорию – фразеологический аналог [Там же: 10].

2. Фразеологический аналог

В процессе перевода фразеологизма с помощью его аналога возникают адекватные отношения между языковыми единицами оригинала и переводящего языка. Такие ФЕ основываются на разных образах, однако имеют тождественное семантическое содержание и стилистическую окраску.

Для фразеологических аналогов (ФА) характерно несоответствие внутренней формы, но полное или приблизительное совпадение значения. Кроме внутренней формы, стилистическая окраска и структурно-грамматическая организация ФА также отличаются от оригинала.

Е. Ф. Арсентьева выделяет несколько групп фразеологических аналогов:

- ФА, принадлежащие к одному классу, структурно-грамматическая организация которых схожа, при этом основная лексическая единица в компонентном составе идентична например: *comprar gato por lebre* (букв. купить кота вместо зайца) – *купить кота в мешке*.
- ФА, структурно-грамматическая организация которых приблизительно схожа, а компонентный состав различается, например: *calado como um túmulo* (букв. нем как могила) – *нем как рыба*.
- ФА с разной структурно-грамматической организацией и разным компонентным составом, например: *com o coração na boca* (букв. с сердцем во рту) – *душа ушла в пятки* [Матвеева, Арсентьева 2016: 40].

По мнению автора, некоторые случаи абсолютного несовпадения структурно-грамматической организации ФЕ оригинала и ФА могут быть обусловлены национальной спецификой образности в культурах исходного и переводящего языка. Кроме того, Е. Ф. Арсентьева выделяет группу так называемых частичных фразеологических аналогов или эквивалентов. К данной группе относятся ФЕ, значение и структурно-грамматическая организация которых схожи в двух языках, а компонентный состав различен [Там же: 41].

Отметим, что при использовании фразеологического аналога переносное значение ФЕ оригинала основано на ином образе, поэтому особое внимание следует уделить сохранению эмоциональных, стилистических и культурных компонентов значения. Авторы переводов в данном случае часто прибегают к эмфатизации или нейтрализации этих компонентов.

3. Лексический перевод

А. В. Кунин отмечает, что «когда данное переводчику понятие представлено в одном языке фразеологической единицей, а в другом языке – лексической». Однако при подобном переводе образность фразеологизма, его национально-культурная окраска чаще все утрачиваются [Кунин 1964: 38].

4. Буквальный перевод (калькирование)

В. Н. Комиссаров называет калькирование распространенным приемом передачи ФЕ и отдельных слов в переводе. Данный прием автор определяет как способ перевода языковой единицы оригинала с помощью замены ее составляющих (морфем или слов, если это словосочетание) на их лексические аналоги в ПЯ. По мнению автора, «сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы» [Комиссаров 2013: 173].

Калькирование особенно эффективно для передачи образных ФЕ, особенно если образная основа обыгрывается в тексте. По мнению автора, кальки помогают сохранить образный строй оригинального текста в художественном произведении. Кроме того, они дают возможность обойти сложности, возникающие при обыгрывании образа для создания развернутой метафоры.

Учитывая эти преимущества, переводчики зачастую предпочитают метод калькирования его аналогам [Комиссаров 2013: 184].

Также автор обращает внимание на то, что обязательным условием использования калькирования является мотивированность образа: «Создавая соответствие-кальку, переводчик должен быть уверен, что образ исходной единицы достаточно «прозрачен» (мотивирован) и его воспроизведение в переводе позволит рецептору перевода понять передаваемое переносное значение». Если же подобная мотивированность отсутствует, перевод посредством калькирования является некорректным. Зачастую это происходит, когда переводчик работает с семантически неделимыми оборотами – их калькирование сделает перевод бессмысленным [Там же: 183–184]. Например, выражения *afogar-se em pouca água* (букв. топиться в мелкой воде) – *нервничать по пустякам*; *comer comida de urso* (букв. съесть медвежью еду) – *получить взбучку* не имеет смысла переводить путем калькирования, поскольку их значения будут непонятны читателю перевода.

Другие исследователи, С. И. Влахов и С. П. Флорин, под калькированием подразумевают покомпонентную передачу ФЕ в процессе перевода. Они отмечают, что применение такого способа возможно только в случае, если дословный перевод способен донести до читателя смысл всего фразеологизма полностью. Авторы выделяют три ситуации использования калькирования:

1. Для образных ФЕ, сохранивших метафоричность и фразеологических единств;
2. Для пословиц (особенно тех, которые не обладают подтекстом);
3. Для передачи устойчивых сравнений [Влахов, Флорин 2009: 195].

5. *Описательный перевод*

А.В. Кунин определяет данный прием как передачу значения ФЕ путем переменного сочетания слов. В одной из работ автор отмечает, что далеко не все переменные сочетания слов, соответствующие фразеологическим единицам ИЯ, следует классифицировать как описательный способ перевода. По мнению исследователя, при использовании этого приема, важно максимально точно передать значение ФЕ: «Описательный перевод – это перевод путем раскрытия понятия» [Кунин 1964: 12].

Согласно концепции С. И. Влахова и С. П. Флорина, описательный перевод определяется как перевод не самого фразеологизма непосредственно, а передача его значения. Зачастую фразеологизмы содержат единицы, не имеющие эквивалентов в ПЯ, например, объяснения, описания, сравнения, толкования, и переводятся исключительно в рамках контекста [Влахов, Флорин 2009: 196]. В данном случае С. И. Влахов и С. П. Флорин отождествляют описательный перевод с контекстуальным, определяя его как реализацию описательного способа в контексте [Там же: 196].

Важно отметить, что у описательного перевода, несмотря на его потенциал в раскрытии содержания реалии, есть весомый недостаток – перевод зачастую оказывается громоздким. По этой причине применение описания возможно не во всех случаях, хотя оно и является общепринятым стандартным средством передачи значений реалии в двуязычных словарях [Бархударов 2008: 99].

Итак, исследователи перевода выделяют такие способы передачи фразеологических единиц, как:

1. Фразеологический эквивалент;
2. Фразеологический аналог;
3. Лексический перевод;
4. Буквальный перевод;
5. Описание.

К этой классификации мы будем обращаться при анализе способов передачи русских фразеологизмов в португальских переводах романа «Евгений Онегин». Важно подчеркнуть, что каждый способ ретрансляции фразеологических единиц имеет свои достоинства и недостатки, которые необходимо учитывать при переводе художественного текста.

Выводы по Главе 1

В первой главе диссертационного исследования были рассмотрены основные аспекты перевода романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в мировой переводческой практике, проанализированы векторы развития культурологического направления современной теории перевода и определены стратегии и средства передачи культурно значимой информации при переводе художественного текста на иностранный язык.

В результате анализа переводов романа «Евгений Онегин» в мировой переводческой практике было выявлено, что представители разных школ перевода определяют различные переводческие задачи и нередко используют противоположные подходы к их решению. Внимание английской школы перевода направлено на такие аспекты, как точная передача содержания романа, семантическая близость перевода оригиналу, формальная точность перевода и сохранение поэтичности и звуковой организации произведения. Представители французской школы перевода уделяют особое внимание воссозданию поэтической формы оригинала в переводе, а именно сохранению рифмы и размера стиха, схемы рифмовки онегинской строфы и выразительности поэтики автора. Переводчики пушкинского романа на немецкий язык прошли путь от романтизации текста и нейтрализации авторской сатиры до стремления передать не только смысл каждого стиха, но и его эстетическое воздействие на читателя.

Принципиальным отличием португальских переводов романа от английских, французских и немецких текстов является то, что переводы на португальский язык выполнены без опоры на традиции школ перевода. Этот факт объясняется тем, что активная коммуникация и культурный обмен России с Бразилией и Португалией начались только в период Нового времени. По этой причине настоящее исследование направлено на изучение одной из наиболее важных и дискуссионных проблем при переводе русских художественных текстов на португальский язык, а именно передаче русского национально-культурного колорита.

В современном переводоведении перевод художественного текста рассматривается как форма межъязыкового и межкультурного контакта, целью которого является реализация полноценной коммуникации между различными культурами с помощью эстетической интерпретации оригинального текста средствами другого языка. Асимметричность восприятия окружающей действительности находит отражение в языках, что может стать причиной неверной передачи и интерпретации оригинала представителем иной культурной общности. В связи с этим различие культур носителей русского и португальского языков обуславливает ряд трудностей при переводе «энциклопедии русской жизни». Для преодоления лингвокультурного барьера переводчикам необходимо адаптировать текст произведения при помощи различных стратегий и способов передачи этнокультурно значимой информации. В результате анализа лингвистической литературы было выявлено, что основными стратегиями лингвокультурной адаптации

художественного текста являются доместикация – приближение культуры оригинала к нормам культуры реципиента; и форенизация – намеренное выделение в тексте перевода лингвистических и культурных отличий текста-оригинала. Поскольку роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» относится к иной временной эпохе, его лингвокультурная адаптация невозможна без исторической стилизации художественного произведения, а именно осовременивания текста перевода – модернизации, либо передачи исторических особенностей оригинального произведения – архаизации. Важно отметить, что стратегии не существуют в тексте изолированно друг от друга. Выбор наиболее адекватной стратегии в каждой конкретной переводческой ситуации обусловлен целью и задачами переводчика.

Одними из основных носителей национально-культурного колорита в тексте являются реалии. Применительно к задачам настоящего исследования мы понимаем реалии как языковые единицы, называющие объекты и явления, характерные для жизни и культуры одного народа и чуждые другому. В работах исследователей классификация реалий базируется на различных принципах: лингвистической природе знака, выражению культурного компонента в семантике реалии, принадлежности к лексико-семантической группе, местному признаку, временному признаку и семиотическому признаку. В настоящей работе мы используем классификацию реалий В. С. Виноградова, в основе которой лежит семантический принцип деления. Данный подход, с нашей точки зрения, дает возможность наиболее полно представить механизмы передачи русского национально-культурного колорита «энциклопедии русской жизни» на португальский язык, поскольку принадлежность слов к определенному тематическому классу обуславливает ряд специфических особенностей их перевода.

При переводе реалий на иностранный язык переводчики используют различные способы передачи этнокультурно-маркированной лексики. В данном исследовании мы рассматриваем способы перевода как непосредственные средства реализации той или иной стратегии лингвокультурной адаптации текста, направленные на достижение эквивалентности / адекватности единиц ИЯ и ПЯ. Способы перевода реалий имеют различные названия и классификацию в мировой переводческой литературе. В ходе анализа перевода реалий мы будем обращаться к следующим терминам: корреляция, лексико-семантические модификации: уподобление, контекстуальный перевод, перифрастический перевод, калькирование, переводческий комментарий (при переводе слов); фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, лексический перевод, буквальный перевод, описание (при переводе фразеологических единиц).

Отметим, что в настоящий момент в теории перевода отсутствует единый подход к передаче реалий и оценке адекватности данного перевода. В связи с этим в настоящей работе предпринята попытка разработать и экспериментально верифицировать модель перевода,

служащую для определения оптимальности выбора той или иной стратегии / средства передачи реалий в русско-португальском художественном переводе.

Таким образом, в первой главе описана основная проблематика и предпосылки исследования передачи русского национально-культурного колорита в португальских переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В ходе дальнейшего исследования предстоит изучить принципы перевода реалий на португальский язык, выявить доминирующие стратегии и способы перевода, а также определить оптимальность их выбора.

2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» НА ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

2.1. Формирование эмпирической базы исследования

2.1.1. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в португальских переводах Дарио Мореира де Кастро Алвеса и Нины и Филиппе Герра

Справедливо отметить, что если жители многих западноевропейских стран (Великобритании, США, Франции, Германии, Италии и др.) имели возможность познакомиться со стихотворным произведением А. С. Пушкина на родном языке еще два столетия назад, то первый перевод «Евгения Онегина» на португальский язык увидел свет только в 2008 году за авторством бразильского дипломата и литератора Дарио Мореира де Кастро Алвеса. Сам автор перевода отмечал, что работа над текстом произведения продолжалась на протяжении 13 лет и требовала колоссальных усилий. В интервью Дарио Алвес неоднократно подчеркивал важность своего труда, так как ««Евгений Онегин» – это произведение, которое способно наилучшим образом передать образ России португальскому читателю» [Сетевое издание «Правда.Ру» URL: <https://port.pravda.ru>]. В книге представлен перевод восьми глав, отрывков из «Путешествия Онегина» и комментарий, адресованный португалоязычному читателю.

Позднее в 2016 году вышел в свет второй перевод пушкинского романа, авторами которого стали Нина и Филиппе Антониу Герра. Специалист по русской литературе Филиппе Герра вместе с супругой выполнили стихотворный перевод «Евгения Онегина», снабдив его подробным комментарием. В настоящее время авторы являются крупнейшими переводчиками русской литературы на португальский язык. На их счету переводы русской классики, среди которых произведения Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, И. А. Тургенева, А. П. Чехова и многих других. В интервью газете «Слово» Нина Герра отмечает, что интерес к переводу русской литературы обусловлен ее русским происхождением и любовью к родному языку и литературе. Первые переводы произведений русской классики датируются началом XXI века после эмиграции Нины Герра в Португалию. Авторы переводов ставят перед собой цель «представить русских классиков в наиболее полном объеме, помочь им заговорить на португальском языке» [Информационный портал «Газета «Слово» URL: <http://gazetaslovo.com>].

В настоящей работе переводы Дарио Алвеса и Нины и Филиппе Герра являются материалом исследования стратегий и средств лингвокультурной адаптации пушкинского романа. Проблема перевода «энциклопедии русской жизни» на португальский язык обусловлена не только различием языков, но и культур России и португалоязычного ареала. Этнокультурные реалии, хорошо знакомые русскому человеку, могут отсутствовать в культуре носителей

португальского языка, что является причиной ряда трудностей при переводе романа с одного языка на другой. Переводчикам необходимо адаптировать текст произведения при помощи наиболее адекватных стратегий и способов передачи реалий.

Кроме того, необходимо отметить, что португальский язык имеет два национальных варианта: европейский португальский, на котором говорят жители Лиссабона и бывших колоний в Африке и Азии, и бразильский португальский, распространенный на территории Бразилии. Современные европейский и бразильский варианты языка имеют отличия на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, которые, тем не менее, не столь существенны, чего нельзя сказать о различиях культур Португалии и Бразилии. Эти различия находят непосредственное отражение в языке.

Исследуемые переводы романа «Евгений Онегин» выполнены носителями разных национальных вариантов португальского языка. Автор первого перевода Дарио Алвес – бразилец, а Филиппе Герра является носителем европейского варианта португальского языка. Данный факт позволяет нам предположить, что различия двух португальских переводов «энциклопедии русской жизни» обусловлены не только способом интерпретации романа и личным мастерством переводчиков, но и принадлежностью авторов к определенной культурной среде.

Таким образом, материалом настоящего исследования являются два португальских перевода романа «Евгений Онегин» за авторством Дарио Алвеса и Нины и Филиппе Герра. В результате исследования предстоит выяснить, какие стратегии и способы лингвокультурной адаптации переводчики использовали для передачи русского национально-культурного колорита, а также определить оптимальность их выбора, учитывая не только различия культур носителей русского и португальского языков, но и различия культурной принадлежности самих переводчиков.

2.1.2. Состав исследовательского корпуса

Поскольку настоящее исследование направлено на изучение стратегий и средств передачи культурно значимой информации в переводах романа «Евгений Онегин» на португальский язык, в качестве исследуемых единиц перевода выделяются русские реалии, выступающие основными носителями русского национально-культурного колорита в тексте произведения.

В ходе работы был составлен параллельный исследовательский корпус, в который вошли фрагменты, содержащие реалии в романе «Евгений Онегин», и их переводческие соответствия в двух португальских переводах. Вопрос о включении единицы в корпус, то есть о ее принадлежности к реалиям, решался в соответствии с концепцией С. И. Влахова и С. П. Флорина, согласно которой реалии понимаются как «... слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа

и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу “на общих основаниях”, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 2009: 120]. На основании данного определения были выделены критерии включения лексической (и/или фразеологической) единицы в корпус:

- 1) слово (словосочетание) обозначает объект (явление), характерный для русской культуры и чуждый культуре португалоязычных стран;
- 2) слово (словосочетание) является носителем русского национального и/или исторического колорита;
- 3) слово (словосочетание) не имеет полных эквивалентов в португальском языке.

В общей сложности в ходе настоящей работы было проанализировано 1014 исследовательских единиц, среди которых реалии в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин», их португальские соответствия в переводах Дарио Алвеса и Нины и Филиппе Герра, а также комментарии к роману и его переводам, содержащие культурно значимую информацию.

Подчеркнем, что передача реалий романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык является сложной задачей и требует особого подхода. Основными трудностями при переводе языковых единиц с выраженным национально-культурным содержанием являются:

- 1) отсутствие понятий, явлений одной культуры в другой культуре и языке. Например, многочисленные реалии быта, отраженные на страницах романа, такие как *щи*, *квас*, *пряник*, отсутствуют в культуре носителей португальского языка;
- 2) необходимость передать не только предметное значение реалии, но и ее коннотации, в том случае если они играют важную роль в создании культурно-исторического фона произведения. Например, слова *non* и *padre* обозначают тождественное понятие, однако в русском культурном узусе *non* имеет дополнительные негативные коннотации, которые необходимо учитывать при переводе романа на португальский язык.

Различие культур носителей русского и португальского языков обуславливает трудности передачи явлений одной культуры средствами другой культуры и другого языка, то есть создает «лингвокультурный барьер», преодоление которого является ключевой задачей переводчиков [Тер-Минасова 2008: 52].

Несмотря на то, что продолжительное время сторонники «теории непереводаемости» (В. Ф. Гумбольдт, А. А. Потебня, Д. К. Петров) высказывали мнение о невозможности адекватного перевода культурно значимой информации [Нелюбин, Хухуни 2003: 98–100], в современном переводоведении исследователи предлагают и активно используют различные способы ретрансляции этнокультурно-маркированных единиц при переводе художественных

произведений (см. Главу 1). Для адекватной передачи культурно значимой информации на другой язык переводчику необходимо обладать достаточным количеством фоновых знаний, позволяющих верно интерпретировать культурно-исторический фон оригинала и ретранслировать его в переводе [Николина 2017: 101].

Важно подчеркнуть, что выбор способа перевода реалии зависит от ряда факторов, среди которых языковая и культурная компетенции переводчика, лингвистические и экстралингвистические характеристики конкретной переводческой ситуации, а также цель, которую преследует переводчик при передаче этнокультурно значимой информации на другой язык. Выбор того или иного переводческого соответствия реалии происходит в рамках определенной стратегии. Как отмечает В. А. Разумовская, переводчику необходимо сделать выбор: приблизить реалию к своей культуре либо подчеркнуть ее чужеродность и в большей степени сохранить ее национально-культурное содержание в тексте перевода, то есть следовать стратегии доместикации или форенизации реалии [Разумовская 2020: 279].

Отметим, что при переводе этнокультурно-маркированных единиц в литературных памятниках, таких как роман «Евгений Онегин» возникает задача передать не только национально-культурное содержание реалий, но и их историческую окраску. Переводчики принимают решение стилизовать текст перевода, сохранив его исторический колорит, либо модернизировать произведение, выбрав в качестве переводческих соответствий русским историзмам и архаизмам аналоги современного португальского языка.

Таким образом, сложности передачи национально-культурного колорита романа, связанные с различием культур носителей русского и португальского языков, обуславливают необходимость изучения механизмов передачи русских реалий на португальский язык и определения оптимальности их выбора.

2.2. Методика исследования

В настоящей работе проведено сравнительно-сопоставительное исследование стратегий и средств передачи культурно релевантной информации на португальский язык на примере двух португальских переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Стратегия перевода рассматривается как «общий план действий переводчика, направленный на перевод конкретного текста, обусловленный конкретной целью перевода, разработанный с учетом лингвистических и экстралингвистических характеристик конкретной переводческой ситуации» [Войнич 2010: 8]. Различные способы перевода в данном случае являются средствами непосредственной реализации выбранной переводчиком стратегии.

1. Этапы проведения исследования

Исследование проводилось поэтапно с применением комплекса методов, соответствующих каждому из этапов работы.

На первом этапе осуществлялось проектирование исследования. Контекстуальный анализ романа «Евгений Онегин» и метод сплошной выборки были использованы для составления параллельного переводческого корпуса, в который вошли фрагменты из пушкинского романа на языке оригинала, содержащие реалии, и соответствующие им фрагменты из двух португальских переводов. Вопрос о включении единицы в корпус, то есть о ее принадлежности к реалиям, решался в соответствии с критериями, обозначенными в Параграфе 2.1.2. Всего в исследовательский корпус вошло 1014 исследовательских единиц, имеющих национально-культурное содержание.

Второй этап исследования предполагал классификацию и последующую систематизацию русских реалий, включенных в параллельный корпус. В корпус вошли этнокультурно-маркированные единицы двух типов:

1. Денотативные реалии – слова и словосочетания, культурная специфика которых выражена в предметном значении. Такие слова являются безэквивалентными, так как не имеют соответствий в португальском языке, например: *трепак*, *тройка*, *балалайка* и т.д.
2. Коннотативные реалии, в которых национально-культурное содержание выражено в дополнительных оттенках значения, культурных коннотациях и ассоциациях. Такие слова могут иметь частичные нерегулярные эквиваленты в португальском языке, которые не передают русский национально-культурный колорит, например: *откупщик*, *помещик*, *приказчик* и т.д.

При распределении зарегистрированных в корпусе реалий по классам мы опирались на известную классификацию В. С. Виноградова [Виноградов 2001: 49], в основу которой положен семантический признак. В результате русские реалии и их соответствия в двух португальских переводах (далее – п.1. и п.2.) были классифицированы следующим образом:

1. Бытовые реалии:

- 1) жилище, имущество: *изба* – п.1 *casal* / п.2 *isbá*; *сени* – п.1 *porta adentro* / п.2 *entrada*; *покои* – п.1 *quarto* / п.2 *pé-direito* и др.;
- 2) еда и напитки: *щи* – п.1 *shchi* / п.2 *sopa*; *квас* – п.1 *kvas* / п.2 *kvass*; *пряник* – п.1 *prianik* / п.2 *pão-de-mel*; *блины* – п.1 *blinis* / п.2 *crepes russos* и др.;
- 3) одежда, уборы: *колпак* – п.1 *touca* / п.2 *barrete*; *лапоть* – п.1 *alparca* / п.2 *alpagarta*; *кафтан* – п.1 *cafetã* / п.2 *cafetã* и др.;
- 4) виды труда и занятий: *помещик* – п.1 / п.2 *senhor*; *приказчик* – п.2 / п.2 *feitor*; *откупщик* – п.1 *rendeiro* / п.2 *concessionário* и др.;

- 5) единицы меры и длины, повинности: **сажень** – п.1 jarda / п.2 braça medida; **верста** – п.1 marco / п.2 légua; **барщина** – п.1 corvéia / п.2 jugo do trabalho и др.;
- 6) виды транспорта: **бричка** – п.1 britska / п.2 britchka; **возок** – п.1 coche / п.2 charrete; **кибитка** – п.1 cabriolé / п.2 charrete и др.;
- 7) личностные характеристики: **инвалид** – п.1 soldado / п.2 veterano; **хандра** – п.1 khandra / п.2 khandrá и др.;
- 8) предметы домашнего обихода: **самовар** – п.1 samovar / п.2 samovar и др.
2. *Этнографические и природные реалии:*
- 1) музыкальные инструменты, народные танцы и песни, праздники, игры: **балалайка** – п.1 balalaica / п.2 balalaika; **трепак** – п.1 trepak / п.2 dança sapateada; **мазурка** – п.1 mazurca / п.2 mazurca и др.;
- 2) фольклорные персонажи, божества: **ведьма с козьей бородой** – п.1 bruxa com barba caprina / п.2 bruxa com barbicha de bode; **карла с хвостиком** – п.1 anão com cauda / п.2 anão com caidinha de rato; **полужуравль и полукот** – п.1 / п.2 meio grou e meio gato и др.;
- 3) растения, животные, пейзаж: **мурава** – п.1 campo / п.2 ergva; **дубрава** – п.1 bosque / п.2 carvalhal; **косогор** – п.1 subida em chão de terra / п.2 ladeira и др.
3. *Ономастические реалии:*
- 1) антропонимы: **Дуня** – п.1 Dunia / п.2 Dúnia; **Агафон** – п.1 Agafon / п.2 Agafon; **Андрюшка** – п.1 / п.2 Andriuchka и др.;
- 2) топонимы: **Мильонная** – п.1 Milionnaia / п.2 Milliónnaia; **Петровский замок** – п.1 Petrovskiy castelo / п.2 Castelo de Pedro; **у Харитонья в переулке** – п.1 em Chariton / п.2 o Kharitóni и др.;
- 3) зоонимы: **жучка** – п.1 totó / п.2 cãozinho Suspiro; **моська** – п.1 сão / п.2 сão (имена нарицательные) и др.
4. *Исторические, литературно-книжные, языковые аллюзии и фразеологические единицы* (содержат намеки на образ жизни, черты характера, поведение, поступки исторических, фольклорных и литературных героев, а также на исторические события, на мифы, предания, литературные произведения и так далее). Например: «**приди в чертог ко мне золотой**» – п.1 “ao meu castelo de ouro vem” / п.2 “entra no menu palácio dourado” (Строка из арии Лесты из оперы «Днепровская русалка» С.И. Давыдова, написанной по мотивам произведения австрийского композитора Ф. Кауэра «Дунайская нимфа», широко ставившейся по всей Европе и популярной в пушкинские времена); «**Мой дядя самых честных правил**» – п.1 “Meu tio, honesto e mui honrado” / п.2 “Meu tio, homem honrado e direito” («Мой дядя самых честных правил» – иронически переделанная строка «Осел был самых честных правил» из басни И. А. Крылова «Осел и мужик»).

Отдельное внимание необходимо уделить уточнению объема понятия фразеологических единиц и их классификации. В научной литературе существуют различные дефиниции фразеологизмов (см. Глава 1). Применительно к задачам настоящего исследования в данной работе мы будем придерживаться определения С. И. Влахова и С. П. Флорина, которые причисляют к фразеологизмам «как идиоматику, так и фразеологизмы пословичного типа (в том числе крылатые выражения, афоризмы, сентенции), как образные (метафорические) единицы, так и необразные (безобразные) сочетания и даже случаи устойчивой сочетаемости, как «нормативные», «обкатанные» временем, так и отшлифованные мастерами обороты» [Влахов, Флорин 2009: 103]. На основании этого определения мы относим идиомы, устойчивые сочетания, крылатые выражения и афоризмы к фразеологическим единицам и будем анализировать их в рамках одной группы.

Далее рассмотрим разновидности фразеологизмов и их португальские соответствия в переводе романа «Евгений Онегин», которые были включены в параллельный переводческий корпус. В соответствии с концепцией Н. М. Шанского, по семантическому принципу ФЕ можно классифицировать на фразеологические сращения, единства, сочетания и выражения [Шанский 2015: 135].

1. *Фразеологические сращения* – неделимые и неразложимые устойчивые единицы, общее значение которых не выводится из значения компонентов его составляющих. Например:
 - *Попасть впросак* – п.1 Vir a cair em ardil / п.2 Arranjar sarilho grave;
 - *Рассыпаться мелким бесом* – п.1 Querer enfeitçar e usar de manha / п.2 Desfazer-se em gentileza;
 - *Мух давить* – п.1 Combater moscas / п.2 Motar moscas;
 - *Брить лбы* – п.1 Testas apara / п.2 Escolher os mancebos para a tropa;
 - *Мерить на свой аршин* – п.1 Medir com intenção só de ajudar / п.2 Julgar actos e falsas sem desfavorecer.
2. *Фразеологические единства* – устойчивые единицы, в которых при наличии общего переносного значения отчетливо сохраняются признаки семантической разложимости компонентов. Например:
 - *Нет мочи* – п.1 Penoso a mim / п.2 Não ter forças;
 - *Готовить кому-либо сети* – п.1 Conhecer ardis / п.2 Montar logros e armadilhas;
 - *Согнать со света* – п.1 Expulsar / п.2 Davar cabo do coiro;
 - *Писать к прадедам* – п.1 / п.2 Encontrar c'os avós;
 - *Черт возьмет* – п.1 Satã vai levar / п.2 Diabo levar.
3. *Фразеологические сочетания* – устойчивые обороты, в состав которых входят слова и со свободным, и с фразеологически связанным значением. Например:

- *Жажда крови* – п.1 Sede de sangue / п.2 Febre de sangue;
- *Хлеб-соль* – п.1 Clamores fraternais / п.2 A boa hospitalidade;
- *Ярмарка невест* – п.1 Mercado para noivado/п.2 Feira das noivas;
- *Потупить взор* – п.1 O olhar deixar cair / п.2 Baixar os olhos;
- *Терзать чью-либо душу* – п.1 Dar tanta emoção na alma/п.2 Dilacerar alma.

4. *Фразеологические выражения* – семантически делимые обороты, которые полностью состоят из слов со свободными значениями. В состав фразеологических выражений включают многочисленные пословицы и поговорки. Например:

- *С корабля на бал* – п.1 Do barco ao baile / п.2 Ao baile logo ao desembarcar;
- *Щей горшок, да сам большой* – п.1 Também comer shchi, aliás / п.2 O pote de sopa e ser senhor de mim;
- *Ходил над морем, ждал погоды* – п.1 No mar perdido, não demora ameno tempo / п.2 Esperar essa hora boa.

На третьем этапе работы проводился сопоставительный анализ русских реалий и их португальских соответствий в исследуемых переводах. Сравнительный и описательный методы использовались для выявления основных принципов, сходств и различий передачи реалий разными переводчиками. В ходе анализа были использованы данные лексикографических источников, среди которых словарные статьи толковых словарей португальского языка [Houaiss 2009; Silva 2002; Dicionario Priberam da Lingua Portuguesa [DPLP]; Michaelis Dicionario Brasileiro da Lingua Portuguesa [MDBLP]], русско-португальских словарей [Феерштейн 2005], лингвострановедческих и лингвокультурологических словарей [Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь [РКЛС]; Лингвострановедческий словарь «Россия» [ЛСР]; и др.], а также словарей онимов [Суперанская 2005; Отин 2006] и фразеологических единиц [Федоров 2008; Телия 2010; Silva 2013]. Кроме того, в ходе исследования были задействованы комментарии к роману «Евгений Онегин» В. В. Набокова [Набоков 1998], Ю. М. Лотмана [Лотман 2021] и Н. Л. Бродского [Бродский 2005].

Далее на основании результатов частотного анализа были выявлены доминирующие стратегии и способы передачи реалий в каждом из переводов романа на португальский язык, а также определена оптимальность их выбора с точки зрения потенциала в обеспечении эквивалентности/адекватности единиц перевода единицам оригинала. Оптимальность выбора механизмов передачи реалий определялась в соответствии с критериями разработанной трехступенчатой модели перевода. Полученные данные подвергались верификации при помощи переводческого эксперимента.

2. Модель перевода реалий

Важно отметить, что в настоящий момент в теории перевода отсутствуют четкие критерии оценки перевода этнокультурно-маркированных единиц. Понятия «эквивалентность» и «адекватность» рассматриваются как применительно к текстам в целом, так и к отдельным единицам ИТ и ПТ.

Эквивалентность / адекватность перевода на уровне текстов оценивается в соответствии с различными критериями, основным из которых, по мнению многих ученых, является передача коммуникативного эффекта оригинала (см.: [Комиссаров 2004; Львовская 2008; Швейцер 2019; Koller 1979; Newmark 1981; Nord 1991; Nida 2001; Рум 2009 и др.]). При этом современные авторы отмечают недостатки настоящей концепции, подчеркивая, что достижение коммуникативного эффекта оригинала во многих случаях является результатом смешения культур и нейтрализации национально-культурной специфики исходного текста [Jaуа 2020; Rawling, Wilson 2021;].

Что касается эквивалентности на уровне отдельных слов и словосочетаний, ученые преимущественно определяют ее как равенство всех параметров единиц ИЯ и ПЯ. В данном случае полными эквивалентами считаются регулярные устойчивые (словарные) соответствия (см.: [Комиссаров 2004; Бархударов 2008; Рецкер 2016; Егорова 2018; Калянова 2019; Baker 1997; House 2015]).

Однако вышеперечисленные критерии оценки эквивалентности и адекватности перевода не могут быть применены к этнокультурно-маркированным единицам по нескольким причинам. Во-первых, сама специфика реалий предполагает отсутствие точных соответствий в других языках, что говорит о невозможности достижения полной эквивалентности единиц ИЯ и ПЯ. Кроме того, при оценке перевода текста с выраженным национально-культурным содержанием основным критерием оптимальности выбора соответствия, с нашей точки зрения, должно быть не столько сохранение коммуникативного эффекта оригинала (в крайних случаях за счет полной нейтрализации национально-культурной специфики, например, в переводе В. В. Набокова «Аня в стране чудес»), сколько передача национально-культурного колорита произведения.

В настоящей работе была предпринята попытка разработать модель перевода реалий, позволяющую определить адекватность использования того или иного механизма передачи культурно значимой информации в русско-португальском художественном переводе. Адекватный перевод мы понимаем как полноценный перевод, призванный «обеспечить прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса ПЯ» [Комиссаров 2004: 102].

Согласно концепции Н. В. Тимко, перевод рассматривается как процесс, имеющий две ипостаси: «воспроизведение (с необходимой степенью полноты) содержания ИТ» и «адаптацию этого содержания и форм выражения к новым лингвоэтническим условиям восприятия» [Тимко 2007: 52]. Данное определение позволяет объяснить ошибки и недочеты в переводах двумя причинами: дефектами в ретрансляции исходного содержания и недостатком адаптации содержания и формы единиц ИЯ к коммуникативной компетенции реципиента. Учитывая различные ошибки, обусловленные этими причинами, мы устанавливали адекватность перевода русских реалий на португальский язык в соответствии со следующими критериями:

- 1) *сохранение колорита исходной реалии,*
- 2) *сохранение (прямого и/или коннотативного) значения исходной реалии,*
- 3) *сохранение коммуникативного эффекта оригинала.*

Рассмотрим эти критерии подробнее и определим их границы:

1) *сохранение колорита исходной реалии*

Под «колоритом» мы понимаем «отпечаток чего-н., совокупность особенностей (времени, местности, характера)» [Толковый словарь Ожегова URL: <https://slovarozhegova.ru/>]. Данный критерий является для нас основным, так как наличие культурного компонента значения в семантике реалии является ее отличительной чертой в сравнении с другими лексическими и фразеологическими единицами. Кроме того, перед нами стоит задача выяснить, можно ли воспроизвести национально-культурный и исторический колорит исходной реалии в тексте перевода при помощи средств ПЯ. Несоответствием данному критерию являются случаи полной нейтрализации или «перенационализации» реалий, то есть придание реалии ИЯ колорита культуры носителей ПЯ. Например, перевод реалии *щи* португальским аналогом *caldo verde* – «национальный португальский суп из капусты» будет считаться неверным по этому критерию, так как данный эквивалент имеет ярко выраженную маркированность иной культуры.

2) *сохранение (прямого и/или коннотативного) значения исходной реалии*

Нередко значение у реалии может быть предметное, связанное непосредственно с референтом, либо коннотативное. При оценке перевода реалии по данному критерию правомерным будет обратиться, прежде всего, к толковым и / или этимологическим словарям, затем сравнивать словарные дефиниции реалий со значением, которое подсказывается контекстом, а после сопоставлять с теми лексическими единицами, при помощи которых исходная реалия была передана в тексте перевода. Опускание реалии (и отсутствие компенсации ее значения в тексте перевода) или придание реалии иного предметного/коннотативного значения являются случаями несоответствия данному критерию. Например, слова *медведь* и *urso* имеют тождественное предметное значение, однако значительно различаются с точки зрения коннотаций в русском и португальском языках.

3) *сохранение коммуникативного эффекта оригинала*

Обязательным условием адекватной ретрансляции культурно значимой информации в переводе является воспроизведение коммуникативного эффекта оригинала, что возможно только в случае достаточной экспликации реалий и отсутствия искажений контекста. Несоответствием этому критерию будут считаться случаи излишнего буквализма, то есть транскрипция/транслитерации малоизвестных реалий (незарегистрированных в толковых португальских словарях) без переводческих комментариев, объясняющих их значения читателю перевода. Например, перевод старорусской меры длины *аршин* посредством транскрибирования – *archín* без дополнительного комментария будет считаться неадекватным, так как слово мало известно португалоязычному читателю и не зарегистрировано в португальских словарях.

Таким образом, в ходе исследования мы будем считать адекватными те стратегии и средства передачи русских реалий на португальский язык, которые будут соответствовать всем вышеперечисленным критериям.

3. Переводческий эксперимент

Цель и задачи настоящего исследования обусловили использование традиционных лингвистических методов (контекстный, сравнительный, сопоставительный, описательный и др.), позволяющих выявить принципы функционирования механизмов передачи культурно значимой информации в русско-португальском художественном переводе. На основе полученных данных была разработана модель перевода, которая служит для определения адекватности стратегий и способов передачи реалий в каждой конкретной переводческой ситуации. Поскольку любую научную модель принято верифицировать эмпирическим путем, в настоящей работе был проведен переводческий эксперимент, направленный на дополнительную проверку истинности положений модели перевода реалий.

Экспериментальные лингвистические методы исследования отражены в большом количестве работ современных ученых, в том числе в области лингвокультурологии и теории перевода [Княжева, Пирко 2013; Яковлев 2015; Гильмуллина 2016; Маслова 2017; Наговицына 2017; Волкова 2018; Метревели 2018; Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020 и др.] Как отмечает О. А. Сулейманова, экспериментальный метод широко используется в лингвистике и будет расширять область своего применения в связи с появлением новых исследований на грани лингвистики и других наук [Селиверстова, Сулейманова 2017: 20–21].

Отметим, что в современном переводоведении проведение экспериментов с целью изучения перевода становится все более актуальным, что обусловлено «логикой развития этой науки» [Яковлев 2015: 265]. В зарубежной традиции теория и методология проведения

переводческих экспериментов разработаны глубоко, и за последние два десятилетия количество экспериментальных исследовательских работ значительно выросло (см., например, [Alvstad, Hild, Tiselius, 2011; Empirical modelling of translation and interpreting..., 2017; Empirical translation studies..., 2017; Tirkkonen-Condit, Jääskeläinen, 2000]). Однако в российском переводе теоретическая и методологическая база для проведения экспериментов еще только находится на стадии формирования. Т. А. Волкова утверждает, что в российской традиции отмечается развитие «экспериментального перевода» как самостоятельного направления, ближайшая перспектива развития которого видится в «формировании базы экспериментальных исследований перевода и выработке стандарта переводческого эксперимента» [Волкова 2018: 103].

В настоящий момент можно выделить следующие типы лингвистических экспериментов, направленные на изучение переводов:

- *Деятельностные*

Подобные эксперименты предполагают исследование перевода как процесса посредством метода «мышления вслух» с целью разработки и экспериментального обоснования когнитивно-эвристической модели перевода (см.: [Минченков 2008; Груздев 2013; Яковлев 2015 и др.]).

- *Дидактические*

Эксперименты данного типа проводятся с обучающимися и имеют целью повышение качества профессиональной подготовки переводчиков (см.: [Бабаскина 2013; Панова 2014; Рум, Torres-Simun, 2015 и др.]).

- *Психолингвистические*

Как правило, эксперименты проводятся на материале литературного перевода и направлены на изучение особенностей восприятия нестандартных элементов иноязычного текста (см.: [Гридина, Мошкина 2015; Сардарова 2016 и др.]).

В настоящем исследовании для проверки истинности положений модели оценки перевода реалий был проведен *переводческий эксперимент*, под которым мы вслед за А. А. Сардаровой понимаем опрос носителей языка для установления адекватности выбора эквивалентов исходным единицам перевода [Сардарова 2016: 51].

Цель эксперимента заключается в верификации положений модели оценки перевода путем выявления адекватных стратегий и средств передачи реалий на основании данных, полученных от носителей португальского языка.

Экспериментальное исследование механизмов передачи культурно значимой информации в португальских переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» проводилось поэтапно:

На этапе проектирования эксперимента формулировалась гипотеза исследования, формировалась экспериментальная база и разрабатывался экспериментальный материал для верификации поставленной гипотезы.

На втором этапе устанавливалась интерпретация перевода русских реалий носителями португальского языка, и на основании полученных данных определялись адекватные стратегии и средства перевода реалий на португальский язык. Вопрос об адекватности перевода решался в соответствии с определением Е. А. Огневой, согласно которому «адекватный способ перевода лексических единиц текстов оригинала на ПЯ базируется на явлении симметрии при передаче плана содержания единиц» [Огнева 2012: 43]. В ходе эксперимента предполагалось, что при адекватном переводе реципиенты-носители португальского языка способны верно и полно идентифицировать значения русских реалий. Таким образом, наиболее адекватными механизмами передачи культурно значимой информации на португальский язык считались те стратегии и способы перевода, которые позволяли передать все семантические компоненты значения русских реалий.

На третьем этапе для верификации положений модели перевода реалий производился сопоставительный анализ оценки адекватности перевода этнокультурно-маркированной лексики, выполненной в соответствии с критериями модели перевода, и выводов об адекватности передачи реалий, сделанных на основании данных, которые были получены от респондентов-носителей португальского языка. Предполагалось, что в случае совпадения выводов об адекватности механизмов передачи культурно значимой информации разработанную модель оценки перевода целесообразно использовать на определения адекватности передачи реалий в русско-португальском художественном переводе.

Таким образом, поэтапная методика исследования перевода русских реалий на португальский язык позволяет выявить доминирующие стратегии и средства передачи русского национально-культурного колорита в каждом из переводов, а также определить оптимальность их выбора. При определении оптимальности была разработана трехступенчатую модель перевода реалий, в основе которой лежат понятия эквивалентности и адекватности перевода с учетом специфики этнокультурно-маркированных единиц. На завершающем этапе исследования модель перевода реалий была верифицирована на основании данных, полученных в результате переводческого эксперимента с носителями португальского языка.

2.3. Принципы передачи русских реалий в переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык

На данном этапе исследования был проведен сравнительно-сопоставительных анализ русских реалий и их соответствий в двух португальских переводах романа А. С. Пушкина

«Евгений Онегин». Результаты анализа позволили выявить принципы перевода реалий на португальский язык и характерные особенности их передачи в каждом из переводов.

2.3.1. Перевод бытовых реалий

1) слова со значением «жилье, части жилища»

На страницах романа А. С. Пушкин изображает виды жилья и его внутреннее устройство, типичное для России в эпоху XIX века. Такие слова имеют ярко выраженное культурное содержание и играют важную роль в создании национально-культурного колорита произведения. Рассмотрим примеры передачи реалий со значением «жилье, части жилища» на португальский язык в переводах Дарио Алвес и Нины и Филиппе Антониу Герра.

В некоторых случаях перевод реалий данного типа демонстрирует различие переводческих стратегий, выбранных разными авторами (см. Таблица 1).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«В <i>избушке</i> распевая, дева Прядет, и, зимних друг ночей, Трещит лучинка перед ней».	“Fia mocinha no <i>casal</i> , E à noite fria não dormita Co’ a luz da lenha que crepita”.	“a donzela fia na <i>isbá</i> , cantando, e a crepitante estilha, amiga das noites invernaís, brilha”.

Таблица 1 – Форенизация и доместикация бытовых реалий

При переводе реалии *изба* (избушка) Дарио Алвес использует португальский аналог *casal* – «ферма, хутор» [MDBLP], тем самым реализуя стратегию доместикации. Автор стремится сделать текст более понятным и близким для португалоязычного читателя, что, однако, ведет к утрате национально-культурного колорита оригинала. Кроме того, лексема *casal* имеет иное значение в сравнении с русской реалией *избушка*. *Casal* определяется в португальских словарях как ферма, хутор [MDBLP], в отличие от русской избы – «деревянный срубной жилой дом» [ТСО]. Отметим, что избушка является уменьшительной формой от слова *изба*, то есть «маленькая изба». Данный компонент значения реалии также утрачивается при переводе на португальский язык. Таким образом, перевод Дарио Алвес позволяет передать коммуникативный эффект оригинала, но нейтрализует национально-культурную специфику и дифференциальные признаки значения реалии.

Иной стратегии передачи реалии *избушка* следуют авторы второго перевода. Нина и Филиппе Герра транскрибируют реалию и размещают комментарий, объясняющий ее значение. Форенизация реалии позволяет подчеркнуть ее чужеродность по отношению к португальской культуре и сохранить ее национально-культурный колорит. Так же, как и Дарио Алвес, авторы второго перевода не передают уменьшительную форму лексем *изба* – «избушка», что в данном случае не противоречит оптимальности выбора стратегии и способа перевода, так как

они позволяют сохранить колорит реалии, передать ее значение и воссоздать коммуникативный эффект оригинала.

В ходе анализа перевода этнокультурной лексики на португальский язык были выявлены случаи как адекватной доместикации реалий, так и их перенационализации, то есть придания русским реалиям колорита иной культуры (см. Таблица 2).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Купцы, <i>лачужки</i> , мужики, Бульвары, башни, казаки»	“Passam trenós, gurus, cossacos, Mujiques, lojas e <i>barracos</i> ”	“vendas, cassacos, hortas, trenós, <...> Comerciantes, <i>cabanas</i> , mujiques”
«Во вкусе умной старины. Везде высокие <i>покои</i> »	“Ao gosto antigo concebido, Todos os <i>quartos</i> alto são”	“ao gosto dos antigos titulares Um <i>pé-direito</i> alto e, no salão, paredes adamascadas”

Таблица 2 – Доместикация и перенационализация бытовых реалий

В переводе Дарио Алвеса слово *лачуга* (уменьш. лачужка) передано при помощи португальского аналога *barraca* – «маленькая хижина, лачуга» [MDBLP], что позволяет частично сохранить колорит русской реалии, передать ее значение и сделать перевод доступным для понимания португалоязычному читателю.

Аналогичный пример оптимального выбора стратегии доместикации представляет перевод реалии *покои* лексемой *quarto* – «комната» [MDBLP], который позволяет передать значение реалии без нейтрализации ее национально-культурной специфики. Однако в данном случае нельзя обойти вниманием тот факт, что в переводе Дарио Алвеса стирается историческая окраска слова *покои*, которое маркировано в словарях как устаревшее [ТСО]. Лексема *quarto* не имеет выраженной временной окраски и часто употребляется в современном португальском языке.

Перевод слов *лачужки* и *покои* Нины и Филиппе Герра является примером перенационализации русских реалий. Авторы используют аналоги *cabanas* и *pé-direito*, которые отражают колорит португальской культуры. *Cabana* – «хижина» представляет собой деревянную постройку с соломенной крышей, которую в настоящее время можно увидеть на многочисленных португальских пляжах [DPLP]. *Cabanas* служат не столько для проживания людей, сколько для временного отдыха туристов и местных жителей.

Pé-direito – «португальское выражение, которое активно используется в области архитектуры и обозначает расстояние от пола до потолка» [DPLP]. Выражение имеет историю возникновения, которая уходит корнями в эпоху Средневековья, когда расстояние мерили шагами (*pés*), что придает слову не только национально-культурный, но и исторический колорит. Кроме того, *pé-direito* не совпадает по значению с реалией *покои*, так как обозначает не комнату, а меру измерения. Так, перенационализация реалий не позволяет передать

национально-культурный колорит и значение оригинала, что, с нашей точки зрения, является неприемлемым при переводе этнокультурно-маркированной лексики.

Отметим также, что в обоих переводах романа на португальский язык нередко встречаются примеры контекстуального перевода и опущения реалий (см. Таблица 3).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Татьяна прыг в другие <i>сени</i> , С крыльца на двор, и прямо в сад»	“Tânia <i>se esgueira</i> Mais do que sombra mui ligeira, Por corredor, átrio e jardim”	“e, mais leve que a sombra, <i>na saída</i> , depois no jardim, sem travar a corrida”
«И ярко светится окошко, И в <i>шалаше</i> и крик и шум»	“Tendo à janela luz brilhante; <i>Dentro</i> , conversa está em curso”	“Um luz forte que sai pelo postigo; e gritos, pancadas, grande alarido”.

Таблица 3 – Контекстуальный перевод и опущение бытовых реалий

Авторы переводов не передают реалии *сени* и *шалаш* в словарном порядке. Дарио Алвес опускает реалию *сени* (устар. «помещение между жилой частью дома и крыльцом» [ТСО]), частично компенсируя ее содержание в контексте с помощью глагола *esgueirar-se* – «улизнуть» [MDBLP]. Контекстуальный перевод позволяет передать коммуникативный эффект оригинала, что, однако, становится результатом исчезновения самой реалии как носителя национально-культурного колорита. Аналогичное опущение отмечается при переводе реалии *шалаш*. Автор не дает словарного соответствия реалии, частично компенсируя ее значение в контексте при помощи слова *dentro* – «внутри» [MDBLP]. В данном случае Дарио Алвес делает текст перевода доступным и понятным для читателя за счет полной нейтрализации национально-культурного колорита оригинала.

Нина и Филиппе Герра также опускают реалию *сени*, заменяя словарное соответствие лексемы контекстуальным: *na saída* – «на выход» [DPLP]. Значение лексемы и ее национально-культурная специфика в переводе утрачиваются. Кроме того, реалия *шалаш* не имеет в португальском переводе ни словарного, ни контекстуального соответствия, что является примером полного опущения реалии без компенсации ее значения посредством контекста.

Таким образом, при передаче реалий со значением «жилые и части жилища» на португальский язык авторы реализуют различные стратегии перевода. Форенизация лексем в рамках этой группы реалий дает возможность передать не только значение слов, но и их национально-культурный колорит. Напротив, доместикация реалий, в том числе ее крайняя форма – перенационализация, ведет к утрате национально-культурной окраски лексем. Аналогично основным недостатком контекстуального перевода и опущения в рассматриваемых примерах является полная утрата национально-культурного колорита реалий, что не позволяет считать такой перевод этнокультурно-маркированной лексики адекватным.

2) слова со значением «еда и напитки»

Слова, обозначающие еду и напитки, традиционные для русского стола в XIX веке, представляют трудность для переводчиков, так как обозначают предметы, которые отсутствуют в культуре носителей португальского языка и не имеют полных словарных соответствий.

Перевод таких реалий на португальский язык во многих случаях осуществляется посредством корреляции, то есть транскрипции или транслитерации русских слов (см. Таблица 4).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Им <i>квас</i> как воздух был потребен, И за столом у них гостям Носили блюда по чинам».	“Е o indispensável <i>kvas</i> chegando, Os comensais eram servidos Pela importância em que eram tidos”.	“como do ar, precisavam do <i>kvass</i> e o serviço à mesa não prescindia da rigorosa lei da hierarquia”.

Таблица 4 – Корреляция бытовых реалий

Например, реалия *квас* в обоих переводах передана при помощи корреляции, что позволяет сохранить ее национально-культурный колорит и подчеркнуть чужеродность по отношению к культуре реципиента. Значение реалии становится понятно читателю благодаря переводческим комментариям, которые авторы размещают подстрочно. Важно отметить, что Дарио Алвес, Нина и Филиппе Герра следуют единой стратегии форенизации реалии, но используют при этом разные способы. Дарио Алвес воспроизводит форму реалии – *kvas*, в то время как авторы второго перевода стремятся повторить ее произношение, удваивая конечную согласную, чтобы избежать ее озвончения – *kvass*.

Отметим также, что ряд примеров перевода реалий, обозначающих традиционные русские блюда и напитки, демонстрирует различие стратегий, которым следуют авторы двух переводов (см. Таблица 5).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«А я так за уши драла! А я так <i>пряником</i> кормила»	“As tuas orelhas te puxei! Que bons <i>prianiks</i> comias!”	“E eu puxei-te as orelhas e em consolo dei-te um <i>pão-de-mel!</i> ”
«У них на масленице жирной Водились русские <i>блины</i> »	“No carnaval eram de agrado Os <i>blinis</i> russos, sem iguais”	“nos dias gordos, chegado o Entrudo, não faltavam em casa os <i>crepes</i> russos”

Таблица 5 – Форенизация и доместикация бытовых реалий

В приведенных примерах Дарио Алвес реализует стратегию форенизации, передавая реалии *пряник* и *блины* с помощью транслитерации слов. Такой перевод позволяет сохранить национально-культурную специфику реалий и передать их значение с помощью подстрочного комментария.

Иной стратегии следуют Нина и Филиппе Герра, используя для перевода русских реалий португальские аналоги *pão-de-mel* – «медовый хлеб», и *crepes* – «крепы, тонкие блинчики» [DPLP]. В данном случае авторы стремятся сделать перевод более понятным и близким его читателю. Однако если выбор лексемы *crepes* в качестве соответствия русскими блинам является оптимальным, так как *crepes* схожи с русскими блинами по рецептуре и внешнему виду, то *pão-de-mel* нельзя назвать адекватным эквивалентом русскому прянику. Слово *pão-de-mel* обозначает одно из традиционных блюд португальской кухни и имеет ярко выраженное национально-культурное содержание. Используя *pão-de-mel* в качестве соответствия реалии *пряник*, авторы перевода придают слову колорит португальской культуры.

В процессе анализа выборки также были зарегистрированы примеры гипо-гиперонимического, или родо-видового, перевода русских реалий (см. Таблица 6).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Обряд известный угощенья: Несут на блюдечках варенья »	“De receber nos tempos idos, Pires de doces são trazidos”	“Dos comes e bebes o ritual costumeiro: toda a gama de doces nos pires, primeiro ”
«Мои желанья — покой, Да щей горшок, да сам большой».	“Desejo agora muita paz, Também comer shchi , aliás...”	“Meu ideal é o lar, já não lá fora, o sossego, o pote de sopa e, enfim, o meu desejo é ser senhor de mim”.

Таблица 6 – Гипо-гиперонимический перевод бытовых реалий

В обоих переводах авторы передают слово *варенье* гипонимом *doce* – «сладости» [DPLP], который является родовым по отношению к русской реалии. Гипо-гиперонимический перевод реалий, обозначающих традиционные блюда и напитки, позволяет сделать текст перевода понятным и близким его читателю. Однако национально-культурный колорит реалии и дифференциальные признаки ее значения при таком переводе утрачиваются.

Перевод реалии *щи* демонстрирует различие стратегий переводчиков. Дарио Алвес передает значение реалии при помощи транслитерации и переводческого комментария. Такой подход способствует сохранению колорита лексемы и адекватной передаче ее значения. Напротив, Нина и Филиппе Герра переводят слово *щи* гиперонимом *sopa* – «суп» [MDBLP], нейтрализуя колорит реалии и дифференциальные признаки ее значения.

Итак, при передаче слов со значением «еда и напитки» на португальский язык переводчики используют как стратегию форенизации, так и доместикацию реалий. Исходя из результатов анализа примеров перевода, мы можем сделать вывод, что форенизация реалий этого типа удовлетворяет основному критерию адекватности перевода этнокультурной лексики – позволяет сохранить ее национально-культурную окраску, в то время как доместикация нейтрализует колорит реалий и дифференциальные признаки их значения.

3) слова со значением «одежда, уборы»

Реалии, называющие виды одежды и уборы в романе «Евгений Онегин», характеризуют то, как одевались представители разных сословий в России в XIX веке, и как это отразилось в русской культуре и языке. Для передачи реалий этого типа на португальский язык авторы обоих переводов преимущественно используют слова-аналоги, близкие по значению русским реалиям в той или иной степени.

При переводе слов, обозначающих головные уборы, переводчики следуют стратегии доместикации, стремясь подобрать аналоги русских реалий в португальском языке (см. Таблица 7).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Мой брат двоюродный, Буянов, В пуху, в <i>картузе</i> с козырьком»	“Com o seu <i>boné</i> - eis Buyanov, Tão cabeludo;”	“o meu parente, primo Buiánov, de <i>boné</i> , fato de ciscos coberto”
«А на полу мосье Трике, В фуфайке, в старом» <i>колпаке</i>	“Triquet no chão, numa saleta, Com velha <i>touca</i> e camiseta”	“e Triquet no chão, c’o <i>barrete</i> velho e o camisolão”.
«У тетюшки княжны Елены Все тот же тюлевый <i>чепец</i> »	“Princesa Elena, a tiazinha, Com seu <i>boné</i> de tule feito”	“a princesa Elena, a velha tia, tem a mesmíssima <i>touca</i> de tule”

Таблица 7 – Доместикация бытовых реалий

В качестве переводческого соответствия реалии *картуз* авторы обоих переводов используют португальский аналог *boné* – «кепка, фуражка» [DPLP]. Отметим, что по внешнему виду *boné* напоминает *картуз*, что позволяет частично передать значение русской реалии и ее национально-культурный колорит в переводе.

В отличие от перевода реалии *картуз*, слова *колпак* и *чепец* переданы на португальский язык по-разному. При переводе слова *колпак* Дарио Алвес использует аналог *touca*, а Нина и Филиппе Герра – *barrette*. Обратившись к португальским словарям, отмечаем, что *barrette* – «ночной колпак, шапочка» [DPLP], имеет схожее значение со словом *колпак*, в то время как *touca* – «женский, детский чепчик» [MDBLP], определяется совершенно иначе. Из этого следует, что *touca* не может служить адекватным эквивалентом русской реалии, так как выбор в качестве переводческого соответствия слова с иным значением ведет к неверной интерпретации произведения читателем перевода.

Важно обратить внимание на то, что слова *картуз* и *чепец* в переводе Дарио Алвеса переданы на португальский язык одинаково. Однако если перевод реалии *картуз* лексемой *boné* можно считать адекватным из-за схожести их значения, то *boné de tule feito* – «фуражка из тюля» с трудом можно назвать приемлемым аналогом реалии *чепец*. Кроме того, переводя слова *картуз* и *чепец* словом *boné*, автор нейтрализует дифференциальные признаки значения реалий,

вследствие чего читатель перевода не имеет возможности провести между ними границы и воспринимает их как одно и то же слово.

Нина и Филиппе Герра, напротив, используют в качестве соответствия реалии *чепец* слово *touca*, которое близко по значению русской реалии и позволяет частично передать ее национально-культурную окраску.

Примечательно, что при переводе реалий со значением «одежда и обувь» переводчики используют однокоренные слова, которые отличаются оттенками значения. Например, авторы переводов используют однокоренные слова для перевода реалий *лапоть* и *фуфайка* (см. Таблица 8).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Пастух, плетя свой пестрый <i>лапоть</i> , Поет про волжских рыбаков»	“As suas <i>alparcas</i> entrançando, Canta o pastor terna canção Do Volga”	“canta o pastor - trançando a <i>alpargata</i> -, o Volga, os pescadores, os barqueiros”
«А на полу мосье Трике, В <i>фуфайке</i> , в старом колпаке».	“Triquet no chão, numa saleta, Com velha touca e <i>camiseta</i> ”	“e Triquet no chão, c’o barrete velho e o <i>camisolão</i> ”.

Таблица 8 – Перевод бытовых реалий посредством однокоренных соответствий

В качестве переводческого соответствия слову *лапоть*, Дарио Алвес приводит аналог *alparca*, а Нина и Филиппе Герра – *alpargata*, которые различаются между собой морфологически и стилистически. Оба слова – *alparca* и *alpargata* обозначают «легкие сандалии, появившиеся на территории Латинской Америки в XIV веке как обувь бедной части населения» [DPLP]. При этом *alparca* в сравнении с *alpargata* является более архаичной формой обозначения данного типа обуви, что свидетельствует о стремлении Дарио Алвеса подобрать аналог, который был бы стилистически равен русскому историзму *лапоть*. Отметим однако, что слова *alparcas* и *alpargatas* нельзя считать адекватными эквивалентами реалии *лапоть*, поскольку они имеют ярко выраженный колорит иной культуры. Альпаргаты (исп. эспадрильи) являются традиционной аргентинской обувью, имеют уникальный фасон и в настоящий момент популярны во всем мире.

Для перевода реалии *фуфайка* Дарио Алвес использует слово *camiseta* – «майка, женская кофточка» [MDBLP], а Нина и Филиппе Герра – *camisolão* – «длинная теплая рубашка» [DPLP]. Оба слова являются производными от порт. *camisa* – «рубашка», однако если лексема *camisolão* семантически схожа со словом *фуфайка* и может считаться адекватным эквивалентом в переводе, то *camiseta* имеет иное значение. Выбор лексем *camiseta* в качестве соответствия русской реалии ведет к нарушению смысловой точности оригинала и неверной интерпретации произведения читателем перевода.

Таким образом, при передаче реалий со значением «одежда и уборы» авторы обоих переводов следуют стратегии доместикации, подбирая в качестве соответствий русским реалиям

португальские аналоги, которые имеют схожее значение, но могут нейтрализовать национально-культурный колорит оригинала. Отличительной особенностью перевода реалий этой группы является то, что в ряде случаев авторы двух переводов используют португальские аналоги, которые являются однокоренными словами, но имеют различные значения и стилистическую окраску.

4) слова со значением «виды труда и занятий»

Реалии, называющие виды труда и занятий, часто приобретают образность и актуализируют в сознании русских людей ряд ассоциаций, которые представляют трудность для понимания носителям португальского языка и требуют особого подхода при переводе.

Многие реалии в романе А. С. Пушкина являются историзмами, то есть обозначают объекты и понятия, характерные для эпохи автора романа и отсутствующие в настоящее время. При передаче слов-историзмов авторы переводов стремятся подобрать аналоги, которые также имеют историческую окраску в португальском языке (см. Таблица 9).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Чистосердечней, чем иной. Он был простой и добрый <i>барин</i> »	“Todo o lamento que se quer. Era um gentil simples <i>senhor</i> ”	“ Foi um singelo e bondoso <i>senhor</i> , e onde repousam seus restos mortais”
«Дитя расчета и отваги, Идет <i>купец</i> взглянуть на флаги».	“Filho de cálculo e da bravura, O <i>mercador</i> atento apura”	“Filho do risco e dos cifrões, vai o <i>mercador</i> ver os pavilhões”.

Таблица 9 – Архаизация бытовых реалий

Реалию *барин* оба переводчика передают на португальский язык словом *senhor* – «господин, хозяин дома», которое маркируется в португальских словарях как историзм» [DPLP; MDBLP]. Уподобление в данном случае позволяет передать значение реалии и его историко-культурный колорит. Аналогичным способом вводится в текст перевода реалия *купец*. Переводчики используют аналог *mercador* – «торговец», который имеет схожее значение со словом *купец* и является историзмом в португальском языке [DPLP].

Отметим однако, что уподобляющий перевод не всегда способен передать историческую окраску реалии. В переводах русским историзмам нередко соответствуют слова-аналоги, которые употребляются в португальском языке и в настоящее время (см. Таблица 10).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
« <i>Ямщик</i> сидит на облучке В тулупе, в красном кушаке»	“Envolto em peles, o <i>cocheiro</i> Com faixa rubra é altaneiro”	“o <i>cocheiro</i> atroa na boleia, de peliça e cinta vermelha”
«Зачем не хилый я старик, Как этот бедный <i>откупщик</i> ?».	“Por que não sou fraco ancião, Ou um <i>rendeiro</i> pobretão!”	“Porque não sou velho e precário Como este pobre <i>concessionário</i> .”

Таблица 10 – Модернизация бытовых реалий

В обоих переводах реалия *ямщик* передана на португальский язык как *cocheiro* – «кучер» [DPLP]. Слова *ямщик* и *cocheiro* имеют схожее предметное значение, однако в отличие от русского историзма *cocheiro* употребляется в современном португальском языке и нейтрализует историко-культурный колорит реалии.

Разные аналоги переводчики используют для передачи слова *откупщик* (ист. сборщик налогов). В переводе Дарио Алвеса русской реалии соответствует лексема *rendeiro* – «сборщик арендной платы, арендодатель» [MDBLP], которая является юридическим термином. Авторы второго перевода Нина и Филиппе Герра приводят в качестве аналога реалии финансовый термин *concessionário* – «концессионер, индивидуальный предприниматель» [DPLP]. Как видно из определений португальских слов, *rendeiro* и *concessionário* являются терминологической лексикой современного португальского языка и нейтрализуют колорит русской реалии [DPLP; MDBLP]. Кроме того, семантика португальских лексем отличается от значения слова *откупщик*, что нарушает смысловую точность оригинала и ведет к его неверной интерпретации.

Примечательно, что примеры транскрипции и транслитерации реалий, называющих виды труда и занятий, достаточно редки и встречаются только в случае наличия устоявшихся форм корреляции русских слов в португальских словарях (см. Таблица 11).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Купцы, лачужки, мужики, Бульвары, башни, <i>казаки</i> »	“Passam trenós, guris, <i>cossacos</i> , Mujiques, lojas e barracos”	“vendas, <i>cassacos</i> , hortas, trenós, <...> Comerciantes, cabanas, mujiques,”
«Гвоздин, хозяин превосходный, Владелец нищих <i>мужиков</i> ».	“Depois Gvozdín, patrão clemente, De seus <i>mujiques</i> cuida bem”	“Gvozdín, senhor de terra sumarenta e de <i>mujiques</i> na miséria em desacordo”

Таблица 11 – Корреляция бытовых реалий

Русские реалии *казаки* и *мужики* хорошо знакомы носителям португальского языка, о чем свидетельствует наличие их дефиниций в португальских словарях [DPLP; MDBLP]. Для введения реалий в текст перевода Дарио Алвес использует устоявшиеся словарные формы их транслитерации, что позволяет сохранить колорит лексем и более точно передать их значения. Авторы второго перевода также вводят в текст реалию *мужики* транслитерацией, однако при переводе лексемы *казаки* отказываются от устоявшегося словарного соответствия. Переводчики воспроизводят не внешнюю форму реалии, а ее произношение, что отражено в замене *cOssacos* на *cAssacos*.

Итак, реалии, обозначающие виды труда и занятий в тексте романа, преимущественно являются историзмами. По этой причине переводчикам необходимо передать на португальский язык не только культурную специфику слов, но и их историческую окраску. Решая эту непростую

задачу, авторы переводов стремятся подобрать соответствия русским реалиям, которые также имеют историческую окраску в португальском языке. В отличие от уподобляющего перевода, доместикация слов этой группы встречается редко. Транскрипция и транслитерация были использованы только в тех случаях, когда реалии имеют устоявшиеся формы корреляции в португальском языке, которые зафиксированы в толковых словарях.

5) слова со значением «единицы меры и длины, повинности»

Нельзя обойти вниманием тот факт, что метрическая система и валюта в разных странах могут иметь существенные различия. По этой причине слова, называющие единицы меры, длины, а также денежные знаки, обладают, с точки зрения перевода, специфическими особенностями, которые заслуживают внимания.

При передаче реалий на португальский язык переводчики могут реализовать разные стратегии перевода (см. Таблица 12).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Лицо нас новое зовет. В пяти <i>верстах</i> от Красногорья»	“Um novo herói vou descrever. A cinco <i>verstas</i> de Krasnogorie”	“A uma <i>légua</i> de Krasnogórie, a aldeia de Lênski, vivia”

Таблица 12 – Форенизация и доместикация бытовых реалий

Верстой во времена А. С. Пушкина называли путевую меру длины, равную приблизительно 1 км. В настоящее время метрическая система в России претерпела значительные изменения, и слово *верста* в современном русском языке является историзмом [ТСО]. При переводе реалии на португальский язык Дарио Алвес следует стратегии форенизации, а именно транслитерирует слово и размещает комментарий, поясняющий ее значение. Такой подход позволяет сохранить колорит русской реалии и наиболее полно передать ее значение в переводе. Напротив, Нина и Филиппе Герра реализуют стратегию доместикации, выбрав в качестве соответствия слову *верста* современный португальский аналог *légua*. Несмотря на то, что переводчики нейтрализуют историческую окраску реалии, ее значение ретранслируется в переводе в полной мере: *légua* в португальской метрической системе равна приблизительно 5 км [DPLP], что соответствует пяти *верстам* в XIX веке.

Доместикация реалии и последующая компенсация ее значения в контексте также наблюдается при переводе слова *сажень* (см. Таблица 13).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Он, правда, в туз из пистолета В пяти <i>саженях</i> попадал»	“Num ás com um tiro ele acertava, A <i>doze jardas</i> , de distância”	“acertava num ás à primeira co’a pistola a cinco <i>braças</i> medidas”

Таблица 13 – Доместикация бытовых реалий

Слово *сажень* обозначает «старинную русскую меру длины, равную 2,13 метра» [ТСО]. *Сажень* как официальная мера длины употреблялась до введения в СССР метрической системы мер в 1924 году. На португальский язык реалия передана с помощью аналогов *jarda* – «английская мера расстояния, 0,91 м» и *braça* – «старинная мера длины в португалоязычных странах, составляющая 2,20 метра» [DPLP]. Как видно из примеров, в переводе Дарио Алвеса утрачивается колорит русской реалии, а ее значение компенсируется в контексте: *десять ярдов* будет приблизительно соответствовать *пяти сажням*. Напротив, авторам второго перевода удастся адекватно передать не только значение реалии *сажень*, но и ее историческую окраску, так как оба слова *сажень* и *braça* в настоящий момент являются историзмами.

Рассмотрим также случай полного опущения реалии меры без компенсации ее значения и культурно-исторической окраски в контексте (см. Таблица 14).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Все дома на <i>аршин</i> загрязнут, Лишь на ходулях пешеход»	“Casas se enterram em lama imunda. E só em andas um peão”	“toda coberta de lama espessa: um <i>côvado</i> - quem o disser não mente, só de andas o transeunte andando”

Таблица 14 – Опущение бытовых реалий

Аршин является «русской мерой длины, которая использовалась до введения метрической системы и была равна 71,12 см» [ТСО]. В переводе Дарио Алвеса реалия *аршин* полностью опускается, что ведет к нарушению смысловой точности оригинала и его национально-культурного колорита. В то же время Нина и Филиппе Герра переводят реалию *аршин* как *côvado* – «старинная португальская мера длины, 66 см» [DPLP]. Такой перевод позволяет частично передать значение русской реалии и ее историческую окраску.

Наибольшим разнообразием с точки зрения способов перевода отличаются реалии, называющие виды повинности крестьян в период крепостного права (см. Таблица 15).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Ярем он <i>барщины</i> старинной <i>Оброком</i> легким заменил»	“Dar à <i>corveia</i> nova escrita; No seu lugar ele lançava O leve <i>obrok</i> em que pensava”	“o velho <i>jugo do trabalho</i> , o seu aperto, mudou por um <i>tributo</i> leve e honrado”

Таблица 15 – Уподобление и описание бытовых реалий

Основное отличие *барщины* от *оброка* заключалось в том, что *барщина* предполагала выполнение работ, физический труд в счет долга крестьян за аренду барской земли, в то время как *оброком* называли денежную или товарную повинность [ТСО]. В переводе Дарио Алвеса слову *барщина* соответствует португальский аналог *corveia* – «трудовая повинность в эпоху феодализма» [MDBLP], который позволяет частично передать значение реалии и ее историко-культурный колорит. Авторы второго перевода ретранслируют реалию *барщина* при помощи

описательного перевода *jugo do trabalho* – «трудовой гнет». Перифраз в данном случае служит для наиболее точной передачи значения реалии, но нейтрализует ее историческую окраску.

Реалию *оброк* Дарио Алвес вводит в текст перевода транслитерацией, а Нина и Филиппе Герра используют в качестве соответствия аналог *tributo* – (ист.) «налог, дань» [DPLP]. Транслитерация слова *оброк* дает возможность сохранить колорит реалии в переводе, в то время как ее значение объясняется при помощи переводческого комментария. Перевод реалии с помощью португальского аналога *tributo* также позволяет передать значение слова и его историческую окраску.

Таким образом, слова, называющие различные меры измерения и повинности, являются историзмами, то есть имеют не только национально-культурную окраску, но и несут отпечаток ушедшей эпохи. При передаче данной группы реалий на португальский язык авторы используют различные стратегии перевода. Форенизация позволяет наиболее полно передать значение реалий и их колорит, в то время как доместикация реалий предполагает дополнительную компенсацию их значения в контексте.

б) слова со значением «виды транспорта»

Слова, обозначающие виды транспорта, распространенные в России в эпоху XVIII–XIX веков, ассоциируются в русской культуре с образом дороги и транслируют читателю особенности культуры и истории страны. Большинство реалий, анализируемых в рамках этой группы, являются историзмами. По этой причине переводчикам необходимо воспроизвести значение реалий и их национально-культурную окраску, а также обозначить их принадлежность к иной эпохе.

Корреляция слов при переводе на португальский язык используется в тех случаях, когда реалия достаточно хорошо знакома носителям португальского языка и фиксируется в португальских словарях (см. Таблица 16).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Автомедоны наши бойки, Неутомимы наши <i>тройки</i> »	“Automedones confiáveis E nossas <i>troikas</i> , incansáveis”	“Os nossos automedontes são lume, as <i>troicas</i> não cansam”

Таблица 16 – Корреляция бытовых реалий

Авторы обоих переводов вводят в текст реалию *тройка* транслитерацией, объясняя ее значение при помощи переводческого комментария. Транслитерация позволяет подчеркнуть чужеродность реалии по отношению в культуре реципиента перевода и сохранить ее историко-культурный колорит. Графические различия *troiKa* и *troiCa* связаны с расхождением устоявшихся форм корреляции слова в толковых словарях европейского и бразильского вариантов португальского языка.

Различные способы перевода авторы используют при передаче реалий, которые не имеют дефиниций в португальских словарях и нуждаются в особом внимании (см. Таблица 17).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Соседи съехались в <i>возках</i> , В <i>кибитках</i> , в <i>бричках</i> и в санях»	“Chegam vizinhos, muita gente, Aos encontros de tão contente, Em <i>coches</i> vêm, <i>cabriolés</i> , Trenós e <i>britskas</i> , mal embatem”	“chegaram famílias completas de convidados: nas <i>charretes</i> , <i>britchkas</i> , trenós, como puderam”

Таблица 17 – Уподобление, корреляция и опущение бытовых реалий

При переводе реалии *возок* Дарио Алвес использует аналог *coche* – (ист.) «экипаж» [MDBLP], в то время как авторы второго перевода опускают лексему без компенсации ее значения в контексте. Перевод реалии *возок* словом *coche* частично воспроизводит значение реалии и ее колорит. Напротив, опущение реалии в тексте второго перевода ведет к нарушению смысловой точности оригинала и нейтрализации национально-культурного колорита.

В переводе Дарио Алвеса реалии *кибитка* соответствует португальский аналог *cabriolé* – «кабриолет, двуколлка» [MDBLP], а Нина и Филиппе Герра переводят реалию как *charrete* – «каreta» [DPLP]. Оба португальских аналога позволяют частично передать значение реалии, но стирают ее историческую окраску, поскольку входят в словарный состав современного португальского языка.

Различие подходов к переводу реалий отмечается и при передаче на португальский язык слова *бричка*. Несмотря на то, что авторы обоих переводов передают реалию при помощи корреляции, Дарио Алвес воспроизводит форму лексемы *бричка* – *britska*, а Нина и Филиппе Герра ее произношение – *britchka*. Тем не менее, как транскрипция, так и транслитерация реалии являются способами сохранения ее национально-культурного колорита. Значение реалии *бричка* объясняется благодаря дополнительным комментариям переводчиков в примечаниях.

Отметим, что описательный перевод реалий, называющих виды транспорта, используется преимущественно для перевода слов, которые являются субстантивированными прилагательными (см. Таблица 18).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«В каретах, тяжко нагруженных, На <i>долгих</i> иль на <i>почтовых</i> Тянитесь из застав градских».	“Em carruagens apinhadas, Com <i>corcéis próprios</i> ou <i>de muda</i> ; Rever o campo, a alma ajuda!”	“nos <i>coches sobrecarregados</i> , vossos ou <i>da posta</i> , com celeridade passai, passai as portas da cidade”.

Таблица 18 – Описательный перевод бытовых реалий

Долгими в XIX веке называли собственных лошадей, которые не менялись в течение пути. Таким лошадям было необходимо периодически давать время для отдыха, из-за чего сама

поездка была долгой. *Почтовые* же лошади менялись на каждой станции, что позволяло добраться до пункта назначения быстрее [НКЕО]. Сами реалии соответственно образованы от прилагательных *долгий* и *почтовый*. В переводах обоих авторов значение слов передается описательно, с помощью перифразы: “corcéis gróprios”; “de muda”/ “coches sobrecarregados”; “da posta” – собственные, свои/почтовые (лошади). Описательный перевод в данном случае дает возможность передать значение реалий, но нейтрализует их историко-культурный колорит.

Итак, для перевода реалий, называющих виды транспорта, переводчики используют различные способы и стратегии. Транскрипция и транслитерация реалий применяется в тех случаях, когда слова хорошо знакомы носителям португальского языка и фиксируются в толковых словарях. Реалии, которые не имеют устоявшихся форм корреляции в португальском языке, переданы при помощи португальских аналогов, которые позволяют передать денотативные значения русских слов, но нейтрализуют их историко-культурный колорит. Описательный перевод авторы используют преимущественно при передаче субстантивированных прилагательных. С помощью описания переводчики наиболее полно раскрывают значения реалий, но стирают при этом их национально-культурную и историческую окраску.

7) слова со значением «личностные характеристики»

Культурная специфика реалий, называющих личностные характеристики людей, выражается не в предметном значении лексем, а в специфических оттенках значения, коннотациях и ассоциациях, которые свойственны этим словам в определенном культурном узусе. Коннотативные реалии представляют особую трудность для переводчика и заслуживают отдельного внимания.

При передаче реалий данной группы с помощью корреляции авторы переводов используют разные подходы (см. Таблица 19).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Русская <i>хандра</i> Им овладела понемногу»	“Com a <i>khandra</i> russa parecia, E aos poucos dele se apossou”	“em suma: a melancolia, a russa <i>khandrá</i> , que se apoderou dele a pouco e pouco”.

Таблица 19 – Корреляция бытовых реалий

Слово *хандра* имеет большое значение для русской культуры и требует пояснений. Помимо предметного значения – «тоска, грусть» [ТСО], *хандра* окружена рядом ассоциаций и является концептом национальной культуры, т.е. знаменательным (сигнификативным) образом, отражающим фрагмент национальной картины мира, обобщенный в слове. В философско–исторических анализах русского характера (Н. Бердяев, Н. Лосский, Ф. Степун) *хандра* трактуется то как сакраментальная серьезность, то как вариант азиатского фатализма («авось!»)

в сочетании с «русской ленью», то как «загадочная» метафизическая привычка русской души [Русская культура URL: <http://russculture.ru>].

Реалия *хандра* вводится в текст обоих переводов путем ее корреляции, однако если Дарио Алвес передает форму слова, то Нина и Филиппе Герра воспроизводят ее произношение. Предметное значение реалии и ее коннотации объясняются авторами переводов при помощи комментария в примечаниях. Корреляция реалии в приведенном фрагменте дает возможность сохранить колорит реалии и воссоздать коммуникативный эффект оригинала в тексте перевода.

В ходе анализа перевода реалий на португальский язык были также выявлены случаи описания и уподобления этнокультурной лексики (см. Таблица 20).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Но, говорят, вы <i>нелюдим</i> ; В глуши, в деревне все вам скучно»	“ <i>Do mundo, dizem, figos</i> vós. No campo tudo vos enfada”	“Mas dizem-no <i>esquivo</i> , que se entendia na aldeia, que tudo o aborrece”

Таблица 20 – Описание и уподобление бытовых реалий

В XIX веке под влиянием карамзинской реформы существовало литературное разграничение стилей городской и деревенской речи. Слово *нелюдим* в эпоху А. С. Пушкина считалось простонародным и по замыслу автора должно было указывать на происхождение юной Татьяны, писавшей письмо главному герою романа [ИС].

В переводе Дарио Алвеса реалия *нелюдим* передана на португальский язык описательно, при помощи идиоматического выражения “*dizer figo do mundo*” (букв. показывать миру фигу) – «сторониться людей» [DBF]. В качестве соответствия Дарио Алвес использовал экспрессивное разговорное выражение, которое выделяется на фоне литературной речи других героев романа и может указывать на принадлежность говорящего к определенному социальному слою. В данном случае описательный перевод позволяет достаточно полно ретранслировать предметное значение реалии и ее стилистическую окраску.

Авторы второго перевода, Нина и Филиппе Герра переводят слово *нелюдим* аналогом *esquivo* – «необщительный» [DPLP], которой денотативно схож с русской лексемой, но не передает колорит оригинала.

Отметим, что опущение реалий без последующей компенсации их значения в тексте перевода нарушает смысловую точность оригинала и нейтрализует его национально-культурную специфику (см. Таблица 21).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Гарольдом, квакером, <i>ханжой</i> , Иль маской щегольнет иной»	“Um quaker? Harold? Um patriota? Cosmopolita, alguém de nota?”	“um cosmopolita, um patriota, Childe Harold, <i>hipócrita</i> , um Quaker”

Таблица 21 – Опущение бытовых реалий

В эпоху А. С. Пушкина слово *ханжа* использовалось для характеристики человека, который нарушает церковную догму, но хочет слыть добродетельным. В настоящее время слово приобрело более широкое значение и применяется в отношении любого, кому свойственно лицемерное поведение. Как видно из примера, Дарио Алвес не дает реалии *ханжа* ни словарного, ни контекстуального соответствия в переводе, что искажает смысл повествования и нейтрализует колорит оригинала. Напротив, Нина и Филиппе Герра используют в качестве соответствия русской реалии аналог *hipócrita* – «лицемер» [DPLP], значение которого совпадает с современным определением слова *ханжа*. Уподобление позволяет лишь отчасти передать значение лексемы и ее национально-культурную окраску.

Таким образом, перевод слов, которые использовались для характеристики отдельных сторон личности и характера людей, осуществлен разными способами. При корреляции реалий переводчики используют разные приемы: Дарио Алвес повторяет форму слов средствами португальского языка, в то время как авторы второго перевода стремятся воспроизвести звучание реалий. Несмотря на различие приемов перевода, транскрипция, как и транслитерация реалий, способствуют сохранению их национально-культурного колорита. Описание и уподобляющий перевод служат для наиболее полной передачи значений реалий, но только в редких случаях позволяют воссоздать национально-культурную окраску слов. Что же касается опущения реалий в переводе, то отсутствие компенсации их содержания в контексте нарушает смысловую точность и колорит оригинала, а также может стать причиной неверной интерпретации произведения португалоязычным читателем.

8) слова со значением «предметы домашнего обихода и интерьера»

Реалии, называющие предметы домашнего обихода и интерьера, помещаются А. С. Пушкиным на страницы романа для создания образа традиционного русского дома в XIX веке. Рассмотрим перевод таких реалий на португальский язык.

Транслитерация реалий используется переводчиками в тех случаях, когда слова имеют устоявшуюся форму корреляции в португальском языке и фигурируют в толковых португальских словарях (см. Таблица 22).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Смеркалось; на столе, блистая, Шипел вечерний <i>самовар</i> »	“À noite cai; silvando está O <i>samovar</i> no seu calor”	“Anoitecia; estraleja ao de leve o brilhante, nocturno <i>samovar</i> ”

Таблица 22 – Корреляция бытовых реалий

Значение реалии *самовар* как одного из традиционных предметов домашнего обихода в России на рубеже XVIII–XIX веков хорошо знакомо носителям португальского языка. Об этом свидетельствует наличие дефиниций слова *самовар* в толковых португальских словарях [DPLP; MPBLP.]. По этой причине авторы обоих переводов передают слово *самовар* не иначе как

устоявшейся формой транслитерации, что позволяет сохранить колорит русской реалии и наиболее полно объяснить ее значение при помощи переводческого комментария.

Для перевода реалий, называющих предметы интерьера, широко используется описательный перевод (см. Таблица 23).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«В гостиной <i>штофные обои</i> , Царей портреты на стенах, И <i>печи в пестрых изразцах</i> ».	“E <i>adamascado</i> é o salão, Os quartos têm nobres retratos, Também <i>lareiras e ornatos</i> ”.	“no salão, <i>paredes adamascadas; o fogão, forrado de azulejos coloridos; retratos dos czares distribuídos</i> ”

Таблица 23 – Описательный перевод бытовых реалий

В эпоху А. С. Пушкина *штофными* называли обои, выполненные из плотной льняной ткани (штофа) и имеющие характерный орнамент [ТСО]. Переводчики ретранслируют реалию одинаково, передавая ее значение в тексте перевода при помощи перифраза: *adamascado* – «(обои) сделанные из узорчатой ткани». Описательный перевод раскрывает значение реалии и частично воссоздает колорит оригинала.

Реалию *печи в пестрых изразцах* Дарио Алвес переводит как *lareiras ornatos* – «печи с узором», а Нина и Филиппе Герра передают ее при помощи описания: *o fogão, forrado de azulejos coloridos* – «печь, украшенная цветной плиткой». Если перевод Дарио Алвеса можно считать адекватным и оптимальным, поскольку он позволяет частично передать значение реалии и ее колорит, то второй перевод является примером перенационализации реалии. *Azulejo* – «название традиционных португальских изразцов, которые представляют собой глиняную плитку с уникальным орнаментом» [DPLP]. В Португалии *azulejo* считается одной из наиболее известных достопримечательностей, которые можно наблюдать во всех уголках страны и национальных музеях, посвященных изготовлению изразцов и их росписи. Используя *azulejo* в качестве соответствия русской реалии, Нина и Филиппе Герра придают ей колорит своей родной культуры.

Отметим, что при передаче бытовых реалий переводчики нередко обращаются к контекстуальному и уподобляющему переводу реалий (см. Таблица 24).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Усеян <i>плошками</i> кругом, Блестит великолепный дом»	“ <i>Sob luz viva, refulgente, Lá surge um casa resplendente</i> ”	“ <i>rodeada de tochas, a mansão rutila, magnificente e, atrás das janelas</i> ”

Таблица 24 – Контекстуальный и уподобляющий перевод бытовых реалий

Плошками в XIX веке называли плоские сосуды с фитилем для освящения домов. В переводе Дарио Алвеса сама реалия опускается, а ее значение передано контекстуально: (*casa sob luz viva* – «(дом) под ярким светом»). Переводчику удастся воссоздать коммуникативный эффект оригинала, однако колорит реалии и ее предметное значение в переводе утрачиваются.

Авторы второго перевода приводят в качестве соответствия реалии *плошка* португальский аналог *tocha* – «факел, свеча» [DPLP], который также позволяет частично передать значение реалии, но нейтрализует ее национально-культурную окраску.

Итак, в тех случаях, когда реалии, называющие предметы интерьера, зафиксированы в португальских словарях, переводчики используют устоявшуюся форму их корреляции – воспроизводят буквенный состав слов средствами португальского языка. Кроме того, при переводе реалий широко применяются такие способы, как уподобление и описание. С их помощью переводчики раскрывают значения реалий, но нейтрализуют их колорит или же придают словам колорит своей родной культуры. Отметим также, что контекстуальный перевод этнокультурной лексики служит для воссоздания коммуникативного эффекта оригинала, но не дает возможности ретранслировать значение и национально-культурную окраску самих реалий.

2.3.2. Перевод этнографических и природных реалий

1) слова со значением «музыкальные инструменты, праздники, игры и танцы»

Народные праздники, песни, танцы и музыкальные инструменты являются неотъемлемой частью русской культуры. Слова, обозначающие эти понятия, транслируют особенности национальной культуры в языке и нуждаются в особом подходе при переводе на другой язык.

К транслитерации реалий этой группы переводчики обращаются в тех случаях, когда слова имеют устоявшуюся форму соответствия в португальском языке, которая фиксируется в толковых словарях (см. Таблица 25).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Теперь мила мне <i>балалайка</i> Да пьяный топот трепака»	“A <i>balalaica</i> me apaixona E do trepak ébrio patear”	“da <i>balalaika</i> que aprecio agora, da dança ébria sapateada”
«Мог изъясняться и писал; Легко <i>мазурку</i> танцевал».	“Francês falava e escrevia, Dançar <i>mazurca</i> ao baile ia”	“e a escrita em língua francesa; solta-se-lhe a <i>mazurca</i> com ligeireza”.

Таблица 25 – Корреляция этнографических реалий

Русские реалии *балалайка* и *мазурка* хорошо известны носителям португальского языка, о чем свидетельствует наличие их определений в нескольких современных португальских словарях [DPLP; MPBLP]. Для передачи реалий авторы обоих переводов используют устоявшиеся формы транслитерации слов, сопровождая их поясняющим комментарием. Такой подход позволяет сохранить колорит русских реалий и сделать перевод понятным его португалоязычным читателям.

Стремление переводчиков сделать текст перевода более близким его реципиенту нередко приводит к крайней степени доместикации реалий, а именно приданию русским словам колорита иной культуры (см. Таблица 26).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Заманите молодца К <i>хороводу</i> нашему»	“Buscai, trazei-nos um jovem Aqui pra nossa <i>ciranda</i> ”	“pr’a tentar o rapagão a entrar na nossa <i>roda</i> ”.
«У них на <i>масленице</i> жирной Водились русские блины».	“No <i>carnaval</i> eram de agrado Os blinis russos, sem iguais”	“nos Dias gordos, chegou o <i>Entrudo</i> , não faltavam em cada os crepes russos”.

Таблица 26 – Перенационализация этнографических реалий

Португальским соответствием реалии *хоровод* в первом переводе является слово *ciranda* – «танец, в основу которого входят повторяющиеся круговые движения» [MDBLP]. Несмотря на то, что слово *ciranda* частично совпадает по значению с лексемой *хоровод*, оно является реалией португальского языка и обладает ярко выраженным колоритом бразильской культуры. *Ciranda* считается одним из народных бразильских танцев, который зародился на острове Илья-ди-Итамарака и представляет собой ритмичные движения под звуки забумбы (вид барабана). Придание русской реалии колорита бразильской культуры не позволяет считать слово *ciranda* адекватным переводческим соответствием. Иной португальский аналог предлагают Нина и Филиппе Герра, используя в качестве эквивалента лексеме *хоровод* слово *roda* – «круг, группа людей» [DPLP]. Выбор функционального аналога в данном случае способствует частичной передаче значения реалии без перенационализации ее колорита.

В переводе Дарио Алвеса слову *масленица* соответствует лексема *carnaval*, что также является примером придания русской реалии колорита иной культуры. Бразильский карнавал значительно отличается от Масленицы в России, поскольку имеет иные традиции проведения праздника. Бразильский карнавал представляет собой ежегодный фестиваль, который начинается за 40 дней до Пасхи в городах Бразилии. Кроме того, карнавал унаследовал многие африканские обычаи, что отразилось, например, в ритмичной музыке и зажигательной самбе, которая сопровождает карнавальное шествие. Традиция проведения уличного карнавала-шествия распространена во многих городах Бразилии и является для бразильцев одним из главных мероприятий года. Переводя слово *масленица* при помощи лексемы *carnaval*, Дарио Алвес придает русской реалии колорит своей родной культуры. Напротив, в переводе Нины и Филиппе Герра реалии *масленица* соответствует лексема *Entrudo*, которая обозначает аналог масленицы в Португалии [DPLP]. *Entrudo* имеет сходства с русским праздником, а именно является праздником начала весны и проводится в течение недели перед Великим постом. Следовательно, авторы перевода используют слово *Entrudo* в качестве эквивалента реалии *масленица*, тем самым делая текст более понятным читателю, не нарушая смысловой точности и колорита оригинала.

Отметим, что различия культур носителей португальского языка в Бразилии и Португалии отражается в выборе переводческих соответствий русским реалиям (см. Таблица 27).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Она в <i>горелки</i> не играла, Ей скучен был и звонкий смех»	“A jogar <i>pega</i> , ela não ia, Indiferente a alegre riso”	“e no prado vasto, como levandiscas, jogavam bilhetes à <i>apanhada</i> , Tatiana não”

Таблица 27 – Доместикация этнографических реалий

Для перевода реалии *горелки* бразилец Дарио Алвес использует слово *pega*, в то время как жители Португалии Нина и Филиппе Герра переводят реалию как *apanhada*. Согласно португальским толковым словарям, оба слова – *pega* и *apanhada* обозначают «игру в салочки» [DPLP; MDBLP]. Однако если слово *pega* свойственно бразильскому варианту португальского языка, то *apanhada* входит в словарный состав португальского языка на территории Пиренейского полуострова. Несмотря на принадлежность к разным национальным вариантам языка, обе лексемы – *pega* и *apanhada* частично схожи по значению с реалией *горелки* и не нейтрализуют колорит оригинала.

Таким образом, форенизация реалий со значением «музыкальные инструменты, праздники и игры» отмечается в тех случаях, когда слова хорошо знакомы носителям португальского языка и имеют устоявшуюся форму корреляции в толковых словарях. Такой перевод позволяет не только передать значение реалии, но и полностью сохранить ее колорит в тексте перевода. Напротив, доместикация реалий, а именно уподобляющий перевод русских слов при помощи португальских аналогов, может стать причиной перенационализации реалий и передает их значения лишь отчасти.

2) слова со значением «мифологические существа и божества»

Упоминания мифологических существ в романе «Евгений Онегин» являются аллюзиями на различные литературные произведения, исторические и культурные события. Культурная специфика реалий может выражаться как в предметном значении, так и в коннотациях и ассоциациях лексики. Для воссоздания коммуникативного эффекта оригинала переводчикам необходимо не только передать предметное значение лексем, но и весь ореол фоновой информации многослойного романа русской классики.

В обоих переводах романа на португальский язык отмечаются случаи калькирования реалий (см. Таблица 28).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Вот <i>череп на гусиной шее</i> Вертится в красном колпаке»	“ <i>Crânio em pescoço nu dum ganso</i> Com rubro gorro voltas dar”	“ <i>um crânio</i> de barrete vermelho <i>num pescoço de ganso</i> girando”.
«а вот <i>Полужуравль и полукот</i> ».	“ <i>Lá, meio grou e meio gato</i> ”.	“e um ser <i>meio grou e meio gato</i> ”.

Таблица 28 – Калькирование этнографических реалий

В комментариях к переводу романа «Евгений Онегин» В. В. Набоков указывает, что *череп на гусиной шее* является аллюзией на встречи «Арзамасского общества безвестных людей» в начале XIX века [НКЕО]. Общество имело целью бороться за простоту языка и преобладание современных разговорных форм над архаизмами. Встречи общества состояли из обеда с традиционным жареным гусем и чтения протоколов собраний. Приглашенные надевали красные колпаки, что и стало причиной иронии А. С. Пушкина. Авторы обоих португальских переводов передают реалию калькированием, то есть буквально ретранслируют структуру реалии средствами португальского языка: “*crânio em pescoço nu dum ganso*”/ “*crânio num pescoço de ganso*”. В данном случае предметное значение реалии передано в тексте перевода в полной мере, однако ее культурные коннотации не доступны для португалоязычного читателя, поскольку переводчики не размещают комментариев, объясняющих их значение.

Слова *полужуравль* и *полукот* также вводятся в текст переводов при помощи калькирования: *meio grou e meio gato*. А. С. Пушкин размещает этих существ на страницах романа, делая отсылку к пересказу «Фауста» Мадам де Сталь: «Мефистофель ведет Фауста к ведьме, которая командует зверями, наполовину обезьянами и наполовину котами» [НКЕО]. При буквальном переводе реалий на португальский язык читатель знакомится лишь с предметным значением реалий. Интертекст, заложенный автором оригинала в этот фрагмент, переводчики не комментируют.

При описательном переводе реалий авторы переводов могут прибегать к трансформации и/или дополнению значений единиц оригинала (см. Таблица 29).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Другой с петушьей головой.»	“ <i>Crista de galo outros, porém;</i> ”	“ <i>há outro com cabeça de galo</i> ”.
«Там карла с хвостиком».	“ <i>Com cauda à vista eis um anão;</i> ”	“ <i>um anão com caudinha de rato</i> ”.

Таблица 29 – Описательный перевод этнографических реалий

Мифологические существа, представленные в примерах, являются ироническими образами гостей, которые посетили именины Татьяны. Передавая реалии на португальский язык при помощи описания, переводчики частично меняют их значение, что нарушает смысловую точность и колорит оригинала. В переводе Дарио Алвеса вместо петушиной головы существо представлено с петушиным гребнем – *crista de galo*, а Нина и Филиппе Герра наделяют карлу крысиным хвостиком – *com caudinha de rato*, чего нет в тексте оригинала.

Отметим, что в большинстве случаев переводчикам удастся точно передать значение реалий при помощи модуляции (см. Таблица 30).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Тут <i>остов чопорный и гордый</i> ,»	“Cá, <i>esqueleto sem ornato</i> ,”	“ <i>um esqueleto</i> que, tanto quanto pode, se faz <i>soberbo e grave</i> ;”

Таблица 30 – Модуляция этнографических реалий

В русском языке слово *остов* имеет несколько значений: 1) наиболее прочная часть сооружения, каркас; 2) основа произведения, песни и т.д.; 3) скелет [ТСО]. *Остов*, по замыслу автора, является живым скелетом, наделенным человеческими чертами характера [НКЕО]. Авторы обоих переводов ретранслируют реалию, заменяя единицу оригинала словом *esqueleto* – «скелет» [DPLP], значение которого выводится из значения исходной единицы. Модуляция в этом примере позволяет наиболее точно передать значение реалии без нейтрализации ее колорита.

Итак, калькирование реалий, называющих различные мифологические существа, позволяет передать предметные значения реалий. Однако культурные коннотации и ассоциации, связанные с этими словами, переводчиками не комментируются, что лишает читателей возможности ознакомиться с интертекстом романа в полной мере. При описательном переводе реалий отмечаются случаи изменения или дополнения значений слов. В дальнейшем это может стать причиной нарушения смысловой точности оригинала и его неверной интерпретации. Напротив, модуляция реалий позволяет наиболее точно передать значение слов без нейтрализации их национально-культурного колорита.

3) слова со значением «природные явления»

Большое внимание автор романа «Евгений Онегин» уделяет описанию красоты и неповторимости русской природы. Реалии природного мира выполняют важную функцию создания художественного образа, который передает душевное состояние лирических героев и помогает читателю лучше понять их мысли и чувства.

Перевод реалий на португальский язык преимущественно осуществляется при помощи гиперонимов, то есть замены русского слова португальским аналогом с родовым значением по отношению к исходной лексеме (см. Таблица 31).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Под длинной скатертью столов, Весной на <i>мураве</i> лугов»	“Eu sob à mesa adoro tê-ló, E em Primavera ao <i>campo</i> vê-lo,”	“debaixo do toalhão de mesa largo, na Primavera, sobre as <i>ervas</i> do prado”
«В тени хранительной <i>дубравы</i> Он разделял ее забавы»	“No <i>bosque</i> à sombra ele ficava, De seus folguedos partilhava”.	“e no sombrio <i>bosque</i> protector partilham jogos, encontram abrigos”.
«Луга и <i>нивы</i> золотые, Мелькали селы; здесь и там»	“Searas, vergéis, <i>Campos</i> dourados, Gado a pastar, e povoados”	“Ao longe, prados e <i>campos</i> floriam, dourados, variegados de cor”

Таблица 31 – Гипо-гиперонимический перевод природных реалий

Слово *мурава* означает «молодая некошенная трава» [ТСО]. На португальский язык реалия передана гиперонимами: *campo* – «поле» и *erva* – «трава» [DPLP], которые имеют более широкое значение по сравнению с русской реалией. Несмотря на то, что португальские аналоги семантически схожи со словом *мурава*, они нейтрализуют его национально-культурный колорит и не передают дифференциальные признаки значения лексемы.

Для передачи лексемы *дубрава* – «дубовая роща» [ТСО] авторы обоих переводов используют гипероним *bosque* – «лес» [DPLP], который позволяет частично передать значение реалии, но стирает ее национально-культурную окраску. Аналогичная ситуация возникает при переводе реалии *нивы* – «поля для посева» [ТСО], которую переводчики ретранслируют как *campo* – «поле» [DPLP]. Отметим, что в переводе Дарио Алвес гипероним *campo* используется в качестве соответствия двум реалиям: *мурава* и *нивы*, что ведет к утрате дифференциальных признаков лексем и их культурной специфики.

Названия природных явлений также нередко передаются на португальский язык при помощи описания и контекстуального перевода (см. Таблица 32).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Иные нужны мне картины: Люблю песчаный <i>косогор</i> ,»	“Quero outras cenas ter em mente: Amo <i>subida em chão de terra</i> ,”	“Preciso de <i>outras ares</i> , outras paisagens, de ladeira arenosa e, em frente”
«Кругом все <i>глушь</i> ; отсюда он Пустынным снегом занесен».	“Em <i>denso bosque inabitado</i> , Todo de neve acobertado,”	“por uma senda do bosque, fica atenta. De súbito, numa <i>brenha cerrada</i> :”.

Таблица 32 – Описательный и контекстуальный перевод природных реалий

Дарио Алвес ретранслирует реалию *косогор* через описание: *subida em chão de terra* – «склон горы», в то время как авторы второго перевода опускают саму реалию, делая попытку компенсировать ее значение в контексте: *outras ares* – «другие территории». Контекстуальный

перевод в данном случае не дает читателю возможности идентифицировать значение реалии и полностью стирает колорит оригинала.

Слово *глушь* Дарио Алвес также передает на португальский язык при помощи описания: *denso bosque inabitado* – «густой необитаемый лес», а Нина и Филиппе Герра переводят реалию как *brenha cerrada* – «густые заросли». Описательный перевод в обоих случаях позволяет частично передать значение лексемы и ее колорит.

Таким образом, реалии природного мира преимущественно переданы на португальский язык при помощи гиперонимов. Родо-видовой перевод реалий позволяет частично передать их значения, но нейтрализует национально-культурную окраску слов. Схожим образом описание и контекстуальный перевод реалий лишь отчасти ретранслируют значения лексем, стирая при этом их колорит.

2.3.3. Перевод ономастических реалий

1) антропонимы

Имя определяется в речи как существующий в реальной действительности или выдуманный объект мысли (лицо или место), являющийся неповторимым и исключительным в своем роде [Суперанская 2005: 153]. По мнению ученых, ономастическая лексика также является носителем национально-культурного колорита, поскольку каждое имя собственное содержит информацию о локальных и национальных характеристиках обозначаемого им объекта [Яковлева 2005; Суперанская 2009; Катермина 2017; Старцева 2018].

Как отмечает В. С. Виноградов, в большинстве случаев имена собственные способствуют сохранению в переводе национального колорита оригинальной культуры [Виноградов 2004: 105]. В качестве исследуемых антропонимов мы рассматриваем как общие имена и фамилии, так и имена знаменитых деятелей искусства, известных личностей, персонажей художественных произведений, которые имеют ряд коннотаций и ассоциаций в русском культурном узусе. В результате исследования были выделены две группы антропонимов, которые обладают ярко выраженным национально-культурным содержанием.

К *первой* группе относятся антропонимы, которые выражают общие имена и фамилии, содержащие культурно значимую информацию и нуждающиеся в дополнительном описании. Такие антропонимы окружены «роем ассоциаций», которые могут быть непонятны для читателей португальского перевода [Влахов, Флорин 2009: 125].

Антропонимы в романе «Евгений Онегин» зачастую выполняют не только номинативную функцию, но также служат для характеристики и оценки персонажей (см. Таблица 33).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Звала <i>Полиною</i> <i>Прасковью</i> И говорила нараспев»	“ <i>Praskovia</i> agora era “ <i>Polina</i> ”, Cantarolando ela falava”	“apertar ao máximo o espartilho; chamar <i>Pauline</i> a uma <i>Praskóvia</i> ”
«Она забыла: стала звать <i>Акулькой</i> прежнюю <i>Селину</i> ».	“Tudo esqueceu; e então chamou De “ <i>Akulka</i> ” a quem era “ <i>Celina</i> ””	“ <i>Céline</i> voltou a ser a sua besta <i>Akul’ka</i> ”.

Таблица 33 – Корреляция антропонимов, выполняющих характеризующую функцию

В XIX веке существовало разграничение светских, «городских» имен и имен деревенских [ИС]. *Полина*, *Селена* – имена, которыми называли себя девушки светского круга на французский манер, в то время как русские имена *Прасковья* и *Акулина* считались именами простолюдинок. Кроме того, формы одного и того же имени указывали на семейное положение и статус женщины. О моде на замену имен говорил и В. Г. Белинский в статье «Параша»: «Оттого до замужества почти каждая из них – ангел доброты, дева чудная, неземная, идеальная, Полина или Надина, а после замужества – солидная дама с весом в обществе, женщина с характером, Пелагея Петровна и Надежда Алексевна...» [Белинский 1978: 46]. Следовательно, имена *Полина* / *Прасковья* и *Селина* / *Акулька* в романе А. С. Пушкина указывают на происхождение и статус своих обладательниц и нуждаются в дополнительном описании в тексте перевода.

На португальский язык антропонимы передаются по-разному. Дарио Алвес вводит имена в текст перевода при помощи транслитерации. Кроме того, в комментариях переводчик дает подробное описание коннотаций имен в русском культурном узусе, что помогает передать не только графическую форму реалий, но и их колорит. Авторы второго перевода используют французские аналоги для светских имен *Полина* и *Селина* и транскрибируют антропонимы русского происхождения. Однако функциональные характеристики слов в переводе не комментируются, что ведет к утрате их национально-культурного колорита.

Антропонимы в тексте романа могут выступать в качестве дополнительных средств выражения авторской мысли (см. Таблица 34).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«А <i>Дуня</i> разливают чай; Ей шепчут: “Дуня, примечай!»	“Eis serve <i>Dunia</i> quente o chá: A ela sussurram: <i>Dunia</i> , vá!”	“a jovem <i>Dúnia</i> serve o chá e cora, segredam-lhe: “ <i>Dúnia</i> , é agora!”
«Так, видно, бог велел. Мой <i>Ваня</i> Моложе был меня, мой свет».	“Assim Deus quis. Pois o meo <i>Vanya</i> , Menor que eu era de idade”	“Casei como Deus manda. O meu <i>Vânia</i> era mais novo que eu, rapazote”.

Таблица 34 – Корреляция антропонимов, выражающих авторскую мысль

Сочетание подчеркнуто русского нелитературного имени *Дуня*, самого образа играющей на гитаре провинциальной барышни с сентиментальной деталью – «разливает чай» – создает

иронический эффект [НКЕО]. Имя Дуня встречается во многих произведениях русской художественной литературы. На португальский язык в обоих переводах антропоним передан при помощи корреляции, однако если Дарио Алвес передает буквенный состав русского слова, то Нина и Филиппе Герра воспроизводят его звучание. Культурные коннотации имени и ирония автора переводчиками не комментируются, то есть недоступны для интерпретации читателю перевода.

Ваня (Иван) – русское имя, ведущее свое происхождение от древнееврейского имени Иоанн [Суперанская 2005: 165]. Иван является одним из самых распространенных имен в России, которое неслучайно использовано А. С. Пушкиным в «энциклопедии русской жизни». Выбор автора связан с употреблением этого имени в качестве характеристики собирательного образа русского человека: «На Иванах земля держится» [Добродомов, Пильщиков 2008: 74]. В переводе Дарио Алвеса имя передано транслитерацией, в то время как Нина и Филиппе Герра транскрибируют лексему, воспроизводя ее звучание. В обоих случаях переводчики не разъясняют дополнительные характеристики антропонима, которые играют важную роль в создании национально-культурного колорита романа.

Ко *второй* группе исследуемых антропонимов относятся индивидуальные имена и фамилии, называющие известных общественных деятелей, литераторов, художников, героев произведений и пр. Такие антропонимы требуют в переводах особых комментариев, поскольку имеют ряд культурных коннотаций и выполняют дополнительные функции.

Антропонимы в тексте романа могут выполнять компаративную функцию. Они служат для сопоставления героев произведения с конкретными историческими лицами или известными персонажами других литературных произведений. Сравнивая литературного героя с известной личностью, автор намеренно выделяет определенные черты характера персонажа. Многие из таких антропонимов в современном русском языке стали употребляться в качестве имен нарицательных, выполняющих функцию характеристики человека, соотнося его с тем или иным культурно значимым именем (см. Таблица 35).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Второй <i>Чадаев</i> , мой Евгений, Боясь ревнивых осуждений, В своей одежде был педант»	“Outro <i>Tchadaiev</i> , Eugênio sendo, Zelasas críticas temendo, Em seu vestir era pedante”	“Era a crítica invejosa, a aleivosa, Que, tal <i>Tchaadáev</i> , mais temia, daí o ter a roupa em estima alta”.
«Он вслух, в лирическом жару, Как <i>Дельви</i> пьяный на пиру».	“Seu fervor lírico lembrava <i>Delvig</i> , se ébrio e em festa estava”	“e febre lírica e funesta, como <i>Delvig</i> , ébrio, numa festa”.
«Да та, которая, грустна И молчалива, как <i>Светлана</i> »	“Aquele que é mais arredia E mais calada, qual <i>Svetlana</i> ”	“Mas é aquela, sempre triste e taciturna, como a <i>Svetlana</i> ”

Таблица 35 – Корреляция антропонимов, выполняющих компаративную функцию

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – общественный деятель, философ, который был известен не только свободолобием, независимостью суждений, рыцарской щепетильностью в вопросах чести, но и утонченным аристократизмом и щегольством в одежде [НКЕО]. *Чаадаев* оказал огромное влияние на формирование воззрений Пушкина и в 1817–1820 гг. был одним из высших авторитетов для поэта. Автор сравнивает главного героя с Чаадаевым, наделяя его схожими характеристиками.

На португальский язык в обоих переводах антропоним передан при помощи корреляции и переводческого комментария, который объясняет читателю причину сопоставления Онегина с известным историческим лицом. Основное различие способов передачи реалии на португальский язык в двух переводах заключается в том, что Дарио Алвес воспроизводит буквенный состав слова, а Нина и Филиппе Герра воссоздают его звучание средствами португальского языка

Дельви Антон Антонович (1798–1831) – лицейский друг А. С. Пушкина, который до самой своей кончины оставался его ближайшим другом [НКЕО]. В воспоминаниях А. С. Пушкина спокойный и уравновешенный *Дельви* на дружеских пирах выступал с поэтическими импровизациями с несвойственной ему эмоциональностью и импульсивностью. Схожими чертами характера и нестабильностью эмоционального состояния автор наделяет Ленского, который готовится к дуэли с Онегиным. В переводах на португальский язык реалии передана с помощью корреляции и переводческого комментария, дающего читателю необходимую информацию для верной интерпретации сравнения.

Сопоставление Татьяны с главной героиней баллады В. А. Жуковского «Светлана» основано на сходстве характера и поведения персонажей [НКЕО]. Сентиментальный образ *Светланы* воплощает в себе лучшие качества русской девушки: доброту, кротость и преданность. Она мила, но застенчива, умна, но молчалива. На португальский язык в обоих переводах антропоним передан корреляцией. Примечательно, что если Дарио Алвес размещает комментарий, объясняющий значение реалии в русском культурном узусе, то Нина и Филиппе

Герра никак не комментируют имя Светлана в тексте перевода, то есть полностью нейтрализуют его колорит.

Итак, антропонимы имеют не только номинативное значение, но и ряд устойчивых культурных коннотаций, а также выполняют в тексте романа определенные функции. Общие имена и фамилии служат для дополнительного выражения авторской мысли, в то время как имена известных личностей преимущественно выполняют компаративную функцию. На португальский язык антропонимы переданы корреляцией, однако если Дарио Алвес воспроизводит буквенный состав слов, то авторы второго перевода воссоздают их звучание. Адекватным перевод реалий является в тех случаях, когда авторы дополняют корреляцию антропонимов подстрочными комментариями, которые объясняют читателю дополнительные оттенки значения и коннотации слов.

2) топонимы

Трудность для понимания носителям португальского языка представляют не сами топонимы, а сопровождающая их фоновая информация (хронотоп, место и время, по М. М. Бахтину) [Бахтин 1975: 75]. События в романе «Евгений Онегин» имеют определенное место действия (Санкт-Петербург, Москва, деревня, почтовый тракт и т.д.), которое, с одной стороны, является географически точным, а, с другой, обладает метафорическими, культурными, идеологическими и этическими характеристиками. Понимание и адекватная передача всех деталей пространственного мира романа имеют большое значение при переводе на другой язык.

Наиболее детально в романе представлены Санкт-Петербург и Москва. География городов в тексте романа отражает их культурно-исторические особенности, которые нуждаются в дополнительном описании при переводе на португальский язык (см. Таблица 36).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Перекликались часовые; Да дрожек отдаленный стук С <i>Мильонной</i> раздавался вдруг»	“Dos guardas eram escutados; Dum fiacre ao longe o arruído Da rua <i>Milyonnaya</i> ouvido”	“e, súbito, o rodar de um coche <i>na rua Milliõnnaia, longe</i> ”

Таблица 36 – Корреляция топонимов

Миллионная (ист. Мильонная) – улица в районе Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, одна из старейших улиц города. Как отмечает С. А. Рейсер, «с конца XVIII века и до 1834 года в Санкт-Петербурге существовала валовая нумерация домов в пределах каждой полицейской части и квартала. Эта нумерация не всегда была последовательна и в быту почти не употреблялась. С 1834 года была введена нумерация каждой улицы, четной и нечетной стороны отдельно...» [Рейсер 1957: 35]. Однако адрес, как правило, начинался указанием на улицу или полицейскую часть, к которой относится дом. Свое название Мильонная улица получила по Миллионному дому графа П. Б. Шереметьева, который восхищал современников своей роскошью.

Дарио Алвес вводит топоним в текст перевода транслитерацией, в то время как авторы второго перевода воспроизводят звучание слова средствами португальского языка. Отметим, что Дарио Алвес стилизует лексему, графически передав ее форму как *MiLyonnaia*, а Нина и Филиппе Герра транскрибируют лексему на современный лад: *MiLLiónnaia*. Месторасположение улицы и ее культурно-исторические характеристики переводчиками не комментируются, что не дает португалоязычному читателю возможности в полной мере ознакомиться с образом города в романе «Евгений Онегин» (см. Таблица 37).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«У Харитонья в переулке Возок пред домом у ворот остановился»	“E <i>em Chariton</i> , num beco esquivo, A carruagem então parou”	“pára a carruagem no destino - é o <i>Kharitóni</i> , e na viela, em frente”
«В Москве, живет у <i>Симеона</i> ».	“Cá em Moscou – <i>em Simeon</i> ”	“Mas onde é que ele pára? – “Em Moscovo , <i>rua São Simeón</i> ”

Таблица 37 – Калькирование и описательный перевод топонимов

Характерной чертой московского пейзажа во времена А. С. Пушкина было то, что основными ориентирами в городе были не цифровые и линейные координаты улиц и домов, а отдельные части города, церковные приходы и городские усадьбы с домами-особняками, отнесенными с «красной линии» улицы вглубь сада или парка и окруженными хозяйственными постройками, флигелями и сараями [Рейсер 1957: 36]. В московских адресах после указания района города шел, как правило, церковный приход. А. С. Пушкин точно следовал этому принципу: в обоих случаях, когда в романе фигурирует московский адрес, церковь указана как отправная точка, к приходу которой относился дом. По словам Ю. М. Лотмана, дома в приходе церкви св. Харитония и св. Симеона Столпника на Поварской улице были знакомы автору романа по детским воспоминаниям [Лотман 2021: 46].

В португальских переводах романа топонимы *У Харитонья* и *У Симеона* переданы по-разному. Дарио Алвес воспроизводит буквенную форму реалий и передает их при помощи калькирования, а Нина и Филиппе Герра используют перифрастический перевод и передают звучание русских слов. Кроме того, перевод Дарио Алвеса в обоих примерах сопровождается комментариями, помогающие читателю понять значение реалий и их колорит, в то время как авторы второго перевода никак не комментируют лексемы, что нейтрализует национально-культурную окраску топонимов и может стать причиной их неверной интерпретации. Отметим, что только при переводе топонима *У Симеона* Нина и Филиппе Герра частично компенсируют значения реалии, дополняя корреляцию словом *São* – святой, тем самым, указывая на происхождение топонима от названия церкви Святого Симеона.

Топонимы, называющие музеи, театры, рестораны, магазины, общественные места, известные газеты и журналы также содержат фоновую информацию, которую важно объяснить иноязычному читателю для верной интерпретации романа (см. Таблица 38).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
« <i>Макарьев</i> суетно хлопочет, Кипит обилием своим».	“ <i>Makariev</i> anda em voltas vãs, Entre abundância e correria”.	“a feira de <i>Makáriev</i> é uma loucura, fervilha e brilha abundante”.
«В те дни, когда в садах <i>Лицея</i> Я безмятежно расцветал»	“Quando nos tempos do <i>Liceu</i> , E eu nos jardins calmo crescia”	“Nos dias em que eu, despreocupado, nos jardins do <i>Liceu</i> florescia”

Таблица 38 – Корреляция топонимов

Макарьев – название большой ярмарки, которая каждый год проходила у стен Макарьевского монастыря. Авторы переводов передают топоним корреляцией, отдавая предпочтение транслитерации – *Makariev*, либо транскрипции – *Makáriev* реалии [Лотман 2021: 48]. Примечательно, что в обоих переводах значение топонима не комментируется, что нейтрализует колорит реалии и ведет к неверной интерпретации топонима читателем перевода.

Лицей (Императорский Царскосельский лицей) – привилегированное высшее учебное заведение, находившееся в Царском Селе с 1811 по 1843 год, в котором обучался А. С. Пушкин [Лотман 2021: 115]. В переводах на португальский язык топоним передан португальским словом *Liceu* – лицей, однако о каком лицее идет речь в тексте романа, и какую роль он сыграл в жизни автора – переводчики не комментируют. Из-за отсутствия необходимого комментария читатель перевода не имеет возможности верно интерпретировать значение слова и его колорит без обращения к дополнительным источникам.

Обобщая вышесказанное, отметим, что топонимы в романе «Евгений Онегин» в обоих переводах переданы на португальский язык при помощи корреляции. Однако обращают на себя внимание характерные различия подходов разных авторов. Дарио Алвес преимущественно прибегает к транслитерации реалий, в то время как Нина и Филиппе Герра воспроизводят звучание слов. Кроме того, Дарио Алвес уделяет большое внимание сохранению национально-культурной окраски топонимов, о чем свидетельствует большое количество переводческих комментариев, содержащих фоновую информацию, необходимую для верной интерпретации романа. Напротив, авторы второго перевода во многих случаях отказываются от дополнительных комментариев реалий, частично компенсируя их значения в тексте самого перевода.

2.3.4. Перевод фразеологических единиц

1) фразеологические сращения

В художественном произведении фразеологизмы являются важнейшими стилистическими средствами, обеспечивающими выразительность и красоту формы. Для

переводчиков ретрансляция фразеологии романа является непростой задачей, поскольку фразеологический фонд каждого языка уникален, именно он во многом определяет языковую специфику и национальный колорит произведения.

К фразеологическим сращениям относятся устойчивые единицы, значение которых не выводится из значения составляющих компонентов [Шанский 2015: 135]. При передаче фразеологизмов этого типа на португальский язык переводчики преимущественно обращаются к описательному переводу (см. Таблица 39).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Хоть иногда и сам <i>впросак</i> Он <i>попадался</i> , как простак».	“Ou que por vezes <i>em ardil</i> <i>Viesse a cair</i> como imbecil.”.	“outras, <i>arranjava sarilho</i> grave com alguma ingenuidade”.
«Кто все дела, все речи <i>мерит</i> Услужливо <i>на наш аршин?</i> »	“ <i>Quem vai por nós tudo medir</i> Com intenção só de ajudar?”	“ <i>Quem nos juga</i> actos e falas <i>sem desfavorecer a nossa pessoa?</i> ”

Таблица 39 – Описательный перевод фразеологических сращений

Значение фразеологизма *попасть впросак* в обоих текстах передано при помощи описания. Дарио Алвес ретранслирует значение реалии как “vir a cair em ardil”, то есть попасться на уловки, а Нина и Филиппе Герра переводят фразеологизм следующим образом: “arranjava sarilho” – «ему (Онегину) самому ставили ловушки». Аналогично переводчики вводят в текст фразеологизм *мерить на наш аршин*. В переводе Дарио Алвеса ему соответствует описание: “vai por nós tudo medir” – «мерить, считать в нашу пользу», в то время как авторы второго перевода передают значение реалии как “juga sem desfavorecer a nossa pessoa” – «судить, принимать решение, выгодное для нас». Описательный перевод фразеологических единиц позволяет полно передать их значения, однако при таком переводе ФЕ полностью утрачивают образность и национально-культурную окраску.

Примеры перевода реалий на португальский язык демонстрируют различие стратегий передачи ФЕ в текстах Дарио Алвеса и Нины и Филиппе Герра (см. Таблица 40).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Солила на зиму грибы, Вела расходы, <i>брила лбы</i> »	“Os cogumelos os prepara, As contas faz, “ <i>testas apara</i> ”	“Mestre de obras, salga dos cogumelos, gerir despesas, <i>escolher os mancebos para a tropa</i> ”

Таблица 40 – Форенизация и доместикация фразеологических сращений

Выражение *брить лбы* во времена А. С. Пушкина означало «отдавать кого-либо в солдаты» [ТСО]. При переводе фразеологизма Дарио Алвес стремится сохранить колорит и образность реалии, поэтому вводит ее в текст перевода калькированием: “testas apara”. При этом значение фразеологизма подробно объясняется в комментариях к переводу. Иной стратегии

следуют Нина и Филиппе Герра, описывая значение реалии в тексте перевода: “escolher os mancebos para a tropa” – «отбирать юношей на военную службу». Описание дает возможность сделать перевод близким и понятным его читателям, однако образность русского фразеологизма и его национально-культурный колорит в переводе полностью утрачиваются.

Отметим, что в некоторых случаях переводчики воссоздают образность фразеологических единиц средствами португальского языка, но неверно интерпретируют их значения (см. Таблица 41).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Лет сорок с ключницей бранился, В окно смотрел и <i>мух</i> <i>давил</i> ».	“Por quarenta anos arengou Com a ama, e <i>moscas</i> <i>combatera</i> ”.	“passara quarenta anos refileando com a despenseira impertinente, pela janela olhando, <i>moscas</i> <i>matando</i> ”.

Таблица 41 – Буквальный перевод фразеологических сращений

По мнению В. В. Виноградова, выражение *давить мух* имеет переносное значение «употреблять спиртные напитки, иными словами, выпивать» [ИС]. В романе «Евгений Онегин» идиома *давить мух* является иронической метафоризацией бытового термина, которая служит для характеристики застойного быта дворянского образа жизни. Переводчики понимают выражение буквально и передают его на португальский язык с помощью кальки без дополнительных комментариев: “combatere/matar moscas” – «убивать мух». При таком переводе значение фразеологической единицы передано некорректно.

Таким образом, при переводе фразеологических сращений важной задачей является не только передача их значения, но и воссоздания их образности. Преимущественно именно в образе, на котором основан фразеологизм, выражается национально-культурная окраска реалии. Описательный перевод позволяет передать значение ФЕ, однако полностью нейтрализует их образность и колорит. Напротив, калькирование, сопровождаемое дополнительными комментариями, дает возможность передать на португальский язык как значение, так и образность, и культурную специфику русских фразеологизмов.

2) фразеологические единства

К фразеологическим единствам относятся устойчивые единицы, в которых при наличии общего переносного значения отчетливо сохраняются признаки семантической разложимости компонентов. При этом фразеологизмы отражают национальную культуру не расчлененно, а комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, как цельными знаками [Шанский 2015: 135].

В ходе анализа перевода фразеологических единств на португальский язык были выявлены случаи сохранения образности и национально-культурного колорита реалий (см. Таблица 42).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«А он не едет; он заранее <i>Писать ко прадедам</i> готов».	“Mas não quer ir. Preferiria Precose <i>encontro com os avós</i> ”.	“Ele não vai; já está pronto a marcar <i>encontro</i> em breve <i>c’os avós</i> ”.
«Вздыхать и думать про себя: Когда же <i>черт возьмет</i> тебя!»	“Mas lá por dentro a imaginar, Quando <i>Satã te vai levar</i> ?”	“suspirar e desejar com enfado: quando <i>te leva daqui o diabo</i> ?”

Таблица 42 – Перевод фразеологических единств посредством эквивалентов

Фразеологизм *писать ко прадедам* в романе «Евгений Онегин» означает: умереть, скончаться [ИС]. При передаче реалии на португальский язык переводчики стремятся сохранить ее образность и национально-культурную окраску, используя в качестве соответствия португальский эквивалент “encontrar com os avós” (букв. встретиться с предками) – «умереть». Такой перевод позволяет ретранслировать значение фразеологизма без утраты его образности и национально-культурной окраски.

Под выражением *когда же черт возьмет тебя* подразумевается пожелание скорой смерти. Для передачи реалии на португальский язык авторы обоих переводов приводят эквиваленты: “(quando) *Satã te vai levar*”/ “*te leva daqui o diabo*” (букв. (когда) дьявол/черт тебя утащит), что дает возможность не только воссоздать значение фразеологизма в тексте перевода, но и сохранить его образность.

Рассмотрим также примеры передачи фразеологических единств, образность и колорит которых при переводе на португальский язык утрачиваются (см. Таблица 43).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«С коня калмыцкого сваясь, <i>Как зюзя пьяный</i> , и французам Достался в плен: драгой залог!»	“ <i>Ébrio</i> ele então foi feito preso Pelo francês (refém de peso!)”	“num rebate, vai no cavalo calmuque, tão <i>borracho</i> que cai na lama do cavalo abaixo, corajosamente. Prisioneiro dos franceses: ah, precioso troféu!”
«Как он язвительно злословил! Какие <i>сети</i> им <i>готовил</i> !»	“Da forma em que lhe apetecia! E com <i>ardis que conhecia</i> !”	“que vozes levantava, viperinas! Que <i>logros lhes montava</i> , que armadilhas!”

Таблица 43 – Лексический и уподобляющий перевод фразеологических единств

Выражение *как зюзя пьяный* произошло из «гусарского языка» и употребляется для характеристики человека в крайней степени алкогольного опьянения. Само слово *зюзя* трактовалось как синоним слову *свинья*, иными словами, *пьян как зюзя* означало то же самое, что *пьян как свинья* [ИС]. В переводах на португальский язык авторы используют лексический

перевод и передают значение фразеологизма синонимами: *ébrio* и *borgacho* – «пьяный» [DPLP]. Отметим, что *ébrio* – стилистически нейтральное слово, в то время как *borgacho* принадлежит к разговорному стилю речи, что позволяет переводчикам воссоздать эмоционально-стилистическую окраску русского фразеологизма. Тем не менее, оба португальских соответствия нейтрализуют образность и национально-культурный колорит оригинала.

Фразеологизм *готовить сети* означает «лукавить, пытаться обмануть» [ИС]. На португальский язык выражение передано при помощи устойчивых сочетаний с аналогичным значением: “*conhecer ardis*” и “*montar logros*” (букв. знать уловки/ставить ловушки) – «обманывать». Португальские ФЕ имеют схожее значение с выражением *готовить сети*, но основаны на иных образах и нейтрализуют колорит оригинала.

Отметим, что в некоторых фрагментах были выявлены ошибки интерпретации фразеологизмов и неверная передача их значений на португальский язык (см. Таблица 44).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Все чувства в Ленском помутились, И молча он <i>повесил нос</i> .».	“ <i>Lenski, ensombrado pelo medo, Face baixou, silenciando.</i> ”.	“ <i>Lênski, c’os sentimentos num novelo, baixa a cabeça e prefere calar</i> ”.

Таблица 44 – Буквальный перевод фразеологических единств

В русском языке фразеологизм *повесить нос* имеет значение – «загрустить, огорчиться». Выражение возникло в среде музыкантов и первоначально звучало как *повесить нос на квинту*. Квинтой скрипачи называют самую высокую по тону струну скрипки. Во время игры скрипач обычно поддерживает инструмент подбородком, и нос его почти касается этой ближней к нему струны [ИС]. Из метафорического сходства положения музыканта с видом опечаленного человека и родилось выражение *повесить нос на квинту*, которое позже сократилось до привычного нам *повесить нос*» то есть «сильно грустить, унывать». Несмотря на то, что выражение *повесить нос* имеет переносное значение, в переводах на португальский язык оно передано буквально: “*baixar face*” – «опустить лицо» и “*baixar a cabeça*” – «опустить голову». Кроме того, при переводе ФЕ происходит замена компонентов, составляющих выражение: нос → лицо, голова. Таким образом, значение фразеологизма, его образность и колорит в португальских переводах утрачиваются.

Итак, перевод фразеологических единств на португальский язык осуществляется наиболее адекватно в тех случаях, когда переводчики используют в качестве соответствий фразеологические эквиваленты, то есть фразеологизмы португальского языка, имеющие схожую структуру и основанные на том же образе, что и русские ФЕ. Такой перевод дает возможность ретранслировать как значения, так и колорит реалий. Напротив, лексический и буквальный перевод фразеологизмов (без дополнительных комментариев) позволяет только отчасти передать значения реалий и нейтрализует их колорит.

3) фразеологические сочетания

Фразеологические сочетания (коллокации) представляют собой устойчивые обороты, в составе которых находятся слова как со свободным значением, так и с фразеологически связанным [Шанский 2015: 135]. В отличие от фразеологических сращений и единств, сочетания являются семантически делимыми, однако допускают ограниченную подстановку слов. При этом один из компонентов состава фразеологического сочетания всегда является постоянным, а второй может подвергаться изменению. Фразеологические сочетания отражают национальную культуру расчлененно, единицами своего состава, точнее говоря, в регулярных сочетаниях отдельных компонентов.

Перевод коллокаций с помощью калькирования позволяет авторам наиболее полно передать значение и образность реалий, не нарушая узуса языка реципиента (см. Таблица 45).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Враги! Давно ли друг от друга Их <i>жажда крови</i> отвела?»	“Rivais e hostis! <i>De sangue a sede</i> Há quanto tempo os separou?”	“Inimigos! Há muito os separou esta <i>febre de sangue</i> homicida?”
«Татьяна <i>потупила взор</i> , Как будто слыша злой укор».	“De Tânia <i>o olhar deixou cair</i> Qual reprimenda fosse ouvir”.	“Tatiana tremeu, corou, empaleceu. <i>Baixou os olhos</i> , como se picada pelo ferrão de uma censura velada”

Таблица 45 – Калькирование фразеологических сочетаний

При переводе фразеологизма *жажда крови* Дарио Алвес и Нина и Филиппе Герра используют калькирование: “sede de sangue” / “febre de sangue” – (букв.) «жажда, желание крови». В данном случае португальские кальки дают возможность передать не только значение ФЕ, но и ее образность и колорит. Примечательно, что слово *жажда* входит в состав фразеологизма в своем переносном значении, то есть, означает не потребность в питье, а сильное желание убить. В португальском языке слова *sede* и *febre* также употребляются авторами в своем переносном значении – желание убивать, в то время как прямые значения слов: *sede* – «физиологическая жажда», потребность пить, а *febre* – «лихорадка» [DPLP]. По этой причине значения выражений понятны португалоязычному читателю без дополнительных комментариев, и созданные переводчиками фразеологизмы не нарушают узуса языка реципиента.

Согласно словарю Ожегова, глагол *потупить* имеет значение «опустить», то есть, *потупить взор* означает «опустить взгляд» [ТСО]. На португальский язык реалия также передана калькированием: “deixar cair o olhar” / “baixar os olhos” – «опустить взгляд» / «опустить глаза». Значение русского фразеологизма ретранслируется в португальских переводах без утраты его образности и при этом легко интерпретируется читателем, не нуждаясь в дополнительных комментариях переводчиков. Основное отличие выражения *потупить взор* от его португальских

соответствий заключается в том, что в русском языке оно является устойчивым сочетанием, в то время как “deixar cair o olhar” и “baixar os olhos” – это свободные сочетания слов.

В отличие от калькирования, описательный перевод фразеологических сочетаний стирает колорит реалий, позволяя передать только значения слов (см. Таблица 46).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Повсюду ласковая встреча, И восклицанья, и <i>хлеб-соль</i> ».	“É <i>recebida alegremente</i> . E com clamores fraternais”.	“Recebem-na com carinho em todo o lado, com brados, <i>a boa hospitalidade</i> ”.
«Нет, никогда порыв страстей Так не <i>терзал души</i> моей!»	“Jamais impulso da paixão <i>N’alma me deu tanta emoção</i> ”.	“não, nunca ímpeto de paixão tão forte <i>dilacerou</i> minha <i>alma</i> desta sorte!”

Таблица 46 – Описательный перевод фразеологических сочетаний

В русской культуре словосочетание *хлеб-соль* выражает «гостеприимство и радушие» [ЛСР]. В переводах на португальский язык выражение передано при помощи описательного перевода: “recebida alegremente” – «была принята радушно» и “a boa hospitalidade” – «с большим гостеприимством». Несмотря на то, что значение фразеологизма в обоих примерах передано на португальский язык в полной мере, описание не позволяет воссоздать образность и национально-культурный колорит реалии.

Фразеологизм *терзать душу* означает «тревожить, вызывать сильное волнение» [ЛСР]. В переводе Дарио Алвеса его значение передано описательно: “n’alma me deu tanta emoção” – «вызывать волнение в душе». Однако образность и колорит фразеологизма в этом переводе не сохраняются. Напротив, Нина и Филиппе Герра вводят выражение в текст перевода калькированием: “dilacerar alma” – (букв.) «терзать, раздирать душу». При помощи калькирования переводчики ретранслируют не только значение фразеологизма, но и его образность и колорит.

Итак, при передаче фразеологических сочетаний на португальский язык переводчикам удастся передать значение и образность реалий в тех случаях, когда они обращаются к буквальному переводу – калькированию. Португальские кальки не нарушают узуса языка и не нуждаются в дополнительных комментариях в переводах, о чем свидетельствует их отсутствие. Что касается описательного перевода фразеологических сочетаний, то, как видно из рассмотренных примеров, он позволяет передать значения реалий, но полностью нейтрализует их образность и национально-культурную окраску.

4) фразеологические выражения

Фразеологические выражения представляют собой устойчивые обороты, которые легко разложимы на семантические компоненты и целиком состоят из слов со свободным значением. К фразеологическим выражениям относятся пословицы, поговорки и аллюзии. Фразеологизмы

этого типа преимущественно содержат национально-культурную информацию в намеке на общеизвестные факты, исторические события и литературные произведения [Шанский 2015: 135].

Для передачи национально-культурного колорита фразеологических выражений переводчики используют описательный перевод, сопровождая его дополнительными комментариями (см. Таблица 47).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
« <i>Брожу над морем, жду погоды,</i> Маню ветрила кораблей».	“ <i>No mar perdido, não demora</i> Ameno tempo, eu já vos chamo, Velas do mar”.	“ <i>espero essa hora boa, aceno, lento,</i> às velas dos barcos na beira-mar,”
« <i>Привычка свыше нам дана:</i> <i>Замена счастию она</i> ».	“ <i>Hábito é dom da divindade – Substitui felicidade</i> ”.	“ <i>O hábito Deus o manda, é verdade, para fazer às vezes da felicidade</i> ”.

Таблица 47 – Описательный перевод фразеологических выражений

С одной стороны, *ждать у моря погоды* – это старая русская поговорка, означающая «долгое, неопределенное ожидание» [ЛСР]. С другой стороны, В. В. Набоков видит во фразе намек А. С. Пушкина на невозможность выезда за границу [НКЕО]. Передавая фразеологизм на португальский язык, авторы обоих переводов используют перифраз: “*No mar perdido, não demora*” / “*espero essa hora boa, aceno, lento,*” – «Брожу у моря без остановки» / «жду хорошего часа, знака». Значение выражения и его коннотации переводчики объясняют в комментариях к тексту перевода.

По мнению В. В. Набокова, фраза «*Привычка свыше нам дана: Замена счастию она*» является аллюзией на высказывания из романа Шатобриана «Рене»: «Если бы я имел безрассудство верить еще в счастье, я бы искал его в привычке» [НКЕО]. На португальский язык выражение передано при помощи описания: “*Hábito é dom da divindade – Substitui felicidade*” / “*O hábito Deus o manda, é verdade, para fazer às vezes da felicidade*” – «Привычка дана свыше» / «Богом и способна заменить счастье». Культурный подтекст фразы объясняется португалоязычному читателю посредством дополнительных комментариев в послетекстовых примечаниях к переводам.

Отметим однако, что не во всех случаях авторы переводов придерживаются единой стратегии при передаче фразеологических выражений на португальский язык (см. Таблица 48).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Гера
«Он возвратился и попал, <i>Как Чацкий, с корабля на бал</i> ».	“E, <i>como Chatski</i> , apenas vindo, * <i>Do barco ao baile</i> ia subindo”.	“Voltou e, <i>como Tchátski</i> , foi parar <i>ao baile, logo ao desembarcar</i> ”
«Мои желанья — покой, <i>Да щей горшок, да сам большой</i> ».	“Desejo agora muita paz, <i>Também comer shchi, aliás</i> ”.	“o sossego, <i>o pote de sopa e, enfim, o meu desejo é ser senhor de mim</i> ”.

Таблица 48 – Доместикация и форенизация фразеологических выражений

Фразеологизм *с корабля на бал* означает «быстрая перемена мест, неожиданная смена обстоятельств» и является аллюзией на произведение А. С. Грибоедова «Горе от ума» [НКЕО]. В переводах на португальский язык выражение передано по-разному. Дарио Алвес вводит его в текст перевода калькированием: “como Chatski, Do barco ao baile”, объясняя значение фразеологизма и его связь с другим литературным произведением в комментариях. Такой перевод позволяет не только ретранслировать значение реалии, но и передать его образность и колорит. Иной стратегии придерживаются Нина и Филиппе Гера, переводя фразеологизм при помощи развернутого описания: “como Tchátski, foi parar ao baile, logo ao desembarcar” – «как Чацкий попал на бал, как только спустился с корабля». Несмотря на стремление авторов передать значение реалии в тексте перевода, отсутствие дополнительных комментариев к переводу фразы нейтрализует ее колорит и может стать причиной ее неверной интерпретации португалоязычным читателем.

Аналогичные различия стратегий перевода отмечаются при передаче выражения *Да щей горшок, да сам большой*, которое является старой русской поговоркой и означает «пожелание благополучия и независимости» [НКЕО]. Щи в древней Руси считались символом благополучия и достатка. Дарио Алвес передает выражение на португальский язык при помощи усеченного описания: “(Desejo)Também comer shchi, aliás” – «желаю также есть щи». При этом значение фразеологизма и его национально-культурная окраска понятны читателю благодаря подробному переводческому комментарию. Напротив, Нина и Филиппе Гера не комментируют перевод русской пословицы, а дают его развернутое описание в самом тексте перевода: “o pote de sopa e, enfim, o meu desejo é ser senhor de mim” – «(желаю) горшок щей и быть хозяином самому себе». В данном случае образность фразеологизма и его колорит переданы на португальский язык в полной мере, однако значение выражения вряд ли понятно носителю португальского языка, который не знаком с русской культурой и фольклором.

В ходе анализа переводов фразеологических выражений были также выявлены случаи, когда авторы обоих переводов игнорируют национально-культурную окраску фразеологических выражений, не давая читателю необходимой фоновой информации (см. Таблица 49).

А.С. Пушкин	Дарио Алвес	Нина и Филиппе Герра
«Мой дядя самых честных правил, Когда не в шутку занемог»	“ <i>Meu tio, honesto e mui honrado,</i> Já quando a sério adoeceu ”	“ <i>Meu tio, homem honrado e direito,</i> quando caiu seriamente enfermo”

Таблица 49 – Описательный перевод фразеологических выражений

Фраза *мой дядя самых честных правил* является аллюзией на басню И. А. Крылова «Осел и мужик», которая изначально звучала, как «осел был самых честных правил» [Лотман 2021: 79]. На португальский язык в обоих переводах фраза передана буквально: “*Meu tio, honesto e mui honrado*” / “*Meu tio, homem honrado e direito*” – «мой дядя был честным и порядочным». Значение выражения и его употребления для описания дяди как изворотливого и хитрого человека понимаются из контекста без особых усилий. Однако отсутствие комментариев не позволяет в полной мере передать иронию автора, которая заключается в метафорическом сравнении дяди с ослом из известной басни И. А. Крылова.

Таким образом, при переводе фразеологических выражений важной задачей переводчиков является верное описание фоновой информации, поскольку культурная специфика таких выражений заключается преимущественно в намеке на общеизвестные факты, исторические события и литературные произведения. Описательный перевод, а также калькирование выражений в сопровождении с необходимыми поясняющими комментариями дают возможность передать значения фразеологизмов и их национально культурную окраску. Однако важно учитывать, что описательный перевод выражений без объяснения их связи с определенным культурным контекстом не позволяет ретранслировать национально-культурный колорит ФЕ, что может стать причиной неверной интерпретации произведения португалоязычным читателем.

2.4. Оценка адекватности передачи реалий в русско-португальском художественном переводе с использованием количественных методов

После проведения сопоставительного анализа передачи реалий на португальский язык было необходимо определить, какие способы и стратегии перевода этнокультурной лексики являются доминирующими в текстах разных авторов, и какие из них проявляют себя как наиболее адекватные. В соответствии с этими задачами был выполнен анализ частотности применения различных стратегий и способов передачи реалий в текстах двух португальских переводов. Анализ проводился по группам реалий, объединенным на основании общего семантического признака и характерных особенностей перевода.

В настоящей работе способы передачи реалий рассматриваются как средства реализации стратегий лингвокультурной адаптации текста. На основании результатов сопоставительного анализа русских реалий и их переводческих соответствий мы относим такие способы сохранения колорита реалий, как корреляция, калькирование и перифрастический перевод к стратегии

форенизации, а лексико-семантические модификации, контекстуальный перевод и уподобление, направленные на приближение текста оригинала к нормам культуры ПЯ, к стратегии доместикации. Кроме того, опущение реалий в тексте перевода соотносится со стратегией доместикации реалий, поскольку оно также является одним из способов адаптации ИТ, которое полностью нейтрализует культурную специфику единиц оригинала в переводе.

Важно отметить, что способы перевода реалий-фразеологизмов значительно отличаются от передачи реалий-слов, но также являются методами реализации определенных стратегий лингвокультурной адаптации. По результатам анализа перевод при помощи фразеологического эквивалента и калькирования был отнесен к стратегии форенизации, которая направлена на максимальное сохранение культуры оригинала в переводе. Напротив, перевод с помощью фразеологических аналогов, лексических соответствий и описания в первую очередь служит для адаптации ФЕ оригинала к нормам реципиента и реализует стратегию доместикации.

При составлении статистики и определении оптимальности выбора способа и стратегий перевода мы опираемся на критерии адекватности перевода реалий. К адекватным относятся только те стратегии и средства перевода, которые соответствуют всем трем критериям адекватности реалий (п. 2.2.). При описании результатов анализа адекватность указывается в процентах и вычисляется по формуле: $(A/S)*100$, где A – количество адекватных способов (стратегий) перевода реалий, а S – общее количество их использования в тексте перевода.

2.4.1. Данные количественной оценки перевода бытовых реалий

Частотный анализ позволил выявить доминирующие способы передачи бытовых реалий в двух португальских переводах романа «Евгений Онегин» (см. График 1).

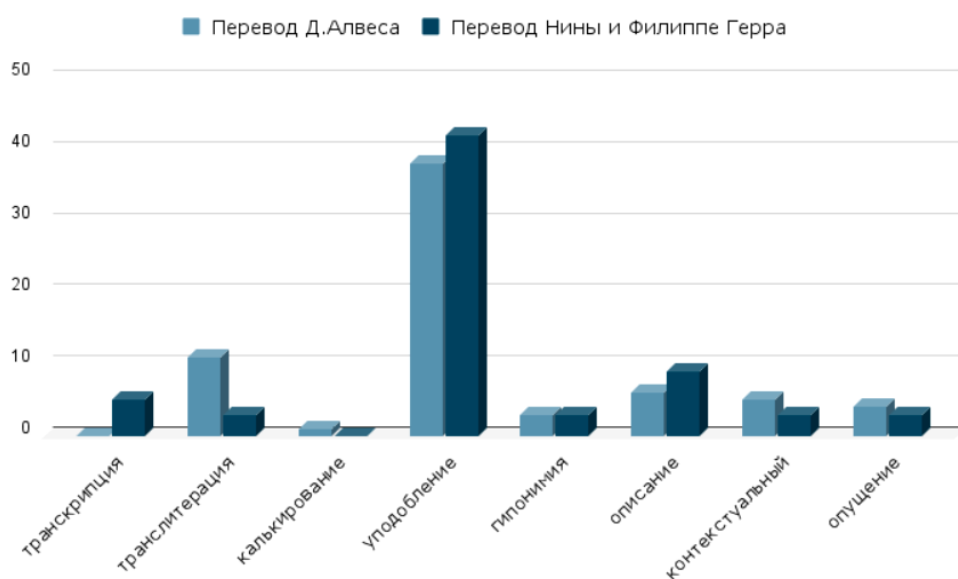

График 1 – Частотность способов перевода бытовых реалий

Как видно из графика, авторы обоих переводов чаще всего обращались к уподоблению, то есть ретранслировали русские реалии при помощи аналогов португальского языка. Наименее частотными способами передачи реалий являются калькирование, гипонимия, контекстуальный перевод и опущение. Примечательно, что при корреляции реалий (транскрипции и транслитерации), Дарио Алвес всегда воспроизводит буквенный состав слов, в то время как Нина и Филиппе Герра преимущественно повторяют звучание лексем.

Рассматривая способы перевода как непосредственные средства реализации переводческих целей и установок, мы также можем выявить доминирующие стратегии передачи реалий, которым следовали авторы переводов (см. График 2).

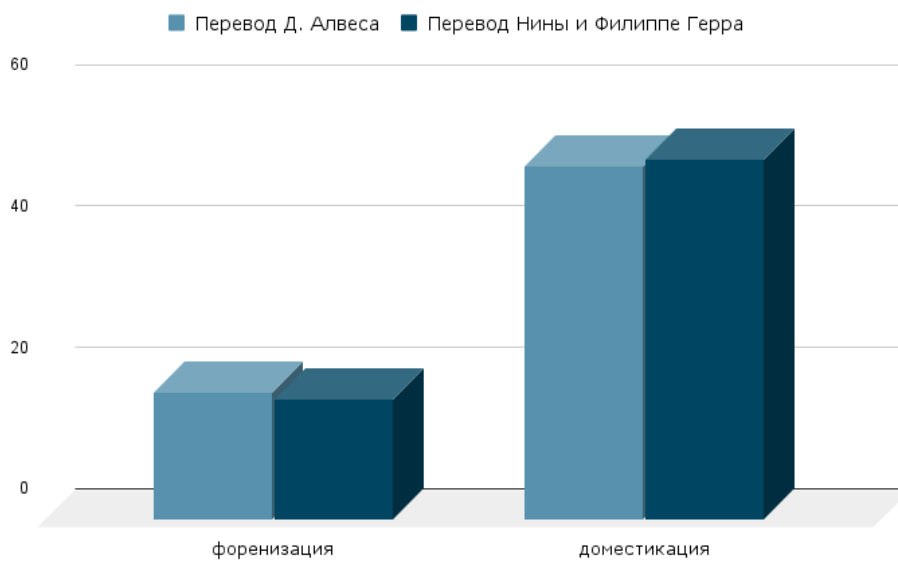

График 2 – Частотность стратегий перевода бытовых реалий

Доместикация является доминирующей стратегией передачи бытовых реалий у обоих переводчиков. Это означает, что в большинстве случаев авторы ретранслировали этнокультурную лексику при помощи трансформаций, нацеленных на приближение культуры оригинала к культуре реципиента. Стратегия доместикация позволяет сделать текст перевода более понятным и близким читателю-носителю португальского языка.

Далее после выявления частотности способов и стратегий перевода реалий была определена оптимальность их выбора в каждой конкретной переводческой ситуации. Для этого мы вычислили, сколько случаев от общего количества употребления того или иного способа перевода удовлетворяют всем трем критериям адекватности (см. График 3, 4).

Перевод Д. Алвеса

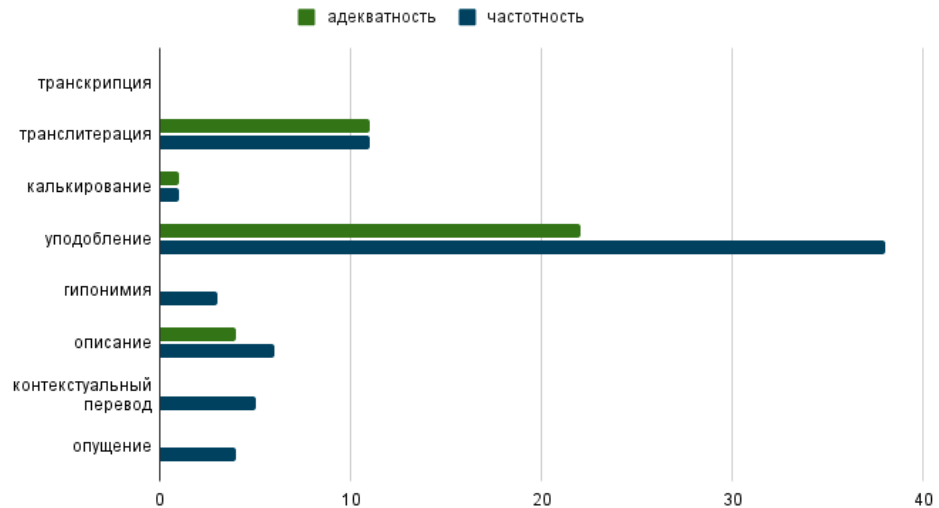

График 3 – Адекватность способов передачи бытовых реалий в переводе Дарио Алвеса

Перевод Нины и Филипе Герра

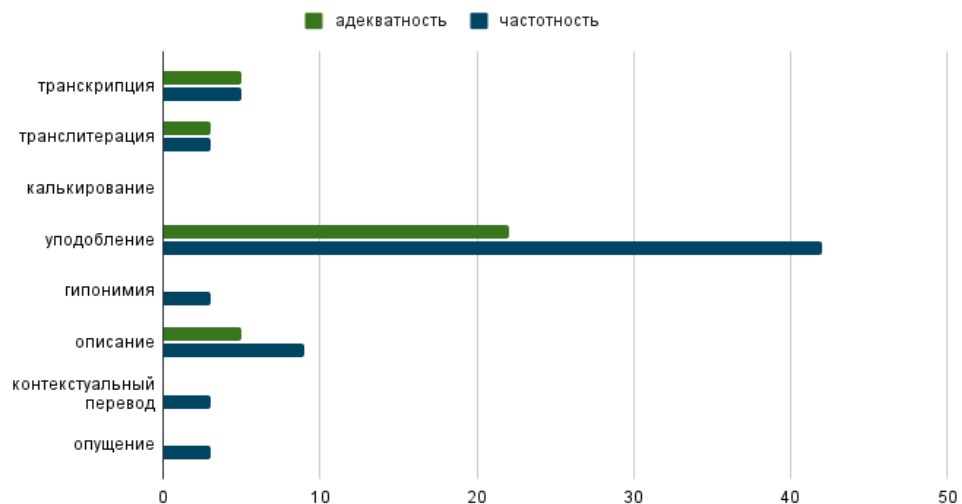

График 4 – Адекватность способов передачи бытовых реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Результаты анализа показывают, что адекватными в отношении перевода бытовых реалий на португальский язык являются такие способы, как транскрипция, транслитерация, калькирование, уподобление и описание. При этом несмотря на то, что в обоих переводах авторы чаще всего используют уподобление, оно соответствует критериям адекватности только в половине случаев (57,9% в переводе Дарио Алвеса и 52,4% в переводе Нины и Филиппе Герра). Напротив, транскрипция и транслитерация являются значительно менее частотными, но демонстрируют самый высокий показатель адекватности (100%), так как во всех примерах перевода позволяют передать национально-культурную окраску русских реалий.

Выявив адекватность способов перевода бытовых реалий, мы также определили оптимальность выбора стратегий лингвокультурной адаптации (см. График 5, 6).

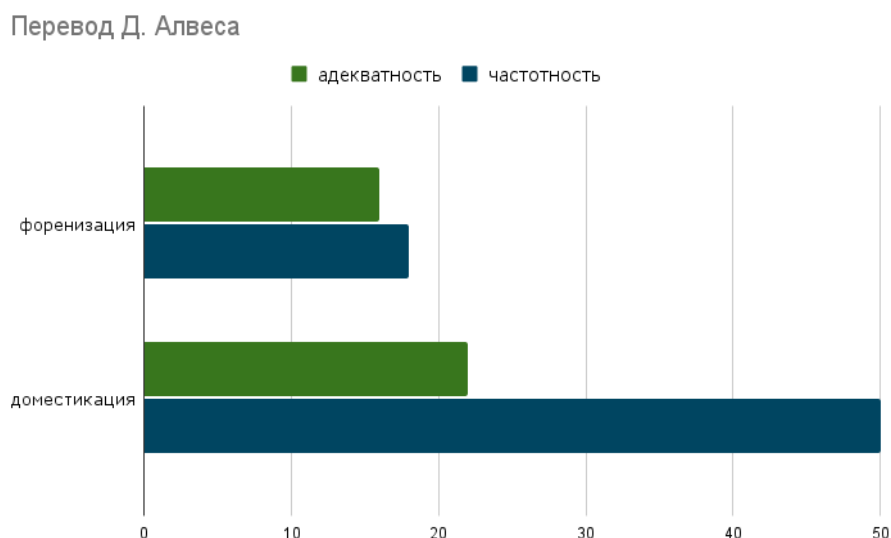

График 5 – Адекватность стратегий передачи бытовых реалий в переводе Дарио Алвеса

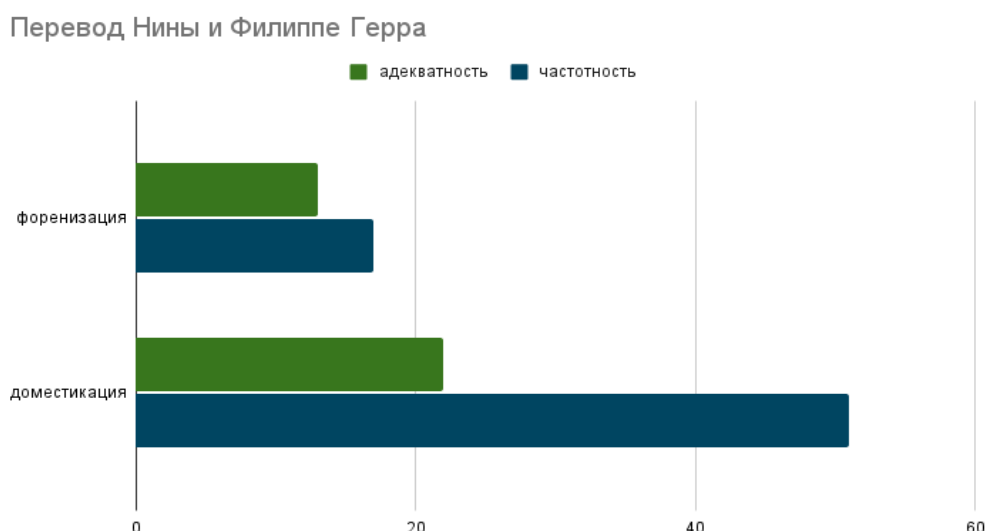

График 6 – Адекватность стратегий передачи бытовых реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

В обоих переводах доместикация является доминирующей стратегией перевода бытовых реалий, однако может считаться адекватной приблизительно в половине случаев (44% в переводе Дарио Алвеса и 43,1% в переводе Нины и Филиппе Герра). К форенизации реалий переводчики обращаются значительно реже, но при этом она проявляет себя как наиболее оптимальная стратегия, поскольку имеет высокий процент адекватности (88,9% и 76,5% соответственно).

Таким образом, при передаче бытовых реалий на португальский язык авторы обоих переводов преимущественно используют уподобление, реализуя стратегию доместикации. Однако наиболее оптимальными способами перевода реалий этой группы являются

транскрипция и транслитерация, которые относятся к стратегии форенизации и во всех случаях использования позволяют сохранить в переводе русский национально-культурный колорит.

2.4.2. Данные количественной оценки перевода этнографических и природных реалий

Частотный анализ позволил выявить доминирующие способы передачи этнографических и природных реалий в каждом из переводов (см. График 7).

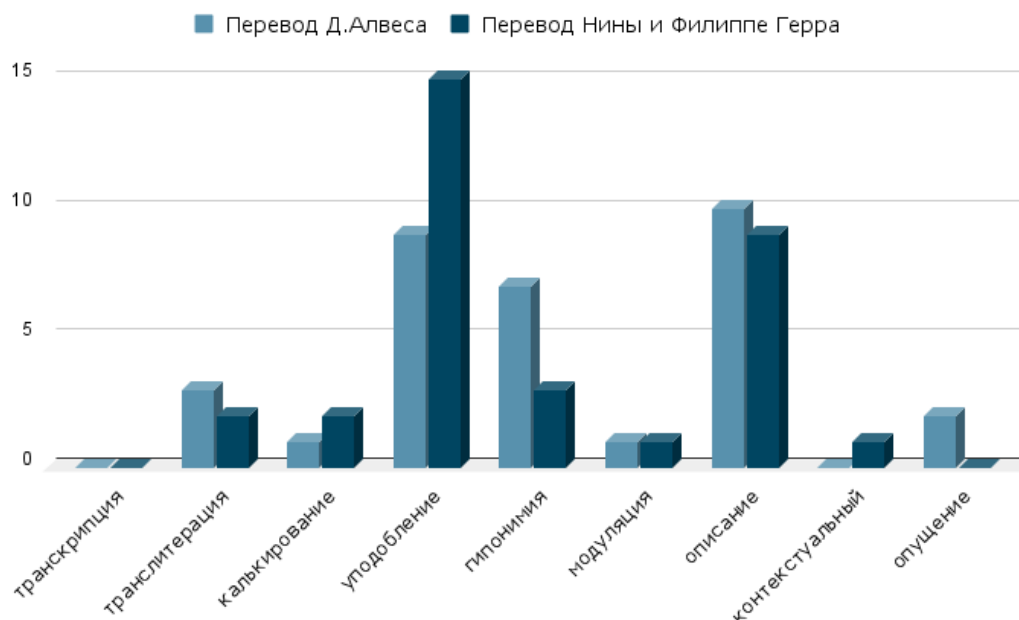

График 7 – Частотность способов перевода этнографических и природных реалий

Доминирующими способами передачи реалий в переводе Дарио Алвеса являются описание, уподобление и гипонимия, показатели которых имеют несущественные различия. Авторы второго перевода, Нина и Филиппе Герра, чаще всего обращаются к уподоблению и описанию лексем. При этом уподобляющий перевод реалий доминирует над всеми остальными способами передачи этнокультурно-маркированной лексики.

Наименее частотными способами передачи реалий у Дарио Алвеса являются транслитерация, калькирование, модуляция и опущение. Примечательно, что для передачи этой группы реалий, автор вовсе не прибегает к таким способам ретрансляции, как транскрипция и контекстуальный перевод. Что касается второго перевода, Нина и Филиппе Герра реже всего используют транслитерацию, калькирование, модуляцию и опущение лексем. Авторы также избегают транскрипции реалий и их опущения в тексте перевода.

После выявления наиболее частотных способов перевода реалий были определены доминирующие стратегии лингвокультурной адаптации, которым следовали переводчики (см. График 8).

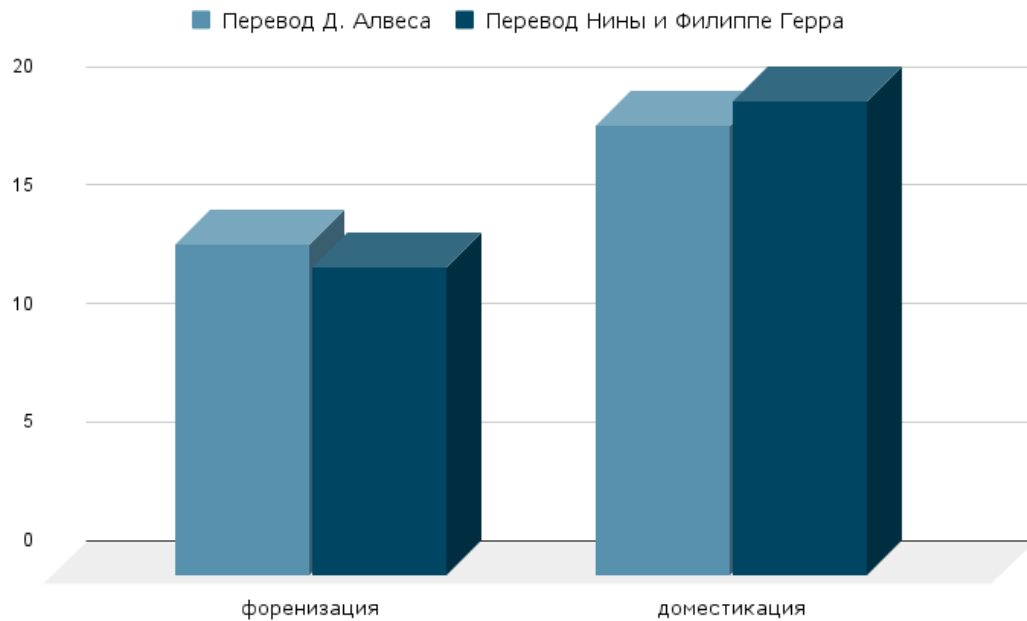

График 8 – Частотность стратегий перевода этнографических и природных реалий

Доминирующей стратегией передачи реалий на португальский язык в обоих переводах является доместикация. Это обусловлено тем, что при переводе этнокультурной лексики переводчики преимущественно стремятся сделать текст более понятным и близким для его реципиента, носителя португальского языка.

Далее была определена степень адекватности способов передачи реалий по отношению к частотности их использования в каждом из переводом (см. График 9,10)

Перевод Д. Алвеса

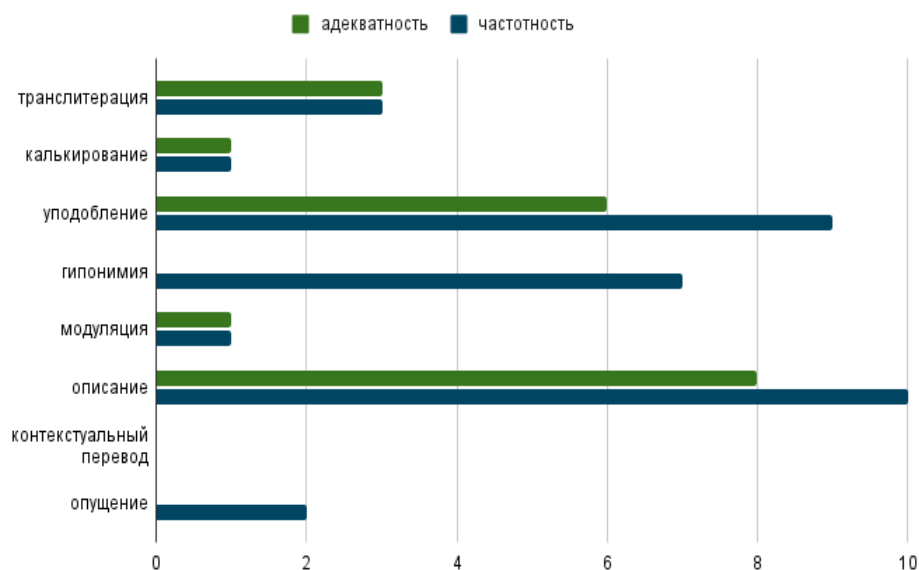

График 9 – Адекватность способов передачи этнографических и природных реалий в переводе Д. Алвеса

Перевод Нины и Филипе Герра

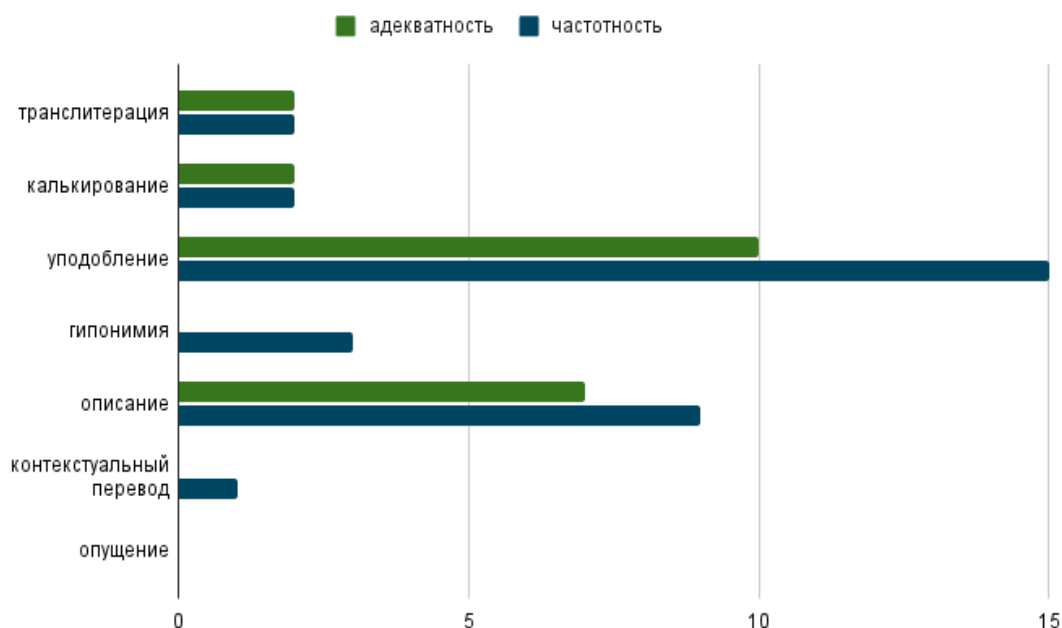

График 10 – Адекватность способов передачи этнографических и природных реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Как видно из графика, адекватными способами передачи этнографических и природных реалий в переводе Дарио Алвеса выступают транслитерация, калькирование, уподобление, модуляция и описание. Наиболее оптимальными являются не самые частотные способы перевода: транслитерация, калькирование и модуляция, адекватность которых достигает 100%. В то же время наиболее частотные способы передачи реалий имеют меньшую, но также высокую степень адекватности (уподобление – 66,7% и описание – 80%).

В переводе Нины и Филипе Герра адекватными способами передачи реалий являются транслитерация, калькирование, уподобление и описание. Среди них самые высокие показатели адекватности наблюдаются у транслитерации и калькирования – 100%. Наиболее частотные способы перевода адекватны в меньшем количестве случаев, но также имеют высокие показатели (уподобление – 66,7%, а описание – 77,8%).

Выявив наиболее адекватные способы передачи реалий, мы также определили адекватность стратегий лингвокультурной адаптации (см. График 11,12).

Перевод Д. Алвеса

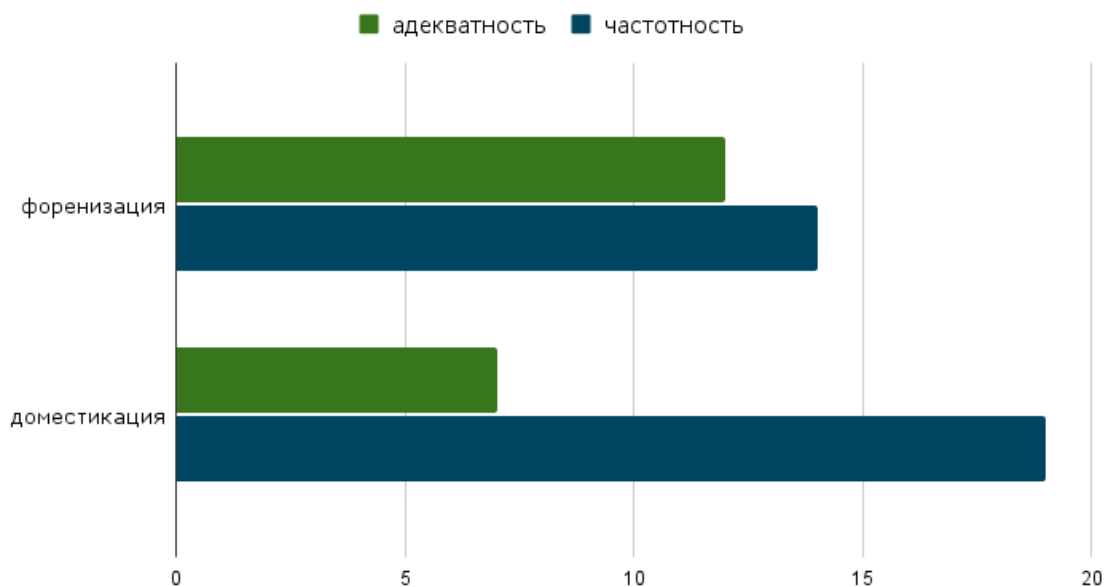

График 11 – Адекватность стратегий передачи этнографических и природных реалий в переводе Д. Алвеса

Перевод Нины и Филиппе Герра

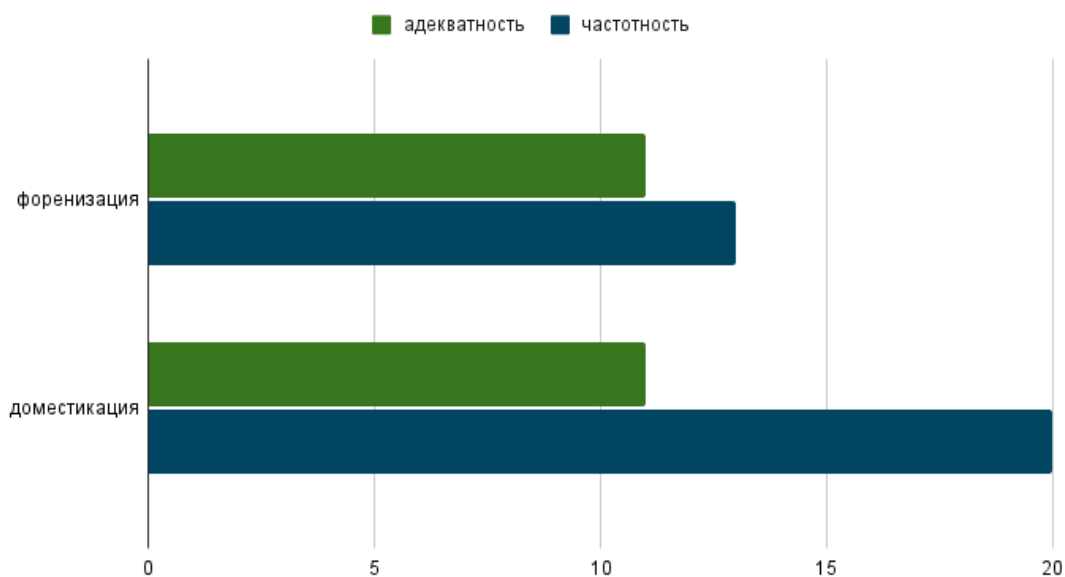

График 12 – Адекватность стратегий передачи этнографических и природных реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Доминирующей стратегией передачи реалий в обоих переводах является доместикация, в то время как наибольший показатель адекватности отмечается у стратегии форенизации. В

переводе Дарио Алвеса адекватность форенизации составляет 85,7%, а доместикации – 36,8%. Во втором переводе за авторством Нины и Филиппе Гера различие в степени адекватности стратегий перевода реалий выражена менее существенно (форенизация – 84,6% и доместикация – 55%).

Таким образом, при передаче этнографических и природных реалий Дарио Алвес чаще всего использует описание, уподобление и гипонимию, а Нина и Филиппе Гера – описание и уподобление. Несмотря на то, что эти способы перевода являются доминирующими, наиболее высокая степень адекватности отмечается у менее частотных способов: транслитерации, калькирования. Кроме того, в результате анализа стратегий лингвокультурной адаптации было выявлено, что в обоих переводах доминирующей стратегией является доместикация, однако форенизация имеет более высокий показатель адекватности.

2.4.3. Данные количественной оценки перевода ономастических реалий

В результате частотного анализа были выявлены доминирующие способы передачи онимов в каждом из переводов (см. График 13).

График 13 – Частотность способов перевода ономастических реалий

При передаче онимов на португальский язык Дарио Алвес чаще всего транслитерирует реалии, а Нина и Филиппе Гера воспроизводят звучание лексем при помощи транскрибирования. Такие способы перевода, как калькирование, уподобление, гипонимия и описание, авторы обоих текстов используют значительно реже.

Далее мы определили стратегии лингвокультурной адаптации, которой придерживались переводчики при передаче ономастических реалий (см. График 14).

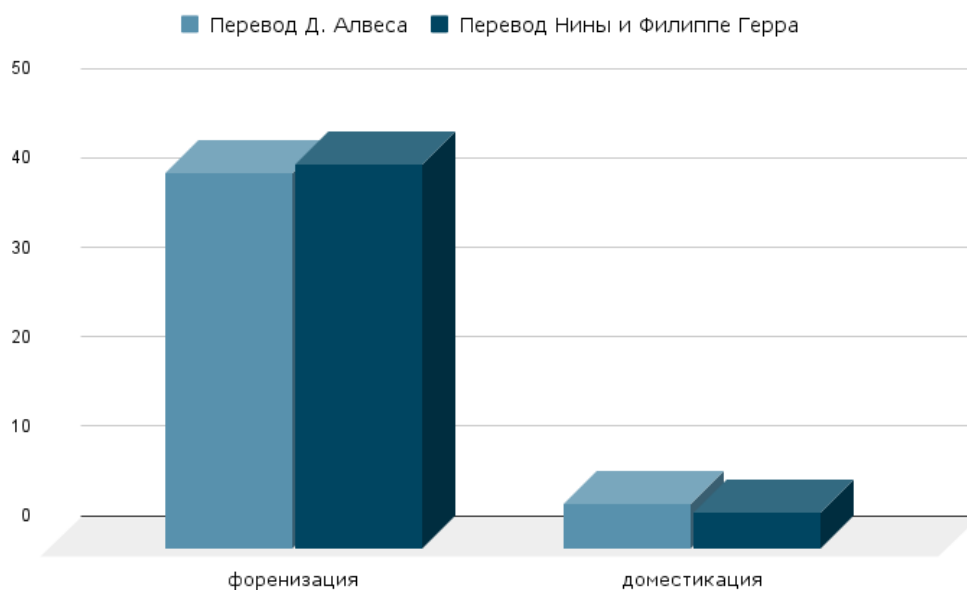

График 14 – Частотность стратегий перевода ономастических реалий

В обоих переводах форенизация является доминирующей стратегией передачи реалий, что объясняется спецификой перевода онимов на иностранный язык, а именно тенденцией к сохранению оригинальных имен без изменений. К доместикации лексем переводчики обращались значительно реже.

Проанализировав частотность способов и стратегий передачи ономастических реалий на португальский язык, мы определили оптимальность их выбора в соответствии с критериями адекватности перевода реалий (см. График 15, 16).

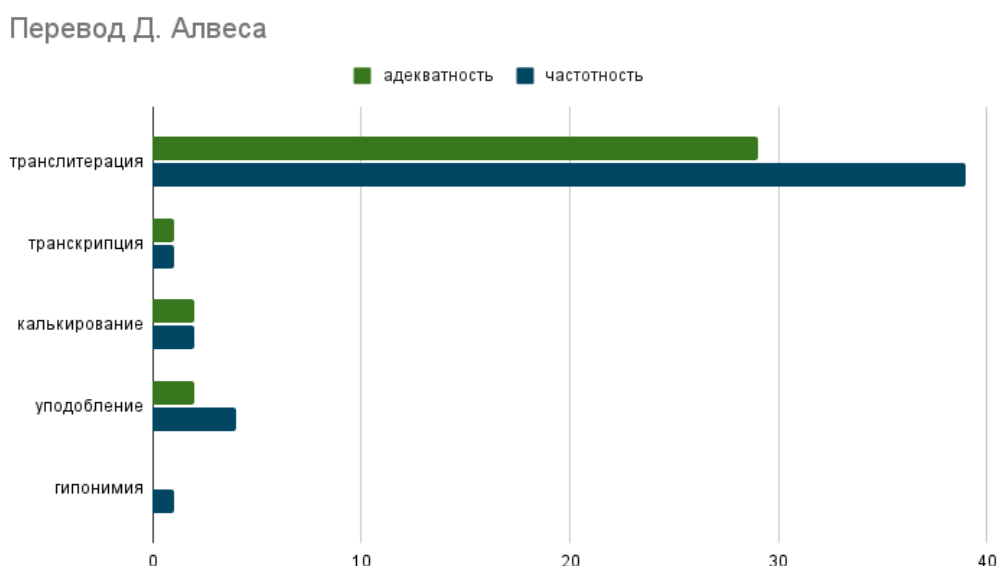

График 15 – Адекватность способов передачи ономастических реалий в переводе Д. Алвеса

Перевод Нины и Филипе Герра

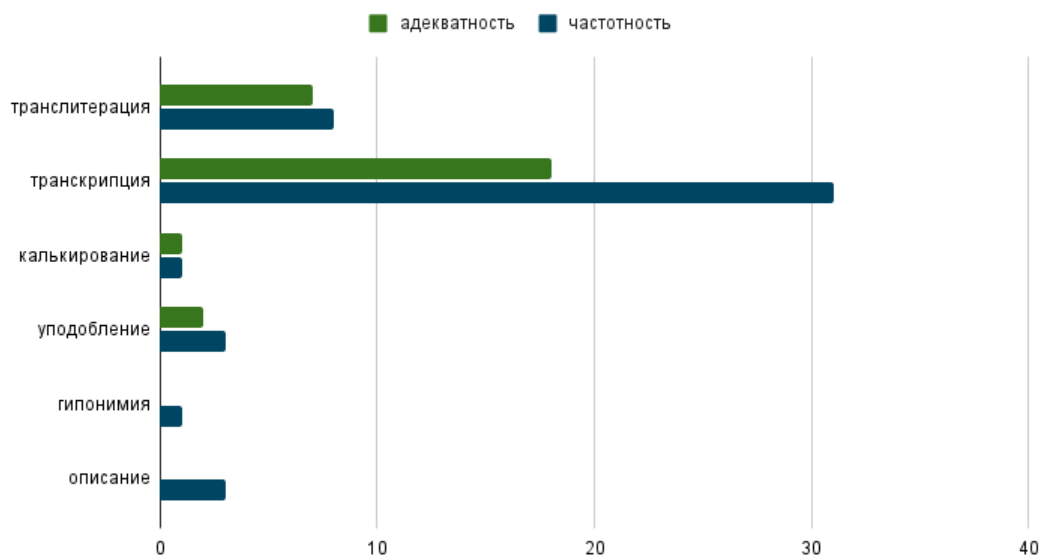

График 16 – Адекватность способов передачи ономастических реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

В обоих исследуемых переводах адекватными способами передачи ономастических реалий являются транслитерация, транскрипция, калькирование и уподобление. В переводе Дарио Алвеса наибольшие показатели адекватности отмечаются у транскрипции и калькирования (100%), однако эти способы перевода используются автором реже остальных. При этом доминирующий способ передачи онимов, транслитерация, также имеет высокий показатель адекватности – 74,4%.

В переводе Нины и Филиппе Герра самыми адекватными способами передачи реалий являются транслитерация – 87,5% и калькирование – 100%. Наиболее частотный способ перевода онимов, транскрибирование, имеет более низкий показатель адекватности – 58,1%.

Далее была определена адекватность стратегий лингвокультурной адаптации, которым следовали переводчики при передаче ономастических реалий на португальский язык (см. График 17, 18).

Перевод Д. Алвеса

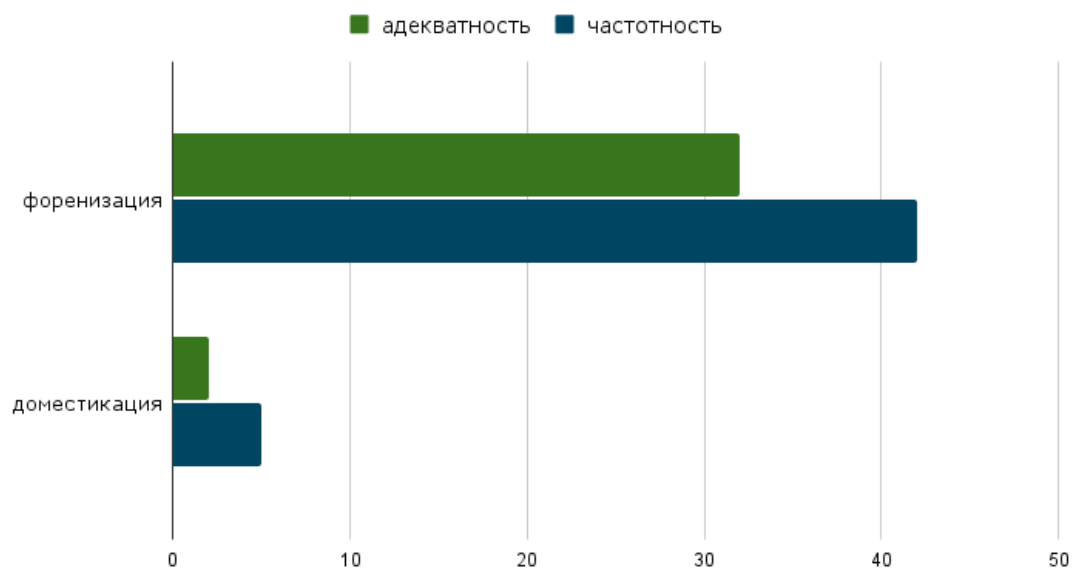

График 17 – Адекватность стратегий передачи ономастических реалий в переводе Д. Алвеса

Перевод Нины и Филиппе Герра

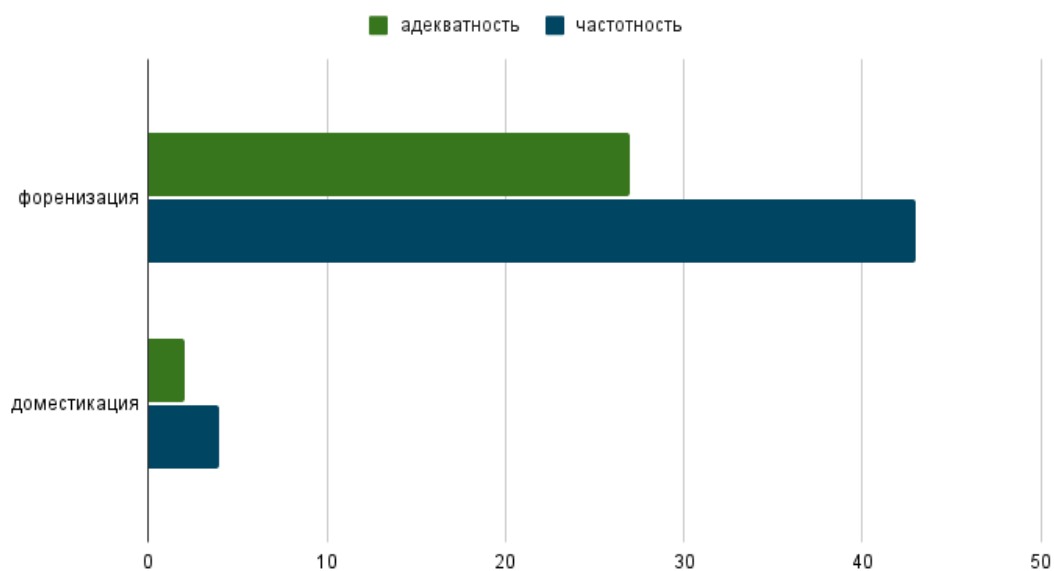

График 18 – Адекватность стратегий передачи ономастических реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Стратегия фореизации является наиболее частотной и имеет самый высокий показатель адекватности в обоих португальских переводах. В переводе Дарио Алвеса ее адекватность составляет 76,2%, а в тексте Нины и Филиппе Герра – 62,8%. Доместикация реалий при переводе онимов может считаться адекватной только в половине случаев использования (40% у Дарио Алвеса и 50% у Нины и Филиппе Герра).

Таким образом, доминирующим способом передачи ономастических реалий на португальский язык в обоих переводах является корреляция. При этом Дарио Алвес чаще всего воспроизводит буквенную форму лексем, а Нина и Филиппе Герра – их звучание. Поскольку корреляция – это один из способов сохранения национально-культурного колорита реалий, фореизация является доминирующей стратегией лингвокультурной адаптации при переводе онимов. Результаты анализа адекватности способов и стратегий передачи ономастических реалий показывают, что в переводе Дарио Алвеса наиболее оптимален выбор транслитерации и калькирования, а в тексте Нины и Филиппе Герра – калькирования и транскрипции. Так как все эти способы служат для сохранения национально-культурного колорита реалий, наиболее адекватной стратегией перевода онимов является фореизация.

2.4.4. Данные количественной оценки перевода фразеологических единиц

В результате частотного анализа были выявлены доминирующие способы передачи фразеологических единиц в каждом из португальских переводов (см. График 19).

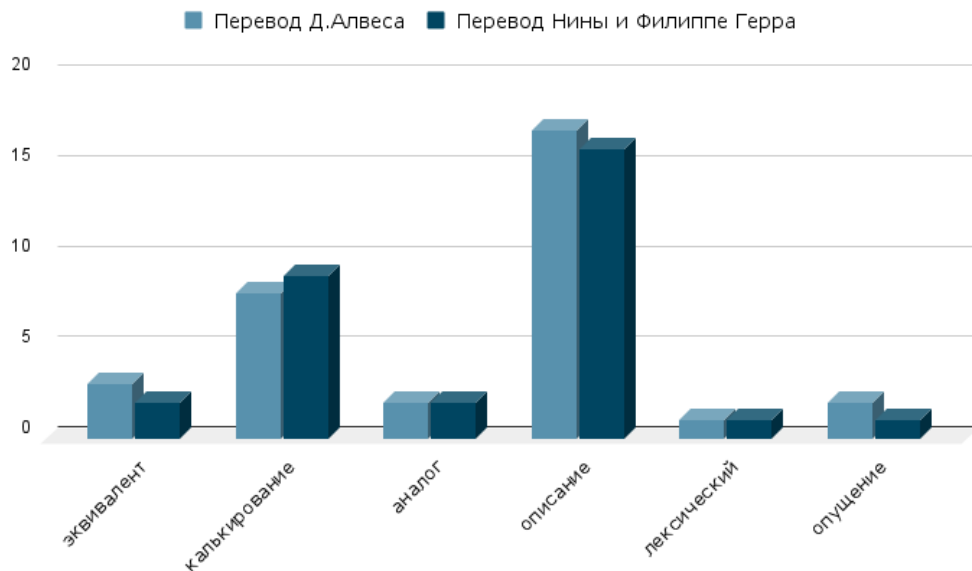

График 19 – Частотность способов перевода фразеологизмов

В обоих португальских переводах наиболее частотным способом передачи фразеологических единиц является описание, которое позволяет ретранслировать значение фразеологизмов, но преимущественно нейтрализует их образность и национально-культурный

колорит. Реже всего авторы переводов обращаются к таким способам передачи реалий, как фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, лексический перевод и опущение.

Далее были определены доминирующие стратегии передачи фразеологизмов, которым придерживались португальские переводчики пушкинского романа (см. График 20).

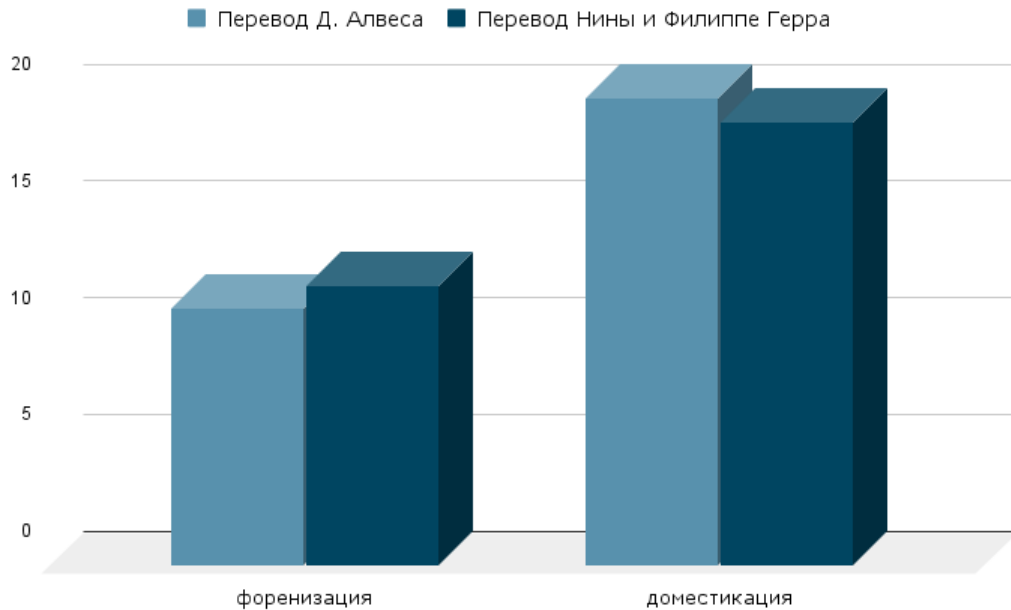

График 20 – Частотность стратегий перевода фразеологизмов

Результаты частотного анализа показывают, что при передаче фразеологических единиц на португальский язык авторы обоих переводов преимущественно следуют стратегии доместикации реалий, то есть адаптируют текст перевода, приближая его к нормам принимающей культуры.

После выявления доминирующих способов и стратегий передачи фразеологических единиц на португальский язык была определена оптимальность их выбора в соответствии с критериями адекватности перевода реалий (см. График 21, 22).

Перевод Д. Алвеса

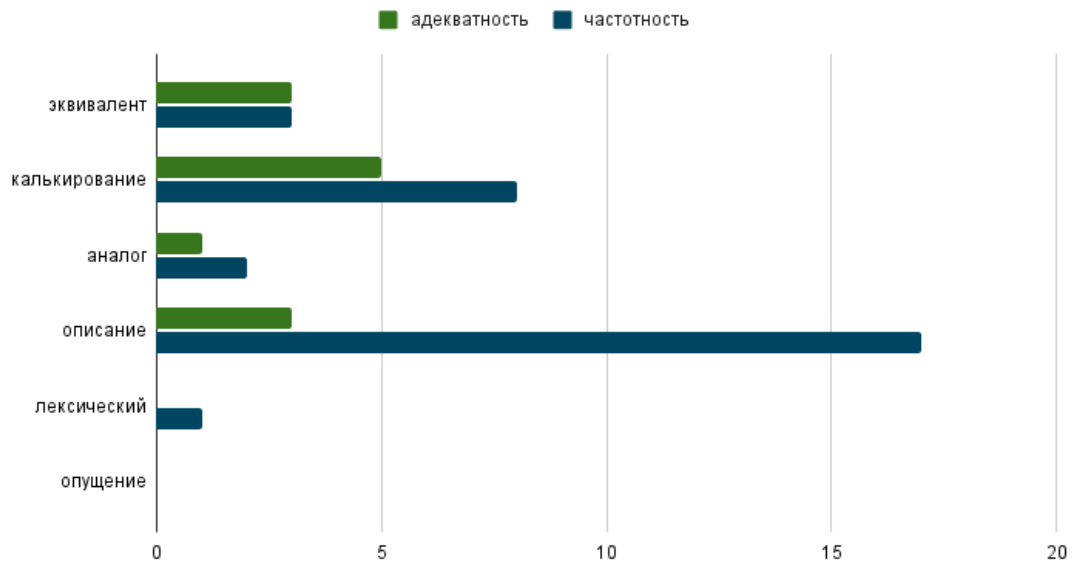

График 21 – Адекватность способов передачи фразеологизмов в переводе Д. Алвеса

Перевод Нины и Филиппе Герра

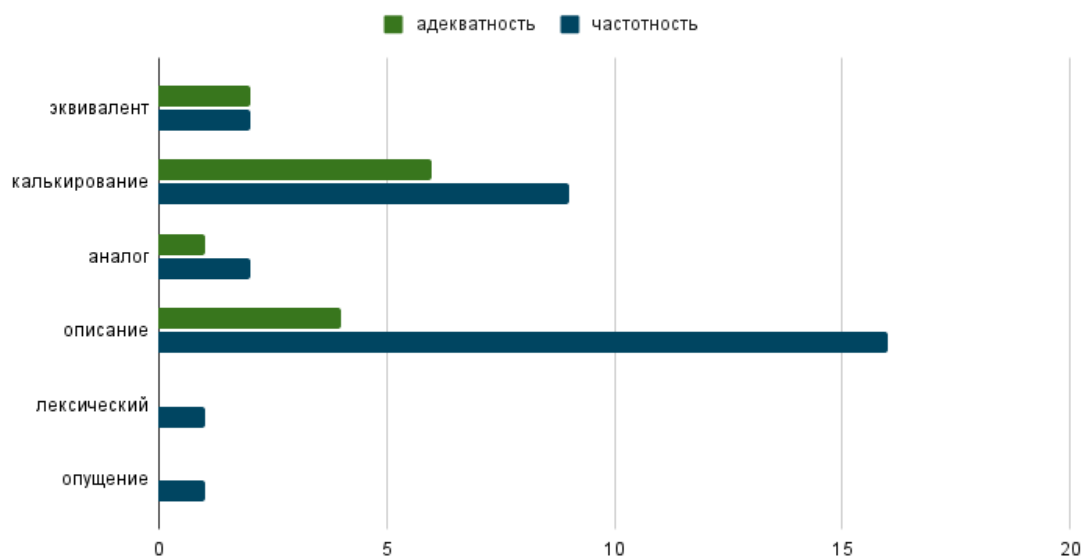

График 22 – Адекватность способов передачи фразеологизмов в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Соответствие критериям адекватности перевода реалий отмечается у таких способов, как фразеологический эквивалент, калькирование, фразеологический аналог и описание. Наибольший показатель адекватности был выявлен у фразеологических эквивалентов, поскольку данный способ перевода позволяет сохранить национально-культурный колорит оригинала и воссоздать его в тексте перевода. В обоих переводах фразеологические эквиваленты соответствуют критериям адекватности в 100% случаев, а адекватность калькирования составляет 62,5% в переводе Дарио Алвеса и 66,7% в тексте Нины и Филиппе Герра. Несмотря

на то, что самым частотным способом ретрансляции фразеологизмов у обоих авторов является описание, оно соответствует критериям адекватности только в 17–25% случаев.

Следующим шагом было определение адекватности стратегий передачи фразеологизмов, которым придерживались авторы переводов (см. График 23, 24).

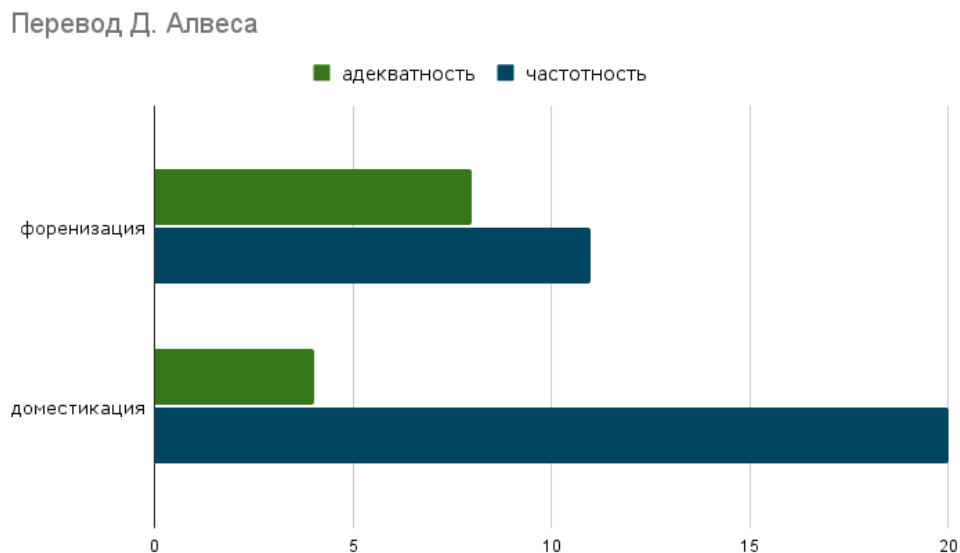

График 23 – Адекватность стратегий передачи фразеологизмов в переводе Д. Алвеса

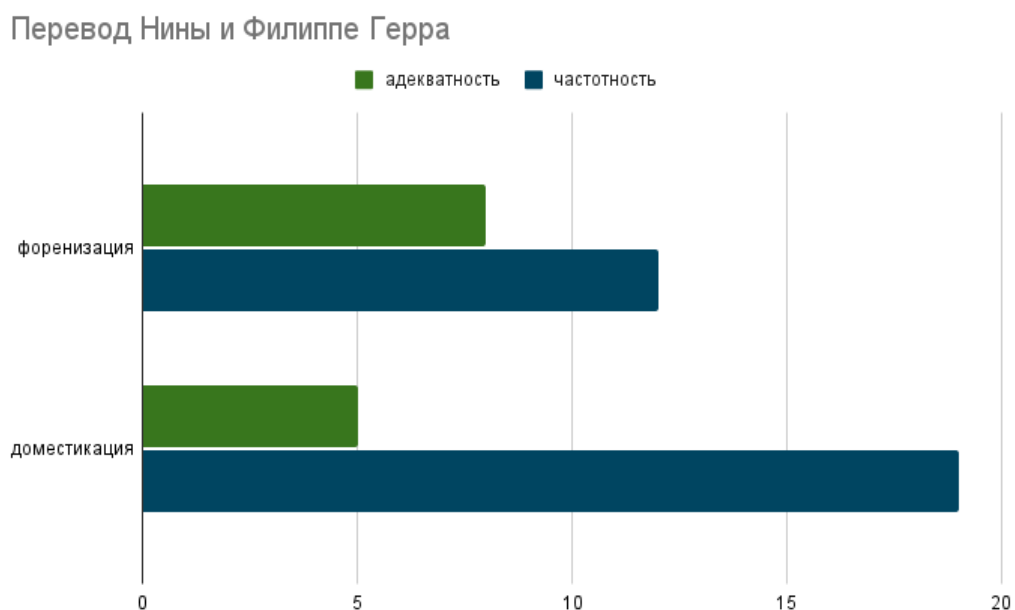

График 24 – Адекватность стратегий передачи фразеологизмов в переводе Н. Герра и Ф. Герра

В обоих переводах наибольший показатель адекватности был выявлен у стратегии форенизации реалий. Он составляет 72,7% в переводе Дарио Алвеса и 66,7% в тексте Нины и Филиппе Герра. Адекватность наиболее частотной стратегии доместикации значительно ниже. В

переводе Дарио Алвеса она соответствует критериям адекватности в 20% случаев, а в переводе Нины и Филиппе Герра показатель ее адекватности равен 26,3%.

Таким образом, наиболее частотным способом передачи фразеологических единиц на португальский язык в обоих переводах является описание. Поскольку описание используется авторами переводов для адаптации текста и его приближения к нормам принимающей культуры, доминирующей стратегией в обоих переводах является доместикация. Однако в результате анализа адекватности способов и стратегий передачи реалий было выявлено, что, несмотря на частотность описательного перевода, наиболее адекватным способом передачи фразеологизмов являются фразеологический эквивалент, который реализует стратегию форенизации реалий.

2.5. Экспериментальная верификация модели перевода реалий в русско-португальском художественном переводе

2.5.1. Описание эксперимента

1) Верифицируемая гипотеза

Для определения адекватности стратегий и средств передачи культурно значимой информации в португальских переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» была разработана модель оценки перевода реалий, которая включает следующие критерии:

- *сохранение колорита исходной реалии,*
- *сохранение (прямого и/или коннотативного) значения исходной реалии,*
- *сохранение коммуникативного эффекта оригинала.*

Модель, отражающая процедуру оценки перевода реалий, представлена на рисунке (см. Рисунок 3).

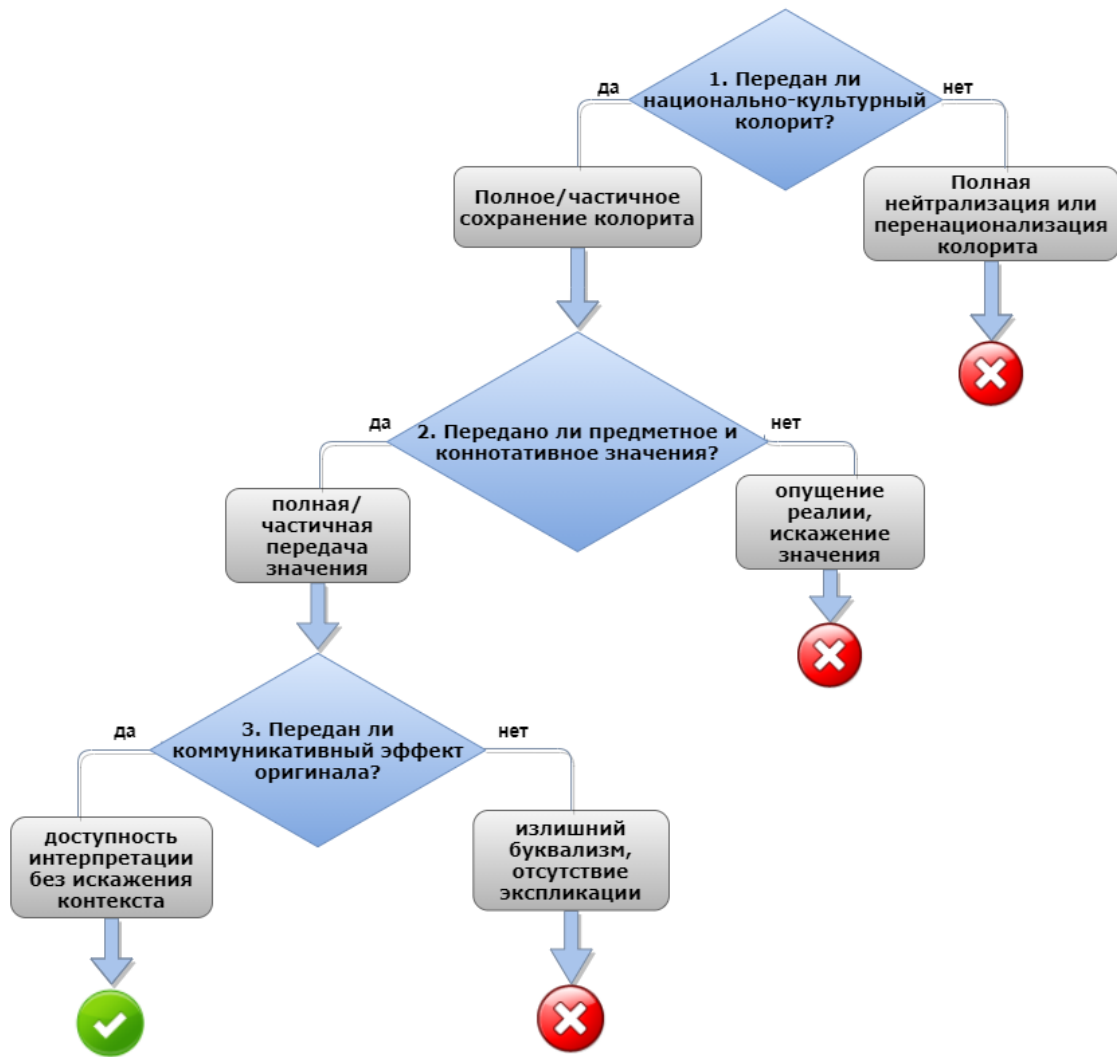

Рисунок 3 – Модель перевода реалий

В соответствии с критериями настоящей модели была произведена оценка механизмов ретрансляции реалий в двух португальских переводах пушкинского романа, позволившая выявить методологически адекватные стратегии и способы передачи реалий в русско-португальском художественном переводе.

Как представляется, разработанная модель перевода реалий нуждается в дополнительной эмпирической проверке, которая была проведена посредством переводческого эксперимента. Целью эксперимента являлась верификация положений модели оценки перевода путем выявления адекватных стратегий и средств передачи реалий на основании данных, полученных от носителей португальского языка.

В ходе проектирования эксперимента положения модели оценки перевода были сформулированы в виде экспериментальной гипотезы, согласно которой *адекватными механизмами передачи реалий являются стратегии и средства перевода, позволяющие*

сохранить национально-культурный / исторический колорит исходных единиц, передать их значения и воссоздать коммуникативный эффект оригинала в тексте перевода.

Для проверки поставленной гипотезы информантам-носителям португальского языка было предложено экспериментальное задание, в котором требовалось прочесть фрагменты португальского перевода романа «Евгений Онегин», содержащие культурно значимую информацию, и определить значения русских реалий. В соответствии с концепцией Е. А. Огневой, согласно которой адекватный способ перевода должен обеспечивать симметрию плана содержания единиц ИЯ и ПЯ [Огнева 2012: 43], предполагалось, что при адекватном переводе носители португальского языка способны верно идентифицировать семантические компоненты значений русских реалий. Следовательно, наиболее адекватными механизмами передачи культурно значимой информации считались стратегии и средства перевода, позволяющие передать все семантические компоненты значений русских реалий в тексте перевода.

Далее выводы об адекватности стратегий и средств перевода реалий, сделанные на основе данных, которые были получены от информантов, сопоставлялись с оценкой адекватности реалий, выполненной в соответствии с критериями модели перевода, что позволило верифицировать экспериментальную гипотезу.

2) Экспериментальная выборка

В переводческом эксперименте приняли участие 106 информантов, являющихся носителями португальского языка, в возрасте от 18 до 50 лет, среди которых 60 женщин и 46 мужчин. Испытуемые имели высшее образование либо находились в процессе его получения, будучи студентами высших учебных заведений. Все информанты, участвовавшие в эксперименте, не владеют русским языком и поверхностно знакомы с русской культурой (никогда не были в России и не изучали русскую культуру).

Отметим, что эксперимент с участием информантов предполагает определенные «погрешности измерения», так как в силу различных факторов результаты опроса могут существенно варьироваться. К таким факторам могут относиться уровень образования, сфера деятельности, индивидуальные особенности понимания значения языковых единиц и др.

Поскольку в ходе эксперимента были задействованы переводы носителей двух вариантов португальского языка, ключевым фактором при отборе информантов была их культурная принадлежность. В связи с этим опрос информантов производился в рамках двух экспериментальных групп. В первую группу вошли носители бразильского варианта португальского языка, среди которых 32 женщины и 24 мужчины. Ко второй группе были отнесены носители европейского варианта португальского языка, в числе которых 28 женщин и 22 мужчины. Ответы респондентов, принадлежащих к иной культурной среде, были исключены

и не учитывались при анализе полученных данных. Количество испытуемых, принявших участие в эксперименте, отражено в таблице (Таблица 50).

	Группа 1	Группа 2	Общее количество
Число информантов	56	50	106
Образование	высшее, неоконченное высшее	высшее, неоконченное высшее	высшее, неоконченное высшее
Родной язык	бразильский вариант португальского языка	европейский вариант португальского языка	бразильский, европейский варианты португальского языка
Возраст	18-50	18-50	18-50
Пол	32 женщины 24 мужчины	28 женщины 22 мужчины	60 женщин 46 мужчин

Таблица 50 – Социо-когнитивные характеристики участников эксперимента

3) Экспериментальный материал

Экспериментальным материалом послужили две анкеты для носителей бразильского и европейского вариантов языка, содержащие фрагменты переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Поскольку культуры Португалии и Бразилии имеют значительные отличия, которые находят отражение в языке, каждой экспериментальной группе предлагалась анкета, в которую входили фрагменты перевода, выполненного на родном для них варианте португальского языка.

Экспериментальный материал предоставлялся информантам в электронном виде через платформу для проведения онлайн-опросов *Google Forms* [Google Forms URL: <https://docs.google.com/forms>], позволяющую оптимизировать процесс сбора анкет и упростить последующую обработку полученных данных.

Анкеты состояли из двух блоков. Вопросы первого блока были ориентированы на сбор данных о респондентах. Испытуемым было предложено указать имя (порт. nome), возраст (порт. idade) и уровень образования (порт. nível de instrução). Кроме того, предлагалось указать национальность (порт. nacionalidade) для того, чтобы исключить ответы респондентов, которые не являются носителями европейского и бразильского вариантов португальского языка (см. Рисунок 4).

QUESTIONÁRIO

Olá! Você participa de um estudo que visa investigar como os falantes nativos do português entendem os fenômenos da cultura russa.

*Obrigatório

1. Nome: *

2. Nacionalidade: *

3. Idade: *

4. Nivel de instrução: *

Рисунок 4 – Сбор данных об информантах

Во втором блоке анкет было размещено экспериментальное задание. Информантам предлагалось прочесть фрагменты португальских переводов классического русского романа в стихах и определить значения выделенных слов (реалий), выбрав из списка необходимое количество семантических компонентов (см. Рисунок 5). В качестве дополнительных инструкций были предложены следующие: в ходе заполнения анкеты не следует обращаться к словарям и дополнительным справочным источникам; старайтесь указать значения выделенных слов максимально полно; в тех случаях, когда переводчик дает комментарий к выделенному слову, он размещается подстрочно со знаком *.

Tarefa: leia as passagens do texto da tradução português do famoso romance russo em verso e determine os significados das palavras entre colchetes, escolhendo as opções apropriadas na lista. O número de opções possíveis é ilimitado.

! Ao responder, por favor, não consulte os dicionários e outras fontes de referência. Baseie-se na sua própria compreensão das palavras destacadas.

! Nos casos em que o tradutor fez comentários às palavras destacadas, elas foram colocadas entre parênteses com *.

! Tente indicar o significado das palavras da forma mais completa possível.

Рисунок 5 – Экспериментальное задание

В общей сложности в ходе эксперимента было проанализировано 44 фрагмента португальских переводов пушкинского романа, содержащих реалии. Фрагменты были

подобраны таким образом, что каждый из них демонстрировал определенный способ / стратегии передачи реалий в рамках каждой тематической группы (бытовые, этнографические, природные, ономастические, фразеологические единицы). Для определения значений русских реалий были использованы данные лексикографических источников, среди которых словарные статьи толковых словарей русского языка (Толковый словарь Ожегова [ТСО], Толковый словарь Ушакова [ТСУ]), лингвострановедческих и лингвокультурологических словарей (Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля [ТСД], Русское культурное пространство [РКЛС]; Лингвострановедческий словарь «Россия» [ЛСР] и др.), а также словарей онимов [Суперанская 2005; Отин 2006] и фразеологических единиц [Федоров 2008; Телия 2010; Silva 2013]. Кроме того, в ходе исследования были задействованы комментарии к роману «Евгений Онегин» В. В. Набокова [Набоков 1998], Ю. М. Лотмана [Лотман 2021] и Н. Л. Бродского [Бродский 2005].

Дефиниции русских реалий были разложены на семантические компоненты, отражающие предметные, коннотативные, культурные и стилистические компоненты значения каждой единицы, и представлены в виде списка (см. *Рисунок 6*).

"E o indispensável [kvas] chegando, Os comensais eram servidos, Pela importância em que eram tidos". *

(*comentário do tradutor: refresco ácido fermentado de centeio, não alcoólico)

Marcar tudo o que for aplicável.

- bebida azeda
- preparada em água
- de pão de centeio e malte (grãos de centeio germinados)
- não alcoólico
- refresco, bebida de verão
- por muito tempo, foi a bebida folclórica russa mais difundida

Outra: _____

Рисунок 6 – Фрагмент португальского перевода романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», анализируемый в ходе переводческого эксперимента

Например, в соответствии с данными толковых и лингвострановедческих словарей, значение реалии *квас* было разложено на семантические компоненты и переведено на португальский язык следующим образом:

- кислый напиток (порт. *bebida azeda*)
- приготовленный на воде (порт. *preparada em água*)
- из хлеба и солода (порт. *de pão de centeio e malte (grãos de centeio germinados)*)
- безалкогольный (порт. *não alcoólico*)
- освежающий летний напиток (порт. *refresco, bebida de verão*)

- в течение долгого времени являлся самым распространенным национальным русским напитком (порт. por muito tempo, foi a bebida folclórica russa mais difundida).

Согласно заданию, информанты определяли значения реалий, выбрав необходимое количество семантических компонентов из списка. Наиболее адекватными механизмами перевода реалий на португальский язык считались те стратегии и средства, которые позволили носителям португальского языка верно идентифицировать все семантические компоненты выделенных слов.

Полные тексты анкет представлены в Приложениях 1 и 2.

2.5.2. Данные экспериментальной верификации перевода бытовых реалий

В результате эксперимента были выявлены наиболее адекватные стратегии и средства передачи реалий на португальский язык в рамках каждой семантической группы (бытовые, этнокультурные, природные, ономастические, фразеологические единицы). В ходе анализа данных, полученных от респондентов, наиболее адекватными механизмами передачи реалий считались стратегии и средства, которые позволили носителям португальского языка идентифицировать все семантические компоненты значения русских реалий. При описании результатов эксперимента степень адекватности стратегий и средств перевода указывалась в процентах и вычислялась по формуле $(A/S)*100$, где A – количество ответов респондентов, верно указавших все семантические компоненты значения реалии, а S – общее количество ответов респондентов.

Результаты экспериментальной верификации позволили определить адекватность стратегий и средств перевода бытовых реалий на португальский язык (см. График 25 и 26).

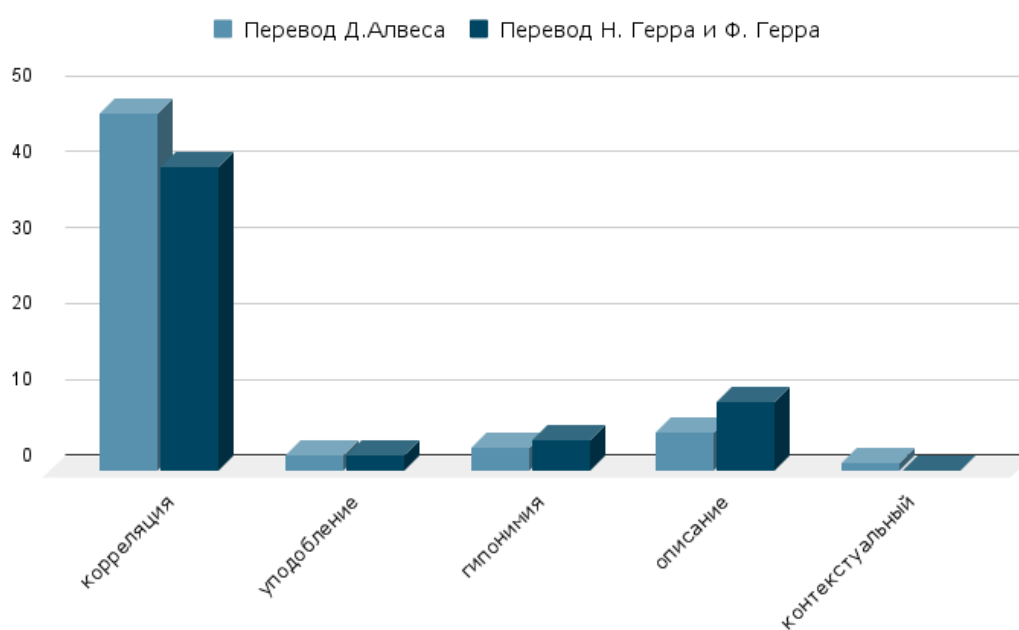

График 25 – Адекватность способов перевода бытовых реалий

В обоих переводах наиболее адекватным способом передачи бытовых реалий является корреляция. В первую очередь этот факт объясняется тем, что при корреляции реалий переводчики размещают дополнительные комментарии, объясняющие читателю значения русских слов. Степень адекватность использования корреляции составляет 83,9% в переводе Дарио Алвеса и 80% – в переводе Нины и Филиппе Герра. Наименее адекватным способом передачи бытовых реалий выступает контекстуальный перевод (1,8% у Дарио Алвеса и 0% у Нины и Филиппе Герра), поскольку в этом случае сами реалии в переводе опускаются, что ведет к неполной передаче их значений в тексте перевода.

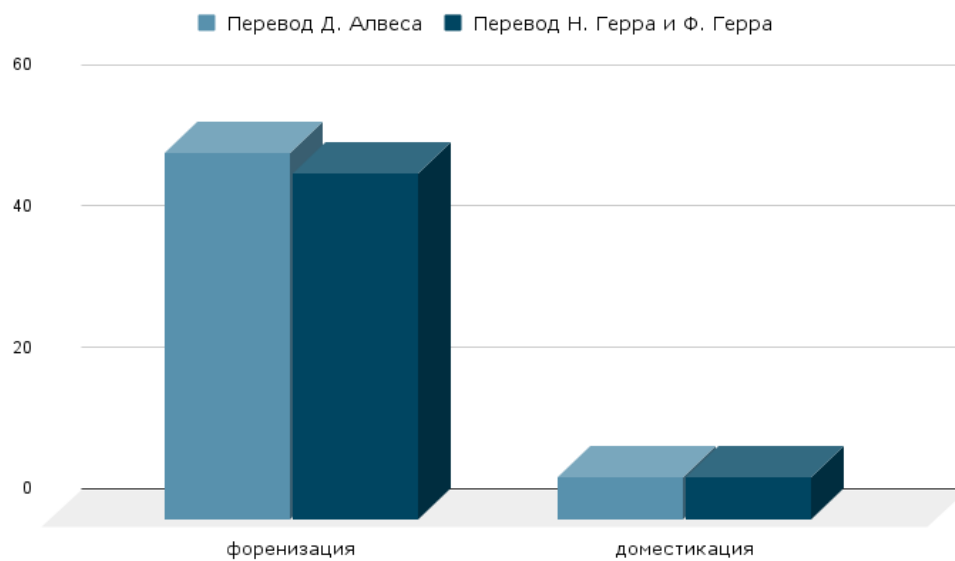

График 26 – Адекватность стратегий перевода бытовых реалий

Поскольку корреляция реалий является одним из способов сохранения национально-культурного колорита оригинала в тексте перевода, в обоих переводах наиболее адекватной стратегией передачи бытовых реалий на португальский язык является форенизация (92,9 % – в переводе Д. Алвеса и 90% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Показатель адекватности стратегии доместикации бытовых реалий значительно ниже (8,9% – переводе Д. Алвеса; 12% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра), так как адаптация художественного текста путем приближения культуры оригинала к культуре реципиента перевода не позволяет ретранслировать национально-культурную специфику исходного текста.

Далее рассмотрим данные, которые были получены от информантов, в рамках каждого способа / стратегии перевода бытовых реалий, показывающие, какие компоненты значения русских реалий идентифицировались носителями португальского языка в переводах Дарио Алвеса и Нины и Филиппе Герра. Количество ответов респондентов, выбравших каждый семантический компонент значения реалии, указано в процентном соотношении от общего количества ответов.

- **Корреляция (форенизация)**

Для определения адекватности данного способа (стратегии) передачи культурно значимой информации были использованы переводы реалии *квас* (kvas – в переводе Д. Алвеса и kvasse – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в виде графиков (см. График 27 и 28)

“E o indispensável [kvas] chegando, Os comensais eram servidos, Pela importância em que eram tidos”.

47/56 respostas corretas

График 27 – Корреляция бытовых реалий в переводе Д. Алвеса

“como do ar, precisavam do [kvasse] o serviço à mesa não prescindia rigorosa lei da hierarquia”.

40/50 respostas corretas

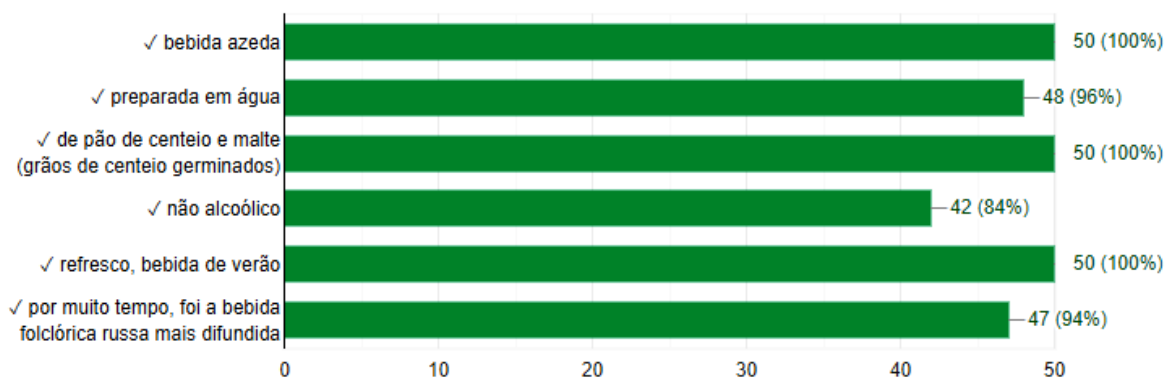

График 28 – Корреляция бытовых реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *квас* было разложено на следующие семантические компоненты: кислый напиток (порт. *bebida azeda*); приготовленный на воде (порт. *preparada em água*); из хлеба и солода (порт. *de pão de centeio e malte (grãos de centeio germinados)*); безалкогольный (порт. *não alcoólico*), освежающий летний напиток (порт. *refresco, bebida de verão*); в течение долгого времени являлся

самым распространенным национальным русским напитком (порт. por muito tempo, foi a bebida folclórica russa mais difundida).

Как видно из графиков, в 84-100% случаев, информанты идентифицировали все семантические компоненты значения русской реалии. Возможно предположить, что реалия *квас* хорошо знакома носителям португальского языка и не вызывает трудности при определении. Кроме того, при корреляции реалии переводчики размещали комментарии, объясняющие ее значение, например, “refresco ácido fermentado de centeio” – «освежающий напиток из солода».

- Уподобление (доместикация)

Для определения адекватности уподобляющего перевода использовались португальские переводы реалии *лапоть* (alparca – Д. Алвес; alpargata – Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов отражены в графиках (см. График 29 и 30).

“As suas [alparcas] entrançando, Canta o pastor terna canção Do Volga”.

2/56 respostas corretas

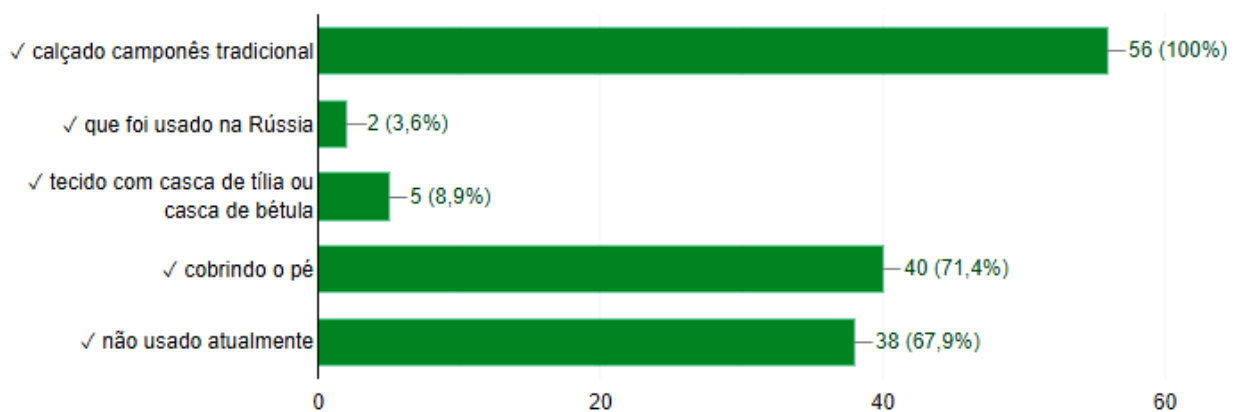

График 29 – Уподобление бытовых реалий в переводе Д. Алвеса

“canta o pastor - trançando a [alpargata] - o Volga, os pescadores, os barqueiros”

2/50 respostas corretas

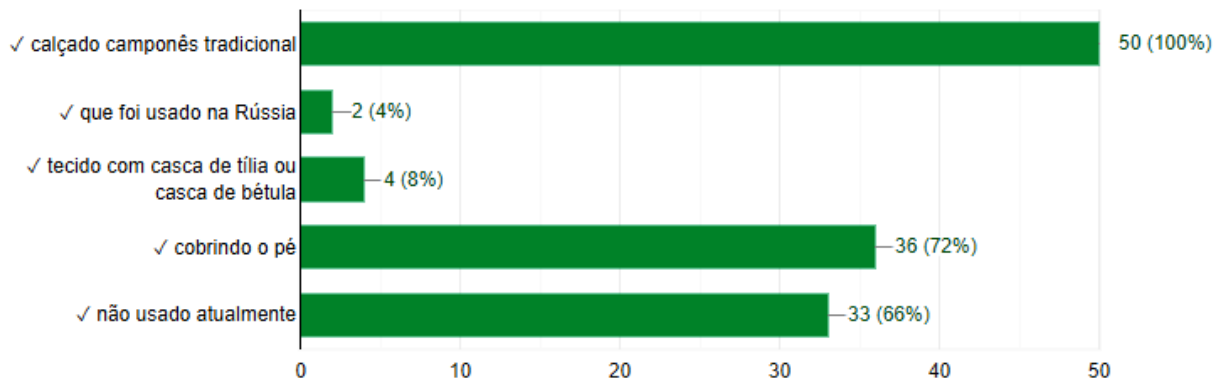

График 30 – Уподобление бытовых реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *лапоть* было представлено в виде следующих семантических компонентов: традиционная крестьянская обувь (порт. *calçado camponês tradicional*); использовалась в России (порт. *que foi usado na Rússia*); плетеная из бересты и лыка (порт. *tecido com casca de tília ou casca de bétula*); охватывающая ступню ноги (порт. *sobrindo o pé*); в настоящее время не используется в повседневной носке (порт. *não usado atualmente*).

В соответствии с данными эксперимента абсолютное большинство респондентов определяли реалию *лапоть* как «традиционную крестьянскую обувь» (100% в обеих анкетах). Однако принадлежность реалии к русской культуре и материал для ее изготовления информантами практически не идентифицировались (3,6-8,9%), поскольку переводческие соответствия *alparca / alpargata* обозначают «аргентинскую национальную обувь» и тем самым отражают колорит иной культуры.

- **Гипо-гиперонимический перевод (доместикация)**

Для определения адекватности гипо-гиперонимического перевода были использованы фрагменты португальских переводов, содержащих реалии *варенье* (dose – в переводе Д. Алвеса) и *щи* (sopa – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в графиках (см. График 31 и 32).

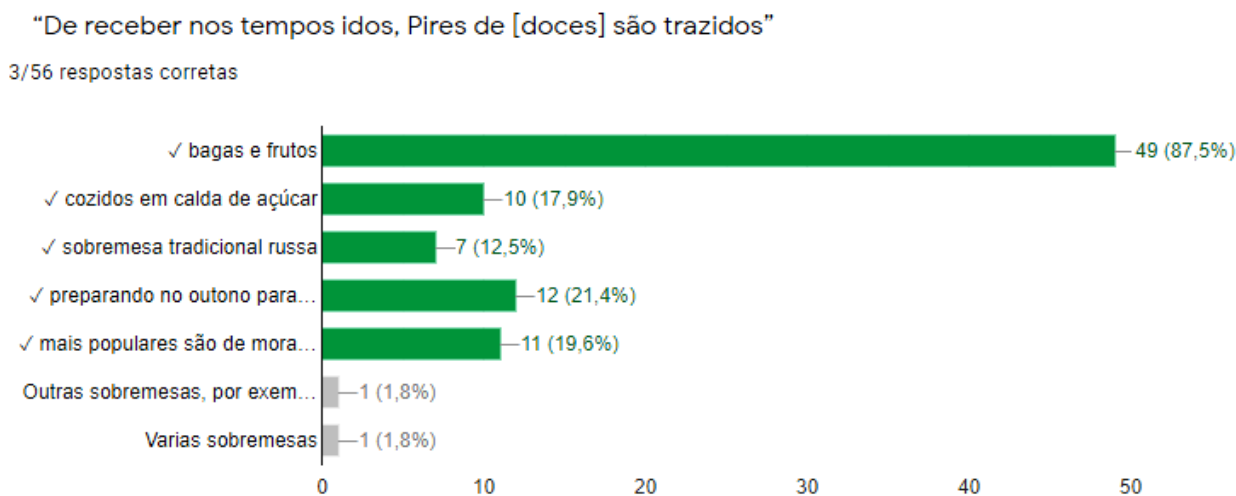

График 31 – Гипонимия бытовых реалий в переводе Д. Алвеса

“Meu ideal é o lar, já não lá fora, o sossego, o pote de [sopa] e, enfim, o meu desejo é ser senhor de mim”.

4/50 respostas corretas

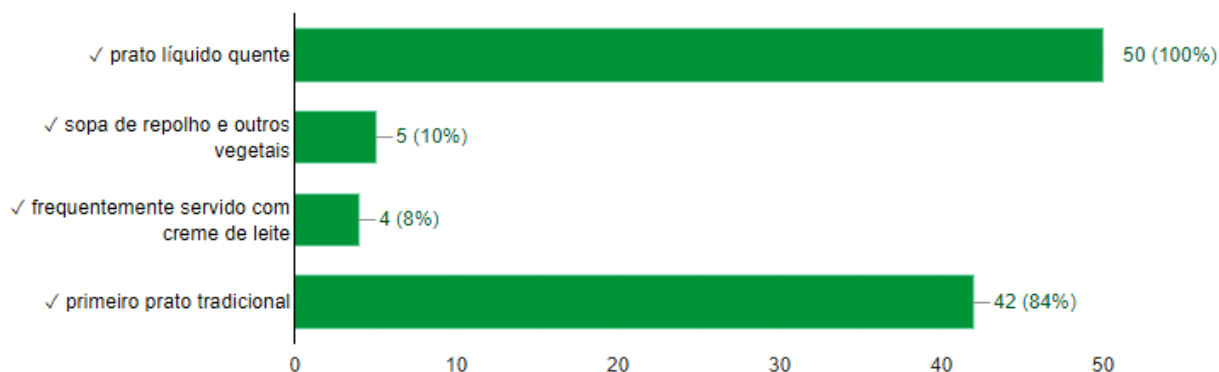

График 32 – Гипонимия бытовых реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *варенье* представлено в виде следующих семантических компонентов: ягоды и фрукты (порт. bagas e frutos); сваренные в сахарном сиропе (порт. cozidos em calda de açúcar); традиционный русский десерт (порт. sobremesa tradicional russa); готовиться с осени на зиму (порт. preparando no outono para o inverno); наиболее популярное клубничное и вишневое (порт. mais populares são de morango e cereja).

Данные эксперимента показывают, что в большинстве случаев носители португальского языка определяли значение реалии как «ягоды и фрукты» (87%). Другие семантические компоненты значения реалии *варенье* практически не идентифицировались в связи с тем, что португальское слово *doce* имеет более широкое значение и обозначает «сладости» в их совокупности. Это подтверждают комментарии информантов: “outras sobremesas” / “sobremesa” – «другие сладости / десерт», указывающие на то, что словом *doce* могут обозначаться различные виды десертов.

Значение реалии *щи* представлено в анкете следующим образом: горячее жидкое блюдо (порт. prato líquido quente); суп из капусты и других овощей (порт. sopa de repolho e outros vegetais); обычно подается со сметаной (порт. frequentemente servido com creme de leite); традиционное первое блюдо (порт. primeiro prato tradicional).

Результаты эксперимента показывают, что большинство носителей португальского языка определяют значение реалии как «жидкое горячее блюдо» (100%) и традиционное первое блюдо (84%). Другие семантические компоненты значения реалии *щи*, отражающие ее принадлежность к русской культуре, практически не идентифицируются, поскольку слово *sopa* является гиперонимом и обозначает «суп», а не его разновидность в русской культуре.

- *Описательный перевод (форенизация)*

Адекватность описательного перевода определялась на материале переводов реалий *нелюдим* (do mundo, dizem, figos – в переводе Д. Алвеса) и *барщина* (jugo do trabalho – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в виде графиков (см. График 33 и 34).

“[Do mundo, dizem, figos] vós. No campo tudo vos enfada”

5/56 respostas corretas

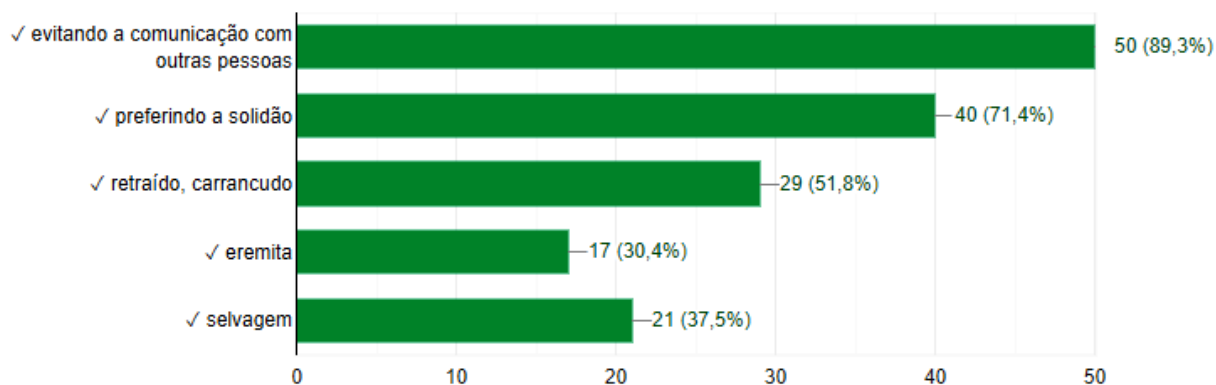

График 33 – Описание бытовых реалий в переводе Д. Алвеса

“O velho [jugo do trabalho], o seu aperto, mudou por um tributo leve e honrado”

9/50 respostas corretas

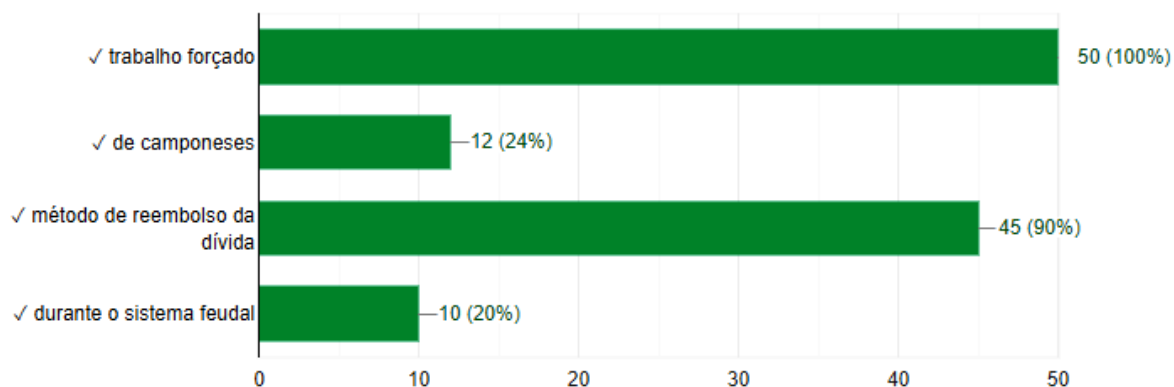

График 34 – Описание бытовых реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *нелюдим* было разложено на следующие семантические компоненты: избегающий общения с другими людьми (порт. evitando a comunicação com outras pessoas); предпочитающий одиночество (порт. preferindo a solidão); замкнутый, угрюмый (порт. retraído, carrancudo); отшельник (порт. eremita); дикарь (порт. selvagem). Как видно из графика, в большинстве случаев информанты определяли значение реалии *нелюдим* как «избегающий общения с другими людьми» (89,3%) и «предпочитающий одиночество» (71,4%). Другие компоненты значения слова указывались значительно реже.

Значение реалии *барщина* было представлено следующим образом: принудительный труд (порт. trabalho forçado); крестьянский (порт. de camponeses); способ погашения долга (порт. método de reembolso da dívida); в период феодализма (порт. durante o sistema feudal). Поскольку реалия *барщина* была переведена как *jugo do trabalho* – «трудовой гнет», большинство носителей португальского языка определяли ее значение как «принудительный труд» (100%) и «способ погашения долга» (90%). Другие компоненты значения реалии идентифицировались только в 20-24% случаев.

- **Контекстуальный перевод (доместикация)**

Для определения адекватности контекстуального перевода в ходе эксперимента были использованы фрагменты переводов пушкинского романа, содержащие реалию *сени* (se esgueira – в переводе Д. Алвеса; na saída – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в графиках (см. График 35 и 36).

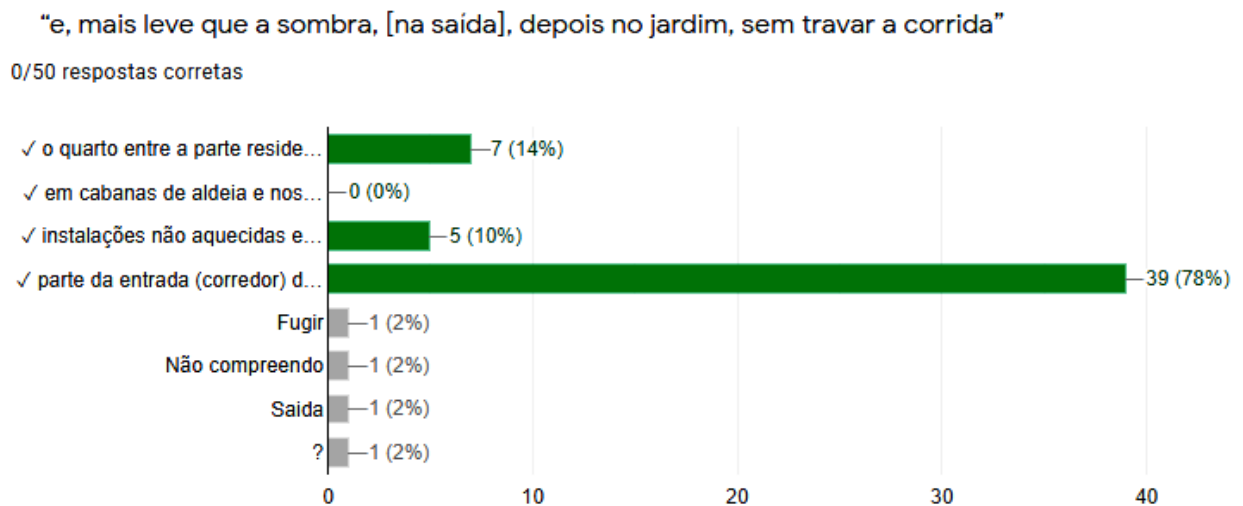

График 35 – Контекстуальный перевод бытовых реалий в переводе Д. Алвеса

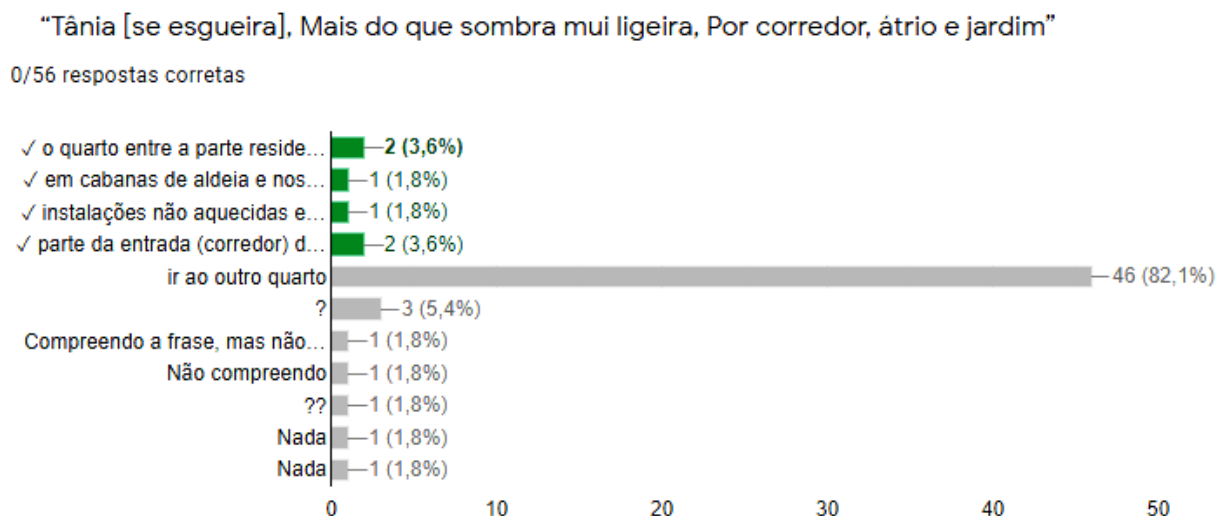

График 36 – Контекстуальный перевод бытовых реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *сени* было разложено на следующие семантические компоненты: помещение между жилой частью дома и крыльцом (порт. o quarto entre a parte residencial da casa e a varanda); в деревенских и в старых городских домах (порт. em cabanas de aldeia e nos velhos tempos em casas da cidade); нежилое и неотапливаемое помещение (порт. instalações não aquecidas e não residenciais); прихожая (порт. parte da entrada (corredor) de uma casa tradicional).

В переводе Дарио Алвеса слову *сени* соответствует глагол *esgueirar-se* – «улизнуть», который не позволяет передать значение самой реалии, что подтверждается данными переводческого эксперимента. Большинство информантов предлагают свое значение выделенного слова: “ir ao outro quarto” – «выйти в другую комнату» или указывают, что не понимают, как семантические компоненты, предложенные в задании, соотносятся со значением глагола *esgueirar-se*.

В тексте Нины и Филиппе Герра реалия *сени* переведена как *saída* – выход, что также не позволяет реципиентам перевода верно определить значение русской реалии. Большинство информантов указывают, что выделенное слово возможно идентифицировать как «прихожую» (78%).

Таким образом, результаты переводческого эксперимента с участием носителей португальского языка показали, что наиболее адекватным способом перевода бытовых реалий является корреляция, которая реализует стратегию форенизации художественного текста.

2.5.3. Данные экспериментальной верификации перевода этнографических и природных реалий

Результаты переводческого эксперимента позволили выявить наиболее адекватные стратегии и средства перевода этнографических и природных реалий на португальский язык (см. График 37 и 38).

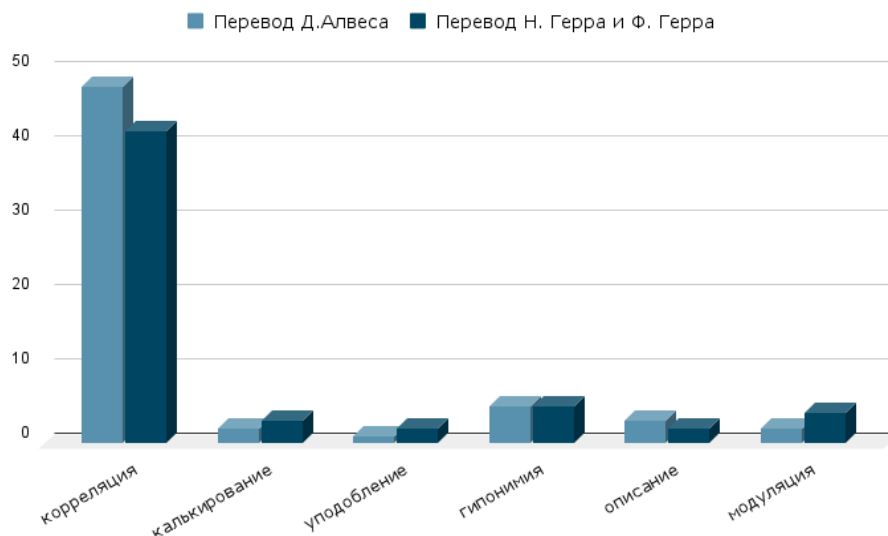

График 37 – Адекватность способов перевода этнографических и природных реалий

В обоих переводах наиболее адекватным способом передачи этнографических и природных реалий выступает корреляция (85,7% – в переводе Д. Алвеса; 84% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра), поскольку позволяет реципиентам перевода верно интерпретировать не только значение реалий, но и их национально-культурный колорит. Другие способы передачи реалий дают возможность идентифицировать в переводе отдельные компоненты их значений и нейтрализуют культурную специфику слов.

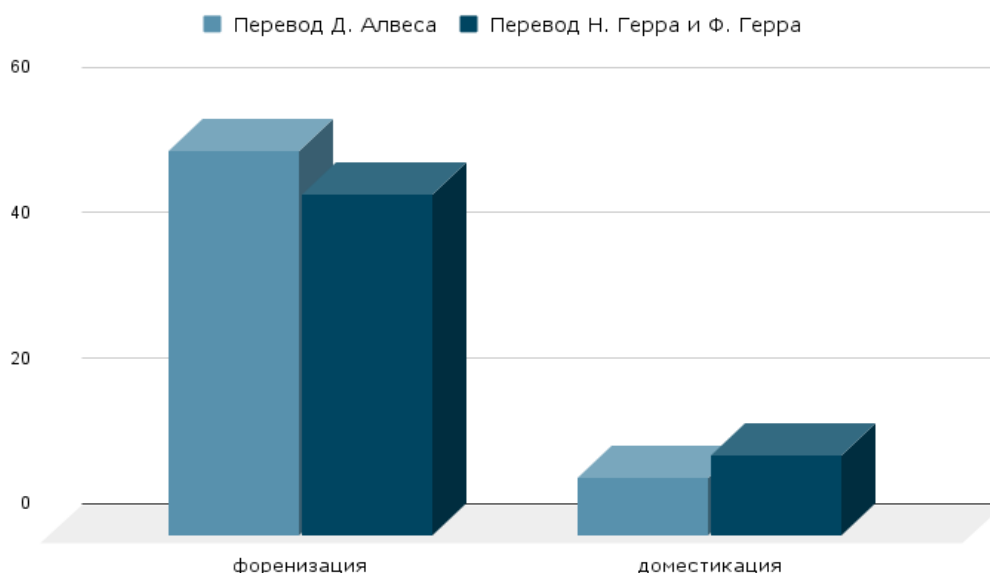

График 38 – Адекватность стратегий перевода этнографических и природных реалий

Данные переводческого эксперимента показывают, что наиболее адекватной стратегией передачи этнографических и природных реалий является форенизация (94,6% – в переводе Д. Алвеса; 84% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Доместикация реалий в большинстве случаев не позволяет респондентам идентифицировать национально-культурный колорит слов и в связи с этим является менее методологически адекватной (10,7% – переводе Д. Алвеса; 14% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра).

Далее рассмотрим ответы респондентов в рамках каждого способа / стратегии перевода реалий, демонстрирующие, каким образом значения русских реалий определялись носителями португальского языка на материале двух переводов.

- **Корреляция (форенизация)**

Для определения адекватности корреляции этнографических и природных реалий были использованы фрагменты португальских переводов, содержащие реалию *балалайка* (*balalaica* – в переводе Д. Алвеса; *balalaika* – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы информантов представлены в графиках (см. График 39 и 40).

“A [balalaica] me apaixonou, E do trepak ébrio patear”

48/56 respostas corretas

График 39 – Корреляция этнографических и природных реалий в переводе Д. Алвеса

“da [balalaika] que aprecio agora, da dança ébria sapateada”

42/50 respostas corretas

График 40 – Корреляция этнографических и природных реалий в переводе

Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *балалайка* было представлено в виде следующих семантических компонентов: музыкальный инструмент (порт. instrumento musical); русский народный (порт. folclórico russo); струнный (порт. de cordas); состоящий из треугольной деки и грифа (порт. consiste em um corpo com um tampo triangular e um braço).

Данные, полученные от респондентов, показывают, что в большинстве случаев носители португальского языка верно определяют все семантические компоненты значения русской реалий (85,7-100%). Этот факт предположительно обусловлен тем, что реалия *балалайка* хорошо знакома португалоязычной аудитории, а также тем, что при корреляции реалий переводчики размещали подстрочные комментарии, объясняющие их значения, например, “instrumento musical de cordas folclórico russo” – «русский народный струнный музыкальный инструмент».

- *Калькирование (форенизация)*

Анализ адекватности калькирования этнографических и природных реалий производился на примере португальского перевода реалии *череп на гусиной шее* (*crânio em pescoço nu dum ganso* – в переводе Д. Алвеса; *crânio num pescoço de ganso* – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в графиках (см. График 41 и 42).

"[Crânio em pescoço nu dum ganso], Com rubro gorro voltas dar"

2/56 respostas corretas

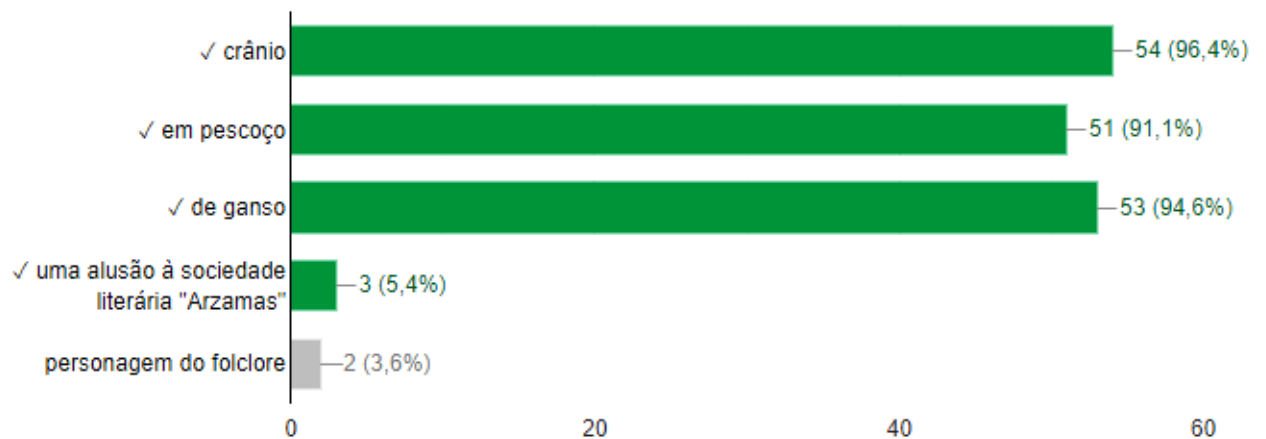

График 41 – Калькирование этнографических и природных реалий в переводе Д. Алвеса

"um [crânio] de barrete vermelho [num pescoço de ganso] girando".

3/50 respostas corretas

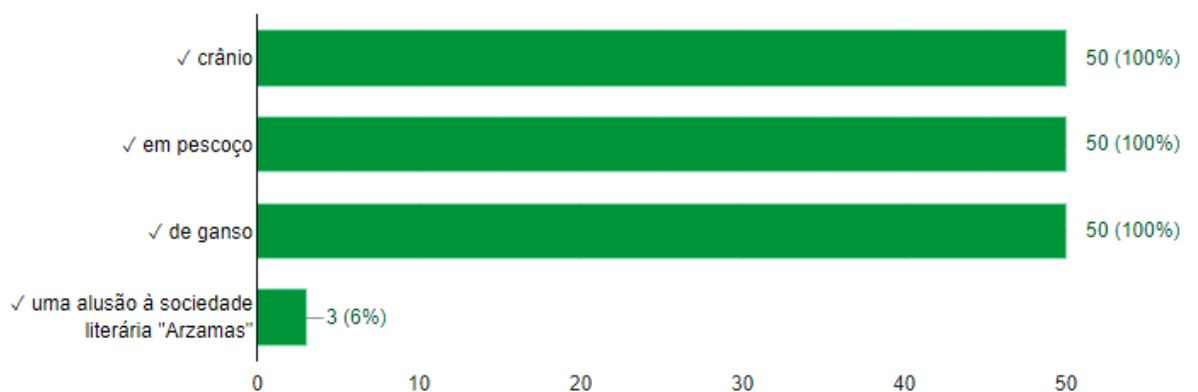

График 42 – Калькирование этнографических и природных реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *череп на гусиной шее* было разложена на семантические компоненты: череп (порт. *crânio*); на шее (порт. *em pescoço*); гусиной (порт. *de ganso*); аллюзия на литературное общество «Арзамас» (порт. *uma alusão à sociedade literária "Arzamas"*).

Данные переводческого эксперимента показывают, что большинство респондентов определяют значение реалии буквально как «череп на гусиной шее» (91,1-100%). Отсутствие переводческого комментария при калькировании реалии не позволяет носителям португальского языка идентифицировать то, что *череп на гусиной шее*, по замыслу А. С. Пушкина, является аллюзией на литературное общество «Арзамас».

- Уподобление (доместикация)

Адекватность уподобления этнографических и природных реалий определялась на материале фрагментов португальских переводов реалии *хоровод* (*ciranda* – в переводе Д. Алвеса; *roda* – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в графиках (см. График 43 и 44).

“Buscai, trazei-nos um jovem, Aqui pra nossa [ciranda]”.

1/56 respostas corretas

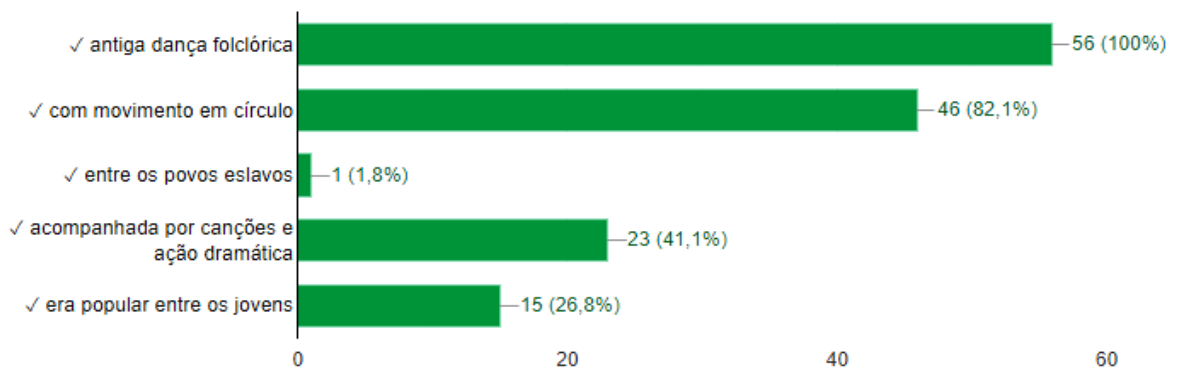

График 43 – Уподобление этнографических и природных реалий в переводе Д. Алвеса

“pr’a tentar o rapagãoa entrar na nossa [roda]”

2/50 respostas corretas

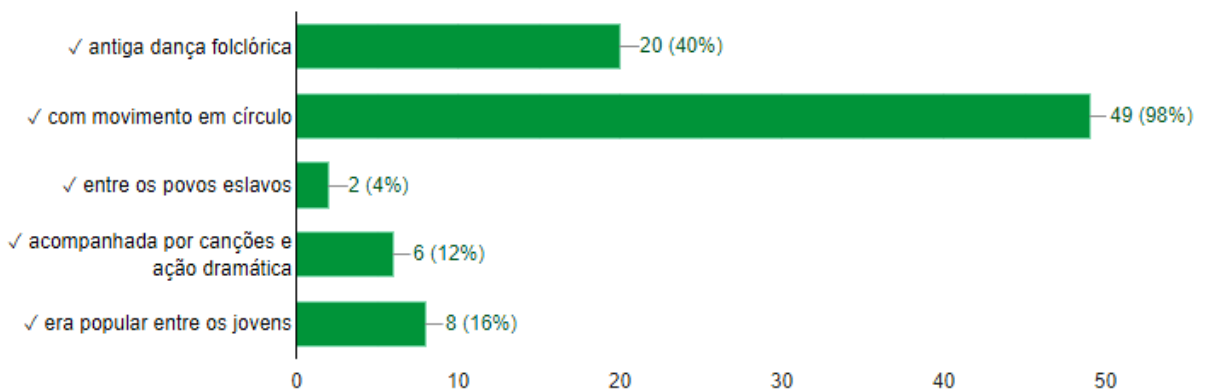

График 44 – Уподобление этнографических и природных реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *хоровод* представлено в виде следующих семантических компонентов: старинный народный танец (порт. *antiga dança folclórica*); с круговыми движениями (порт. *com movimento em círculo*); у славянских народов (порт. *entre os povos eslavos*); сопровождающийся песнями и драматическим действием (порт. *acompanhada por canções e ação dramática*); распространен среди молодежи (порт. *era popular entre os jovens*).

Данные экспериментальной верификации показали, что носители бразильского варианта португальского языка, указывающие значения реалий на материале перевода Д. Алвеса, в основном определяют слово *хоровод* как «старинный народный танец с круговыми движениями» (82,1-100%). Другие компоненты значения русской реалии, указывающие на ее принадлежность к русской культуре, носителями практически не идентифицируются, поскольку португальское слово *ciranda* обозначает «бразильский народный танец» и отражает колорит бразильской культуры.

Носители европейского варианта португальского языка в большинстве случаев определяют значение реалии *хоровод* как «круговые движения» (98%). Предположительно, такая дефиниция реалии связана с тем, что слово *roda*, выбранное Н. Герра и Ф. Герра в качестве переводческого соответствия реалии *хоровод*, обозначает «круг» и не позволяет реципиентам перевода идентифицировать другие семантические компоненты русской реалии.

- Гипо-гиперонимический перевод

Для определения адекватности гипо-гиперонимического перевода этнографических и природных реалий были использованы фрагменты португальских переводов, содержащих реалии *мурава* (*sapão* – переводе Д. Алвеса) и *дубрава* (*bosque* – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в графиках (см. График 45 и 46).

“Eu sob à mesa adoro tê-lo, E em Primavera ao [campo] vê-lo”

5/56 respostas corretas

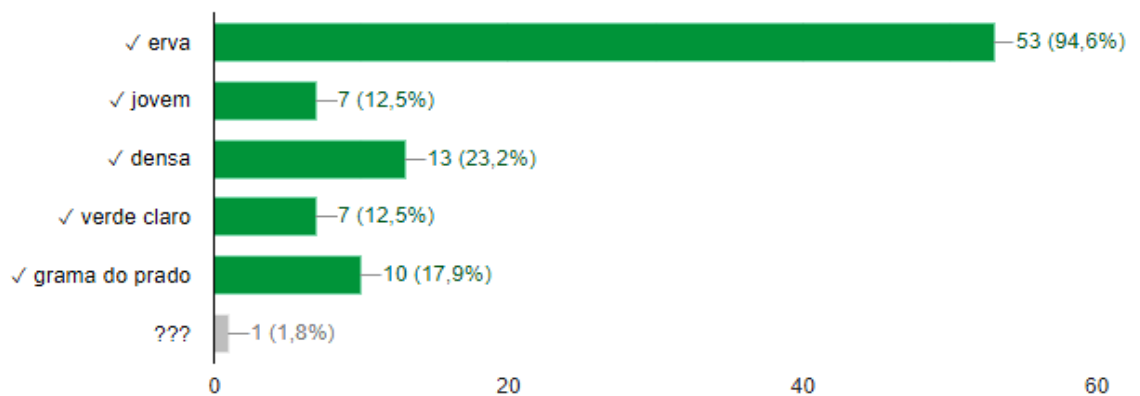

График 45 – Гипонимия этнографических и природных реалий в переводе Д. Алвеса

“e no sombrio [bosque] protector partilham jogos, encontram abrigos”

5/50 respostas corretas

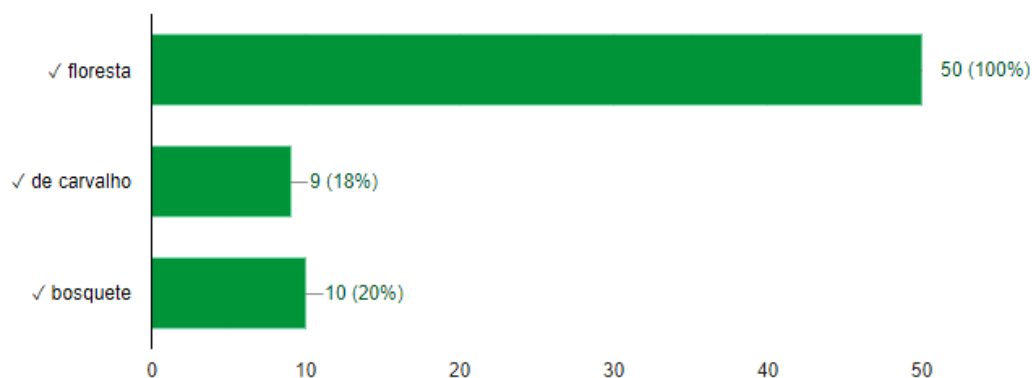

График 46 – Гипонимия этнографических и природных реалий
в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *мурава* представлено следующим образом: трава (порт. *erva*); молодая (порт. *jovem*); густая (порт. *densa*); светло-зеленая (порт. *verde claro*); луговая (порт. *grama do prado*). В результате экспериментальной верификации было выявлено, что в большинстве случаев респонденты определяют реалию *мурава* как «трава» (94,6%). Слово *sampo*, выступающее в качестве соответствия русской реалии, обозначает «поле» и не позволяет идентифицировать другие семантические компоненты значения слова.

Слово *дубрава* имеет следующие компоненты значения: лес (порт. *floresta*); дубовый (порт. *de carvalho*); роща (порт. *bosquete*). Португальское слово *bosque* обозначает «лес» и является гиперонимом по отношению к реалии *дубрава*. В связи с этим все респонденты также определяют значение русской реалии как «лес» (100%), не имея возможности идентифицировать другие компоненты значения слова в переводе.

- **Описательный перевод (форенизация)**

Адекватность описательного перевода этнографических и природных реалий определялась на материале фрагментов португальских переводов, содержащих реалию *глушь* (*denso bosque inabitado* – в переводе Д. Алвеса; *brenha cerrada* – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов отражены в графиках (см. График 47 и 48).

“Em [denso bosque inabitado], Todo de neve acobertado,”

3/56 respostas corretas

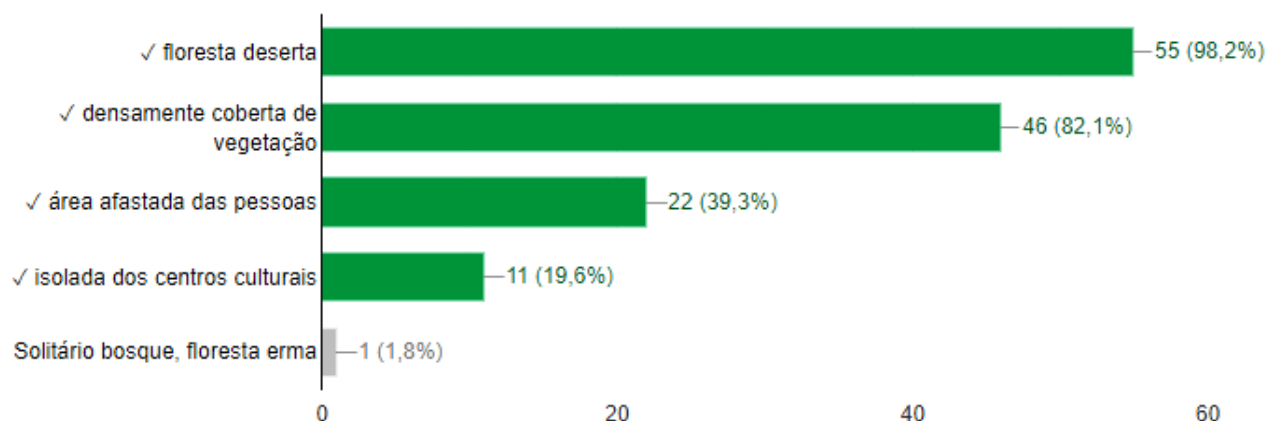

График 47 – Описание этнографических и природный реалий в переводе Д. Алвеса

“por uma senda do bosque, fica atenta. De súbito, numa [brenha cerrada]...”

2/50 respostas corretas

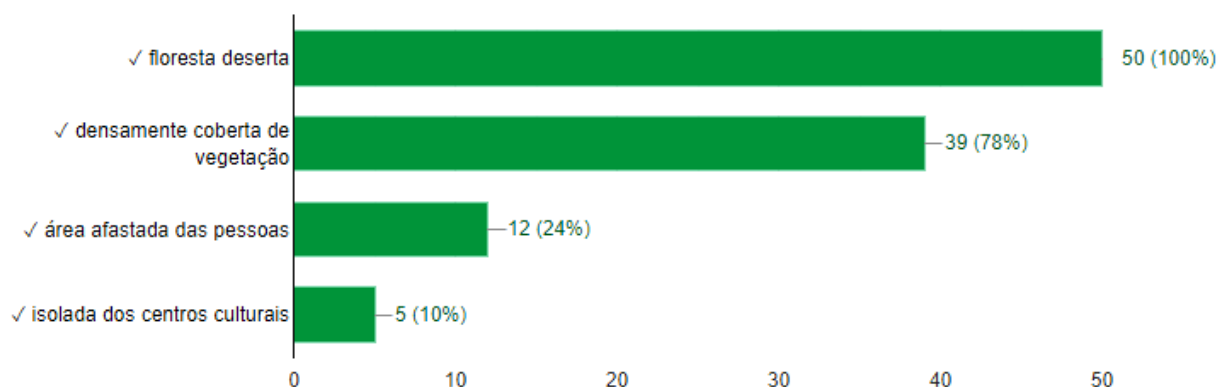

График 48 – Описание этнографических и природных реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

В тексте анкет значение реалии *glush* было представлено в виде семантических компонентов: дикий лес (порт. floresta deserta); густой (порт. densamente coberta de vegetação); удаленный от людей (порт. área afastada das pessoas); оторванный от культурных центров (порт. isolada dos centros culturais).

Данные, полученные от носителей португальского языка, показывают, что большинство информантов определяют значение реалии как «дикий лес» (98,2-100%), «густой и непроходимый» (78-82,1%). Однако другие семантические компоненты реалии *glush* участники обеих экспериментальных групп практически не идентифицируют, поскольку описательный перевод в данном случае дает возможность передать значение реалии только отчасти.

- Модуляция (доместикация)

Адекватность модуляции реалий определялась на материале переводов реалии *ostov* (esqueleto – в переводах Д. Алвеса, Н. Герра и Ф. Герра). Данные, полученные от информантов, представлены в графиках (см. График 49 и 50).

“Cá, [esqueleto] sem ornato,”

0/56 respostas corretas

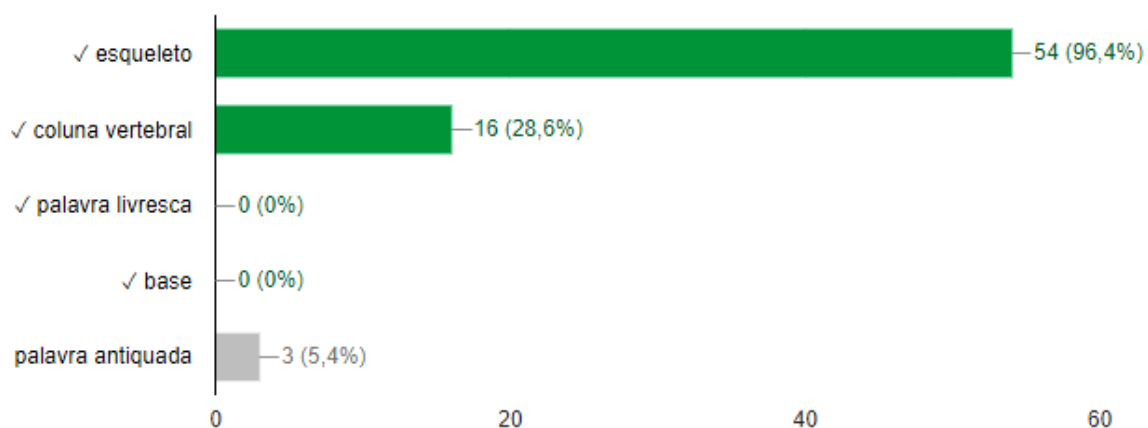

График 49 – Модуляция этнографических и природных реалий в переводе Д. Алвеса

“[um esqueleto] que, tanto quanto pode, se faz soberbo e grave;”

0/50 respostas corretas

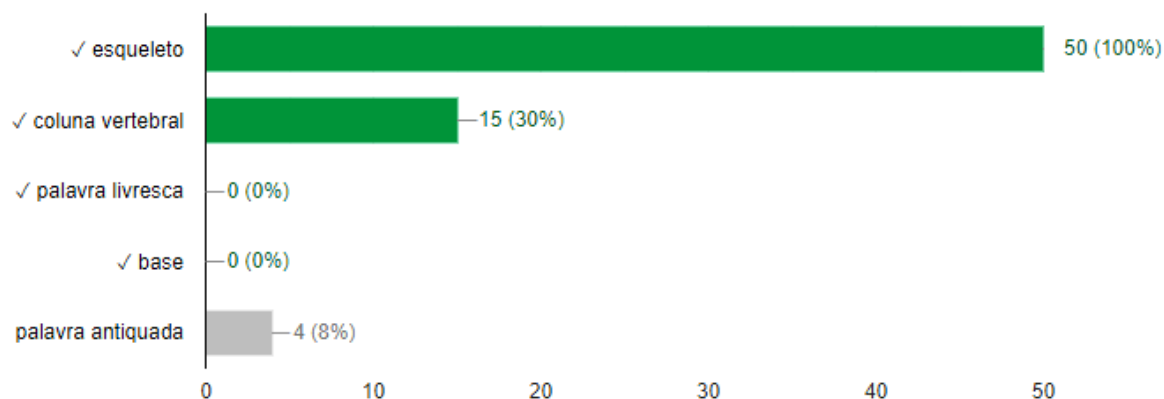

График 50 – Модуляция этнографических и природных реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *остов* было разложено на следующие семантические компоненты: скелет (порт. *esqueleto*); костяк (порт. *coluna vertebral*); основа (порт. *base*); книжное слово (порт. *palavra livresca*).

Результаты эксперимента показали, что в большинстве случаев носители португальского языка определяют значение реалии как «скелет» (96,4-100%), поскольку слово *esqueleto*, выбранное в обоих переводах в качестве соответствия реалии *остов*, буквально означает «скелет» и не позволяет идентифицировать другие семантические компоненты значения русской реалии. Кроме того, респонденты обеих экспериментальных групп указывали в комментариях, что слово *esqueleto* является архаичным – “*palavra antiquada*”.

Таким образом, данные, полученные от носителей португальского языка, в результате переводческого эксперимента показывают, что наиболее адекватным способом перевода этнографических и природных реалий на португальский язык является корреляция, которая позволяет передать значения слов и их национально-культурных колорит, реализуя стратегию форенизации.

2.5.4. Данные экспериментальной верификации перевода ономастических реалий

В результате переводческого эксперимента были выявлены наиболее адекватные стратегии и средства передачи ономастических реалий в переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык (см. График 51 и 52).

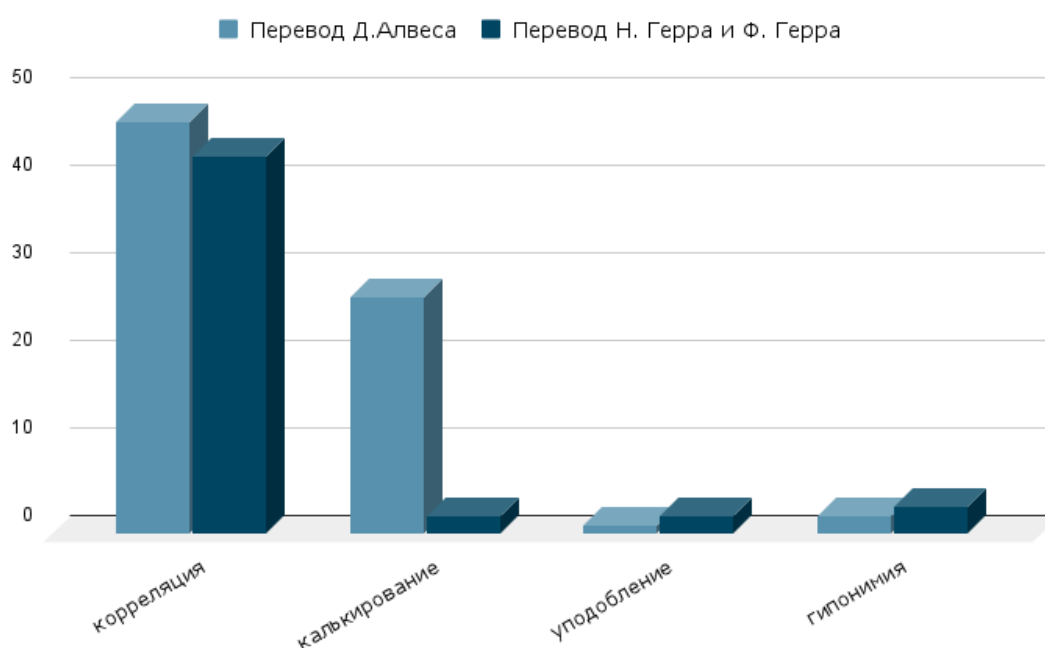

График 51 – Адекватность способов перевода ономастических реалий

В обоих переводах наиболее адекватным способом передачи ономастических реалий на португальский язык является корреляция (83,9% – в переводе Д. Алвеса; 86% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). В бразильском переводе высокий показатель адекватности в сравнении с другими способами перевода имеет калькирование (48,2%). Данные эксперимента показали, что перевод реалий посредством калькирования является адекватным в тех случаях, когда переводчик размещает дополнительные комментарии, позволяющие носителям португальского языка определить значения реалий и их национально-культурный колорит.

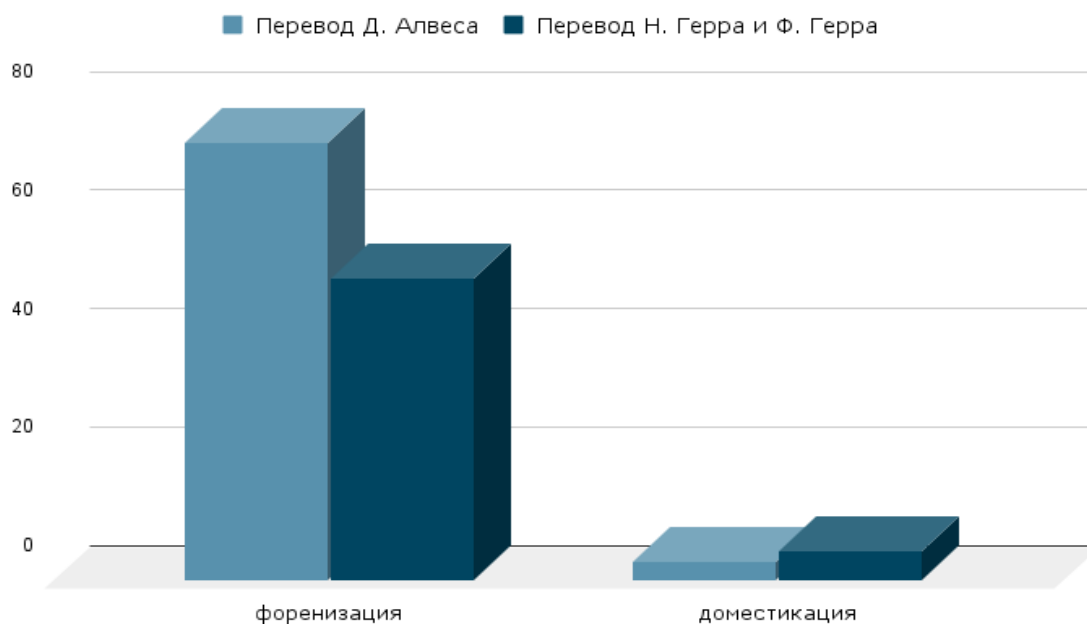

График 52 – Адекватность стратегий перевода ономастических реалий

Экспериментальные данные свидетельствуют, что форенизация реалий является наиболее адекватной стратегией лингвокультурной адаптации в обоих португальских переводах пушкинского романа (96,1% – в переводе Д. Алвеса; 91,1% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра), поскольку позволяет сохранить национально-культурный колорит оригинала в тексте перевода. Показатель адекватности стратегии доместикации значительно ниже (3,9% – в переводе Д. Алвеса; 9% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра), так как приближение оригинала к культуре реципиента ведет к нейтрализации культурной специфики исходного текста.

Далее рассмотрим ответы респондентов в рамках каждого способа / стратегии перевода ономастических реалий, которые демонстрируют, какие семантические компоненты русских реалий идентифицировались носителями португальского языка в переводах пушкинского романа.

- **Корреляция (форенизация)**

Для определения адекватности корреляции ономастических реалий были использованы португальские переводы реалии *Светлана* (Svetlana – в переводах Д. Алвес, Н. Герра и Ф. Герра). Данные, полученные от информантов, представлены в виде графиков (см. График 53 и 54).

“Aquele que é mais arredia E mais calada, qual [Svetlana]”

47/56 respostas corretas

Gráfico 53 – Correlação onomástica de realidades no texto de D. Alves

“Mas é aquela, sempre triste e taciturna, como a [Svetlana]”

43/50 respostas corretas

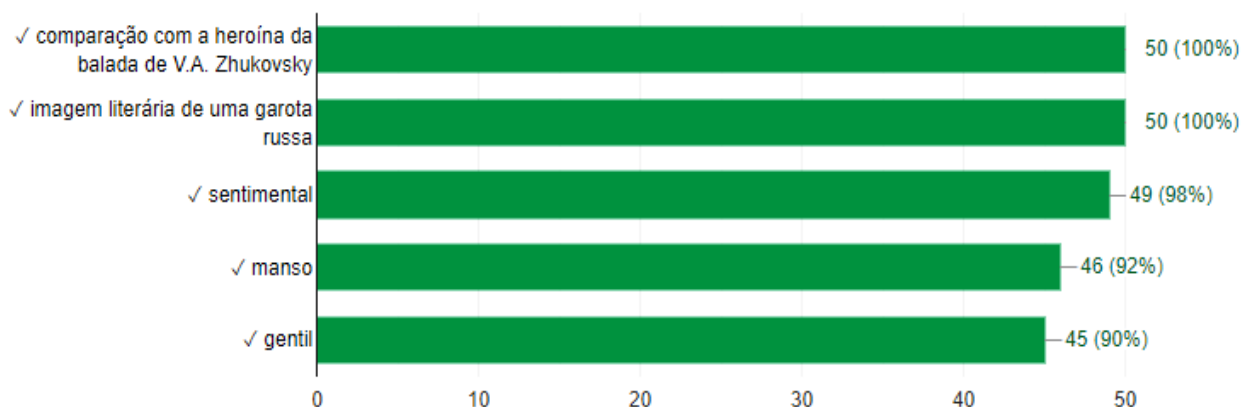

Gráfico 54 – Correlação onomástica de realidades no texto de H. Gerra e F. Gerra

Valor da realidade *Svetlana* foi apresentado em pesquisas na forma das seguintes componentes semânticas: comparação com a heroína da balada de V. A. Zhukovsky (port. comparação com a heroína da balada por V. A. Zhukovsky); imagem literária de uma garota russa (port. imagem literária de uma garota russa); sentimental (port. sentimental); manso (port. manso); autoabnegada (port. gentil).

Os dados, obtidos no decorrer do experimento, mostraram que a maioria dos respondentes corretamente identificou todos os componentes semânticos do significado da realidade *Svetlana* (87,5-100%). Provavelmente, esse fato é condicionado pelo fato de que os tradutores acompanharam a tradução da realidade com comentários adicionais, permitindo aos leitores plenamente identificar todos os componentes de seu significado, por exemplo, “o personagem principal da balada por V. A. Zhukovsky “Svetlana”, incorpora as melhores qualidades de uma garota russa: bondade,

mansidão e devoção” – «главная героиня баллады В. А. Жуковского «Светлана», олицетворяющая лучшие качества русской девушки: доброту, благодушие и преданность».

- **Калькирование (форенизация)**

Адекватность калькирования ономастических реалий определялась на материале фрагментов португальских переводов, содержащих реалии *У Харитонья* (em Chariton – в переводе Д. Алвеса) и *Благонамеренный* (Bom-Intencionando – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в графиках (см. График 55 и 56).

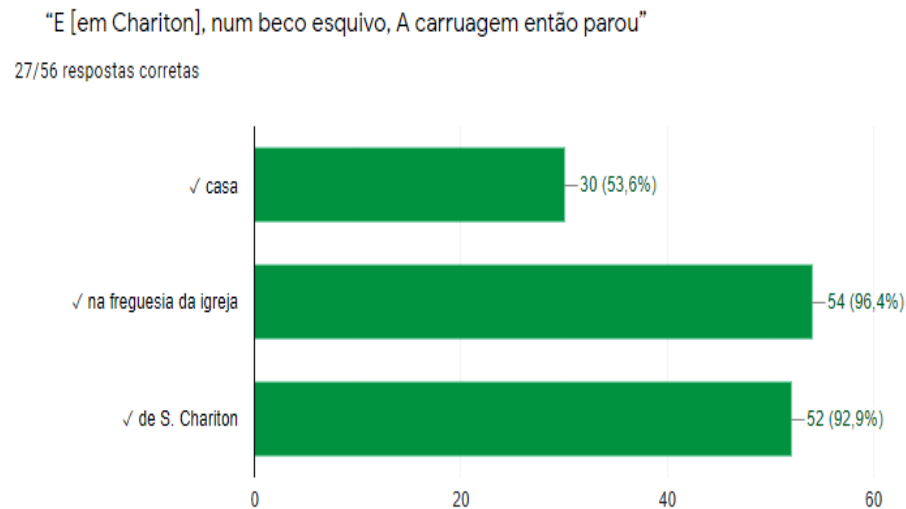

График 55 – Калькирование ономастических реалий в переводе Д. Алвеса

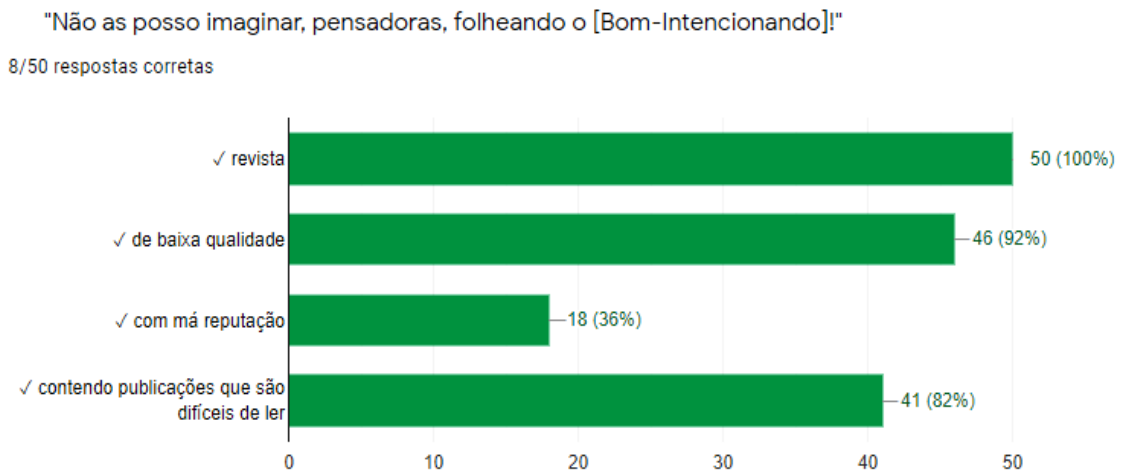

График 56 – Калькирование ономастических реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *у Харитонья* было представлено следующим образом: дом (порт. casa); вблизи прихода церкви (порт. na freguesia da igreja); Святого Симеона (порт. de S. Chariton).

Результаты эксперимента показали, что носители европейского варианта португальского языка чаще всего определяют реалию *У Харитонья* как «некий объект, находящийся вблизи прихода церкви Святого Симеона» (96,4-92,9%). В половине случаев респонденты указывали, что речь идет о «доме» (53,6%). Достаточно высокий показатель узнаваемости всех

семантических компонентов реалии предположительно объясняется тем, что переводчик разместил дополнительный комментарий, объясняющий значение выделенного слова: “em Moscou, o endereço da casa era indicado de acordo com a paróquia da igreja” – «в Москве адрес дома указывался в соответствии с приходом церкви, к которому он принадлежал».

Значение реалии *Благонамеренный* было разложено на следующие семантические компоненты: журнал (revista); низкого качества (порт. de baixa qualidade); с плохой репутацией (порт. com má reputação); содержащий публикации, которые сложно читать (порт. contendo publicações que são difíceis de ler).

Носители бразильского варианта португальского языка в основном определяли значение реалии *Благонамеренный* как «журнал низкого качества, содержащий публикации, которые сложно читать» (82-100%), что вероятно объяснимо наличием переводческого комментария “revista publicada por A. E. Izmailov, que se distingue pela ilegibilidade das publicações” – «журнал, издаваемый А. Е. Измайловым, отличавшийся неразборчивостью вкуса и публикаций».

- Уподобление (доместикация)

Для определения адекватности уподобляющего перевода ономастических реалий были использованы фрагменты португальских переводов, содержащих реалию *жучка* (totó – в переводе Д. Алвеса; Suspiro – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в графиках (см. График 57 и 58).

“Jovem da casa passa ao lado, Como um corcel, puxa o trenó, Nele se senta o seu [totó]”

1/56 respostas corretas

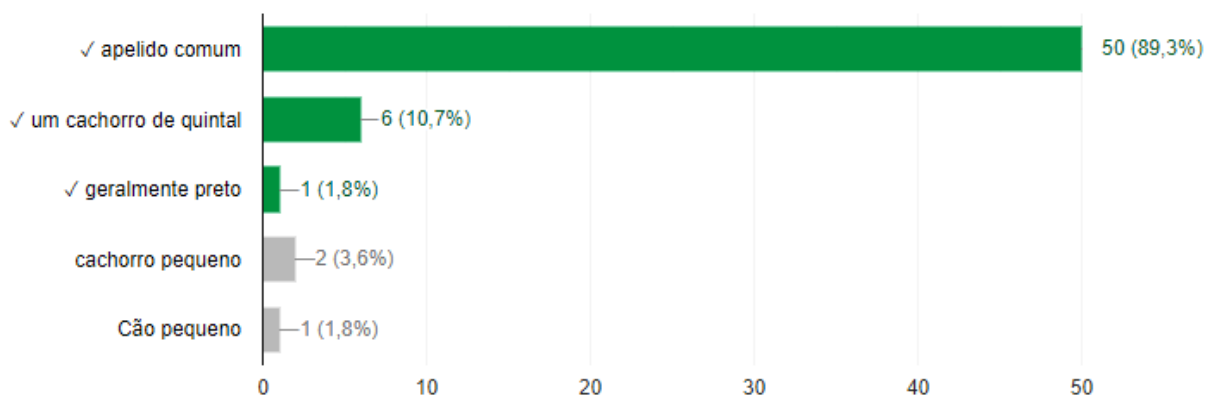

График 57 – Уподобление ономастических реалий в переводе Д. Алвеса

“Como o filho dos criados de diverte: põe no trenó o cãozinho [Suspiro] e transforma-se em cavalo de tiro”.

2/50 respostas corretas

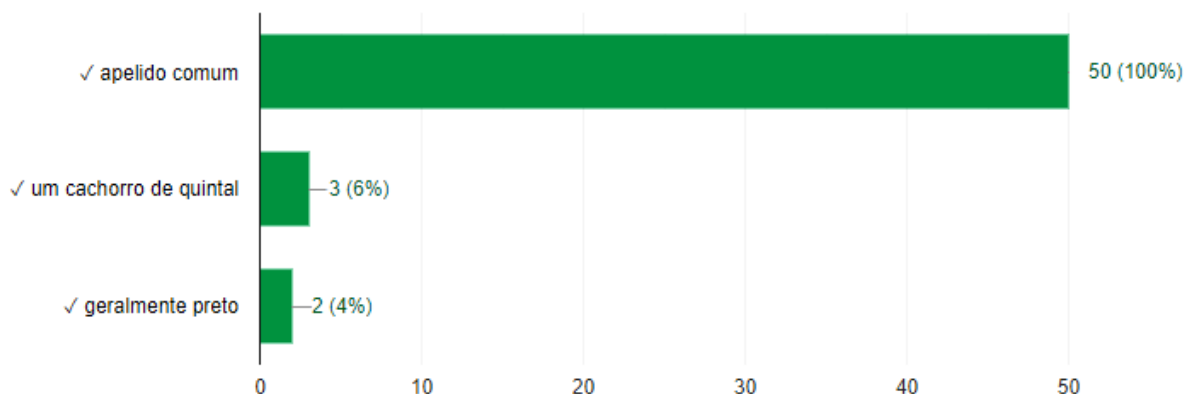

График 58 – Уподобление ономастических реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Дефиниция реалии *жучка* была представлена в анкетах следующим образом: распространенная кличка (порт. *apelido comum*); дворовых собак (порт. *um cachorro de quintal*); чаще всего черных (порт. *geralmente preto*).

Результаты эксперимента показали, что большинство информантов определяют значение реалии как «распространенная кличка» (89,3-100%). Другие семантические компоненты реалии *жучка* носителями португальского языка практически не идентифицируются, поскольку переводческие соответствия *totó* – «щенок» и *Suspiro* – «португальская кличка собак» не позволяют реципиентам перевода полно определить значение русской реалии.

- Гипо-гиперонимический перевод

Адекватность гипо-гиперонимического перевода ономастических реалий определялась на материале фрагментов португальских переводов, содержащих реалию *моська* (*sães* – в переводах Д. Алвеса, Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в виде графиков (см. График 59 и 60).

“Estalam beijos, [os cães] latem, Riso, clamor, arrastam pés,”

2/56 respostas corretas

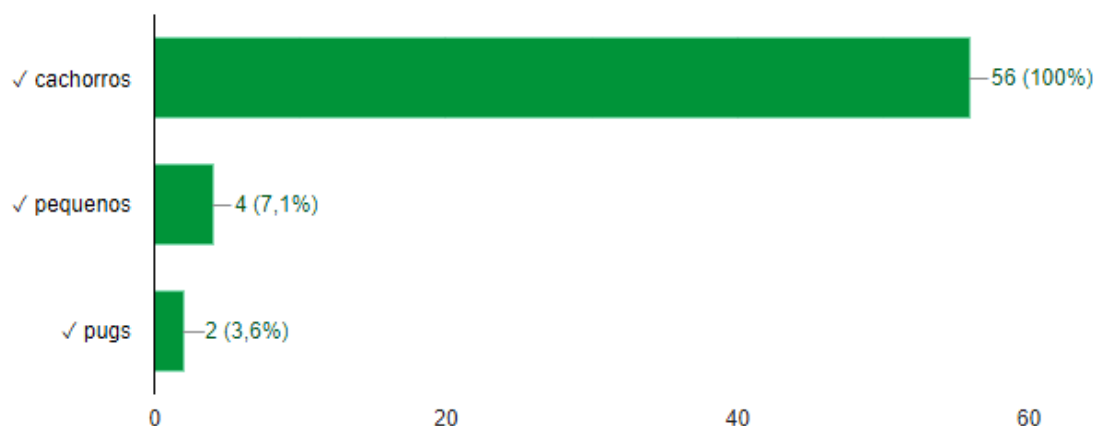

График 59 – Гипонимия ономастических реалий в переводе Д. Алвеса

“São recebidos na sala de estar por latidos de [cães], beijos de meninas,”

3/50 respostas corretas

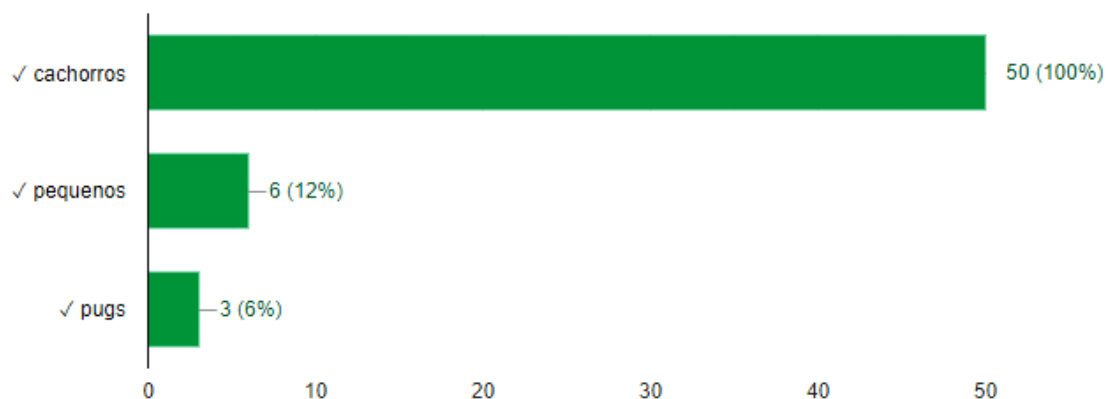

График 60 – Гипонимия ономастических реалий в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *моська* было представлено в виде следующих семантических компонентов: кличка собак (порт. *cachorros*); маленьких (порт. *pequenos*); породы мопс (порт. *pugs*). Данные, полученные от респондентов, позволили выявить, что все информанты определяли значение реалии *моська* как «кличка собак» (100%), в связи с тем, что португальский аналог русской реалии *сão* буквально означает собака. Другие компоненты значения реалии практически не идентифицировались.

Таким образом, результаты переводческого эксперимента позволили выявить, что наиболее адекватным способом перевода ономастических реалий является корреляция, реализующая стратегию форенизации.

2.5.5. Данные экспериментальной верификации перевода фразеологических единиц

Результаты переводческого эксперимента с участием носителей португальского языка позволили выявить наиболее адекватными стратегии и средства передачи фразеологических единиц в переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык (см. График 61 и 62).

График 61 – Адекватность способов перевода фразеологизмов

В обоих португальских переводах наиболее адекватным способом передачи фразеологических единиц является перевод посредством фразеологических эквивалентов (83,9% – переводе Д. Алвеса; 88% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра), позволяющий носителям португальского языка идентифицировать все семантические компоненты русских реалий. Данные экспериментальной верификации также показали, что степень адекватности других способов перевода фразеологических единиц на португальский язык значительно ниже, поскольку они не позволяют передать национально-культурную специфику фразеологизмов в тексте перевода.

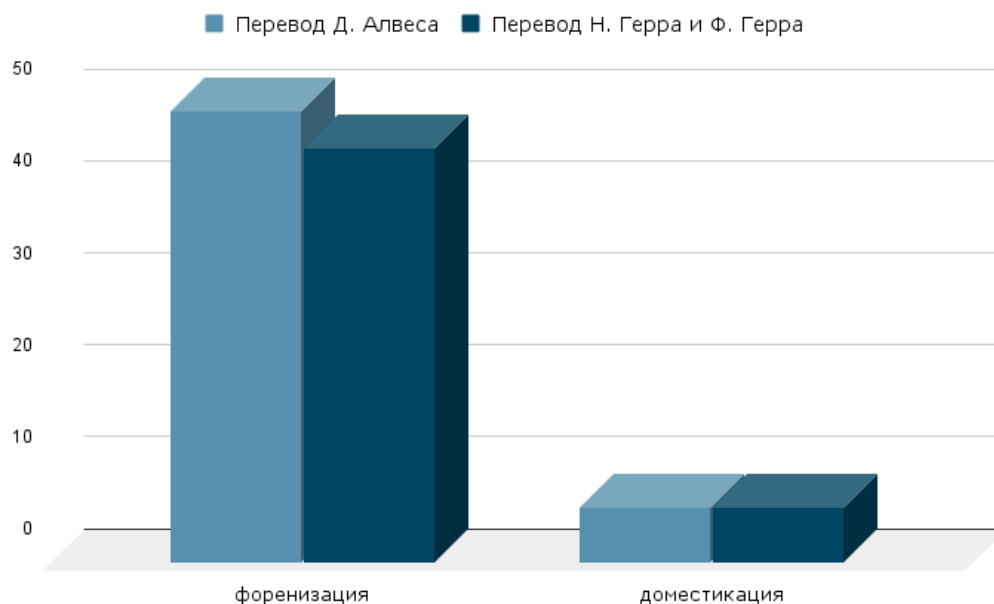

График 62 – Адекватность стратегий перевода фразеологизмов

Наиболее адекватной стратегией передачи фразеологических единиц на португальский язык выступает форенизация (87,5% – в переводе Д. Алвес; 90% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра), поскольку перевод посредством фразеологических аналогов является одним из способов приближения культуры реципиента перевода к культуре оригинала и сохранения его национально-культурного колорита в тексте перевода. Адекватность стратегии доместикации реалии значительно ниже (10,7% – в переводе Д. Алвес; 12% – в переводе Н. Герра и Ф. Герра), так как адаптация художественного текста путем его приближения к культуре реципиента не позволяет передать национально-культурный колорит оригинала.

Далее рассмотрим данные, полученные от респондентов в рамках каждого способа / стратегии перевода фразеологических единиц, которые позволили выявить, какие семантические компоненты русских фразеологизмов идентифицируются носителями португальского языка.

- **Фразеологический эквивалент (форенизация)**

Для определения адекватности перевода русских фразеологизмов посредством фразеологических эквивалентов были использованы фрагменты португальских переводов выражения *когда же черт возьмет тебя* (Quando Satã te vai levar – в переводе Д. Алвес; quando te leva daqui o diabo – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в графиках (см. График 63 и 64).

“Mas lá por dentro a imaginar, [Quando Satã te vai levar]?”

47/56 respostas corretas

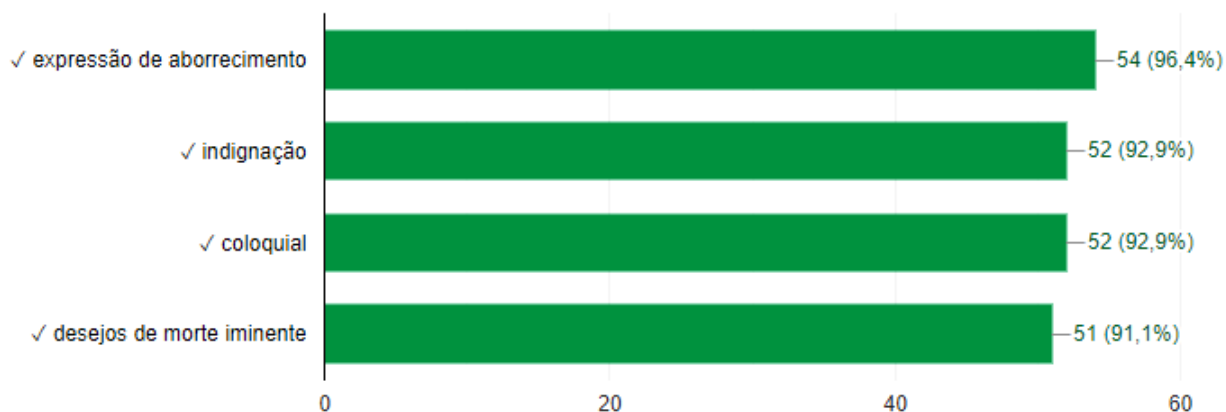

График 63 – Фразеологический эквивалент в переводе Д. Алвеса

“suspirar e desejar com enfado: [quando te leva daqui o diabo]?”

44/50 respostas corretas

График 64 – Фразеологический эквивалент в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение фразеологизма *quando же черт возьмет тебя* было представлено в виде следующих семантических компонентов: выражение досады (порт. *expressão de aborrecimento*); негодования (порт. *indignação*); разговорное (порт. *coloquial*); пожелание скорой смерти (порт. *desejos de morte iminente*).

Данные экспериментальной верификации показали, что в большинстве случаев информанты верно идентифицируют все семантические компоненты значения реалии (90-100%), поскольку португальский эквивалент *leva o diabo* – «черт возьмет» позволяет передать значение фразеологизма и его образность.

- *Калькирование (форенизация)*

Адекватность калькирования фразеологических единиц определялась на материале фрагментов португальских переводов, содержащих реалию *мух давил* (*moscas combatera* – в переводе Д. Алвеса; *moscas matando* – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в виде графиков (см. График 65 и 66).

“Por quarenta anos arengou Com a ama, e [moscas combatera]”

2/56 respostas corretas

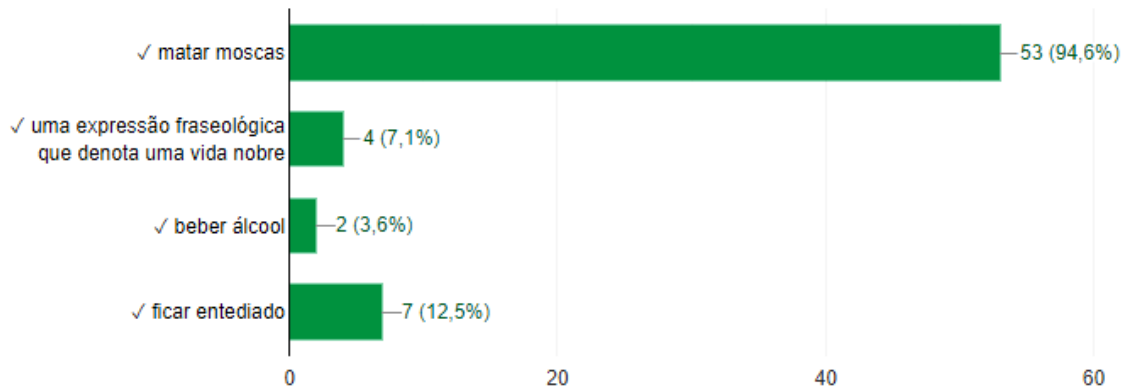

График 65 – Калькирование фразеологизмов в переводе Д. Алвеса

“passara quarenta anos refilandocom a despenseira impertinente, pela janela olhando, [moscas matando]”.

1/50 respostas corretas

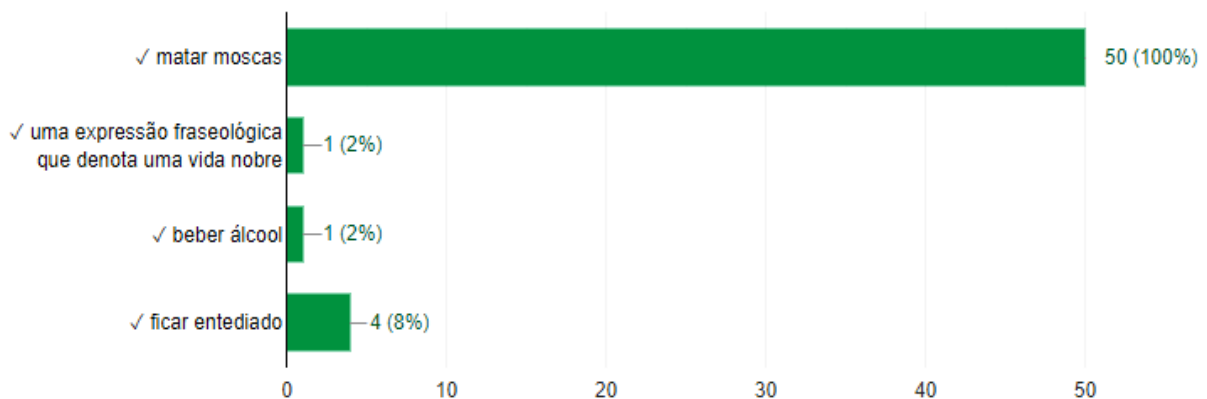

График 66 – Калькирование фразеологизмов в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение реалии *мух давил* представлено в анкетах следующим образом: убивать мух (порт. *matar moscas*); фразеологизм, отражающий застойную дворянскую жизнь (порт. *uma expressão fraseológica que denota uma vida nobre*); употреблять алкоголь (порт. *beber álcool*); скучать (порт. *ficar entediado*).

Данные экспериментальной верификации показали, что большинство носителей португальского языка определяли значение фразеологизма как «убивать мух» (94,6-100%). Другие компоненты значения выражения практически не идентифицировались в связи с тем, что португальские соответствия *combater / matar moscas* – «убивать мух» не позволяют передать переносное значение русской реалии и ее образность в тексте перевода.

- **Фразеологический аналог (доместикация)**

Адекватность перевода русских фразеологизмов посредством фразеологических аналогов определялась на примере перевода выражения *готовил сети* (*com ardis que conhecia* – в переводе Д. Алвеса; *que logros lhes montava* – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в графиках (см. График 67 и 68).

“Da forma em que lhe apetezia! E [com ardis que conhecia!]”

4/56 respostas corretas

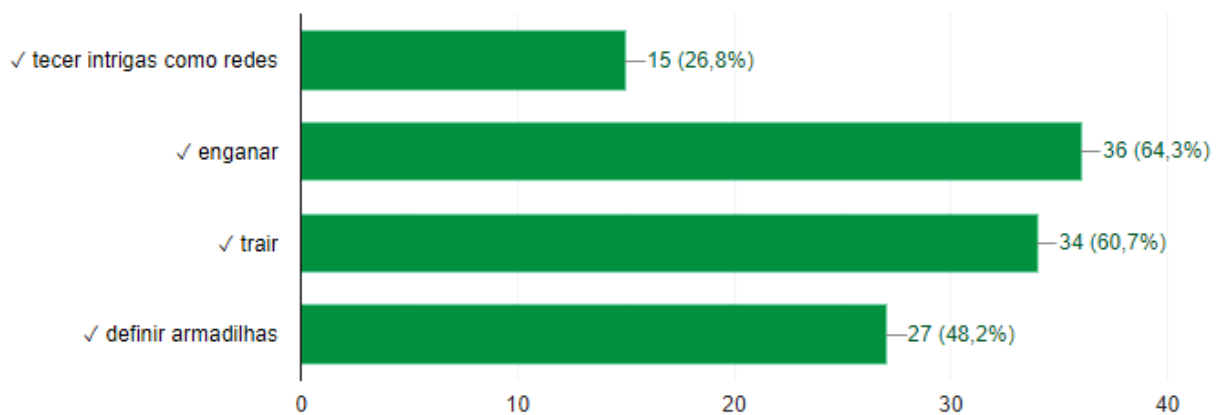

График 67 – Фразеологический аналог в переводе Д. Алвеса

“que vezes levantava, viperinas! [Que logros lhes montava], que armadilhas!”

3/50 respostas corretas

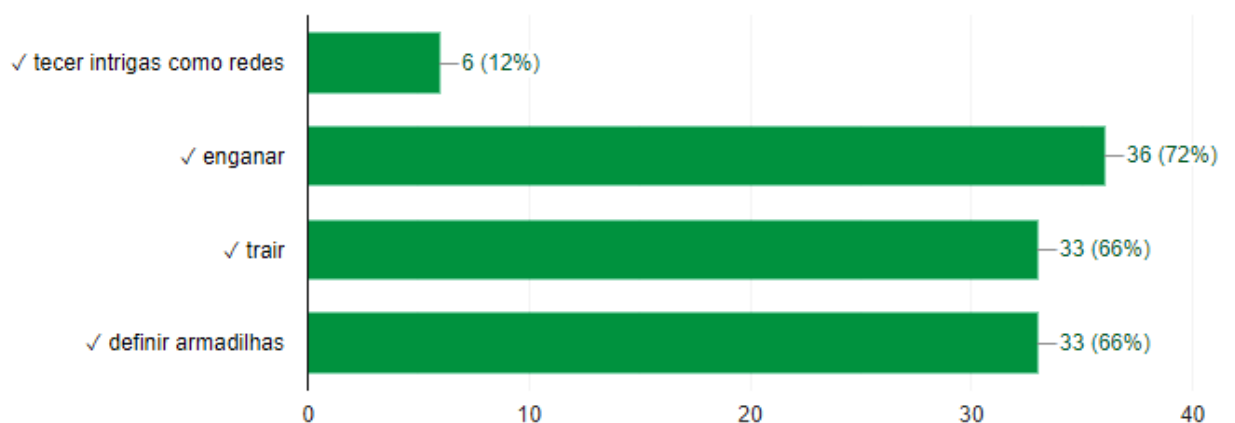

График 68 – Фразеологический аналог в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение фразеологизма *готовить сети* было представлено в виде следующих семантических компонентов: плести интриги словно сети (порт. *tecer intrigas como redes*); обманывать (порт. *enganar*); предавать (порт. *trair*); ставить ловушки (порт. *definir armadilhas*).

Данные экспериментальной верификации показали, что в большинстве случаев носители португальского языка определяют значение фразеологизма как «обманывать» (64,3-72%), «предавать» (60,7-66%), «ставить ловушки» (48,2-66%). Образность фразеологизма, основанная на сравнении интриг с сетями (плести / готовить / расставлять сети → плести интриги), информантами практически не идентифицировалась в связи с тем, что португальские аналоги *conhecer ardis / montar logros* основаны на иных образах и отражают колорит иной культуры.

- **Описательный перевод (доместикация)**

Для определения адекватности описательного перевода фразеологических единиц были использованы фрагменты португальских переводов, содержащие реалию *хлеб-соль* (*recebida alegremente* – в переводе Д. Алвеса; *a boa hospitalidade* – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в виде графиков (см. График 69 и 70).

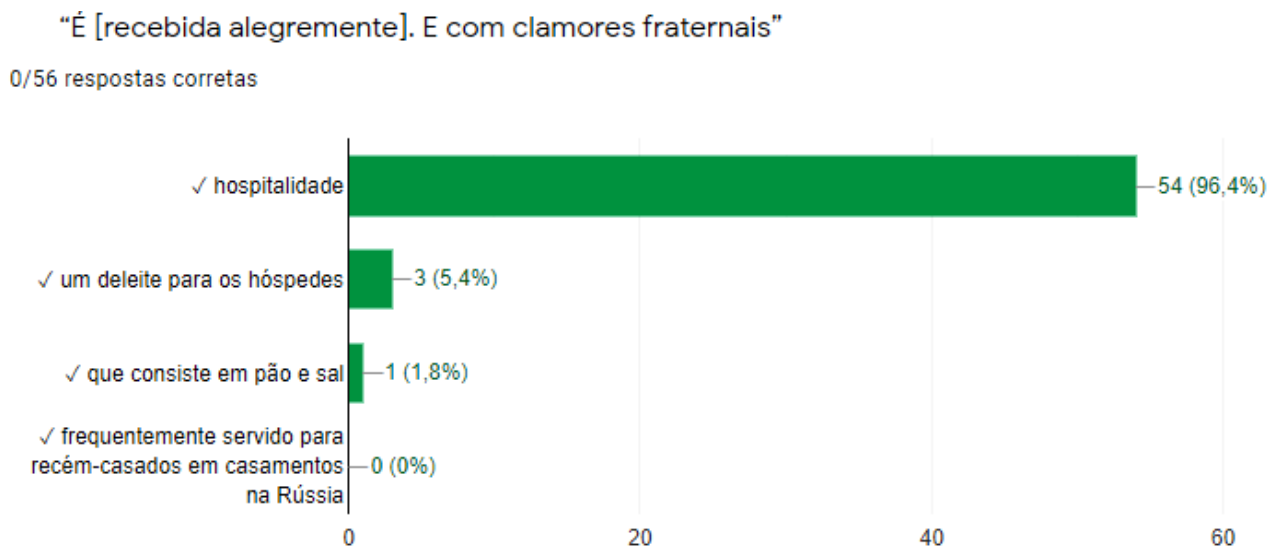

График 69 – Описание фразеологизмов в переводе Д. Алвеса

“Recebem-na com carinho em todo o lado, com brados, [a boa hospitalidade]”.

1/50 respostas corretas

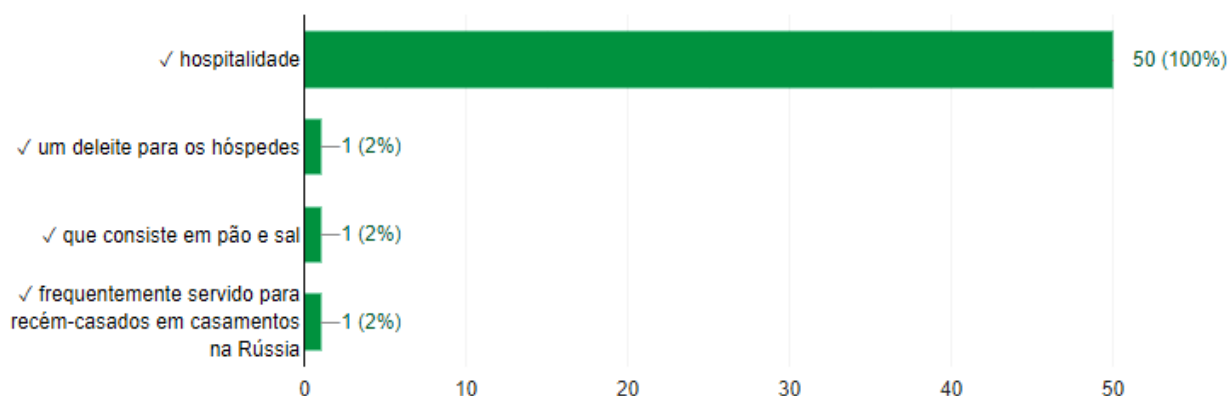

График 70 – Описание фразеологизмов в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение выражения хлеб-соль было разложено на семантические компоненты: гостеприимство (порт. hospitalidade); угощение для гостей (порт. deleite para os hóspedes); состоящее из хлеба и соли (порт. que consiste em pão e sal); часто подается молодоженам на свадьбе в России (порт. frequentemente servido para recém-casados em casamentos na Rússia).

В результате эксперимента было выявлено, что большинство носителей португальского языка определяют значение фразеологизма как «гостеприимство» (96,4-100%). Другие компоненты значения реалии информантами практически не идентифицировались, поскольку описательный перевод фразеологизма *хлеб-соль* не позволяет передать его образность и национально-культурный колорит.

- **Лексический перевод (доместикация)**

Адекватность лексического перевода фразеологических единиц определялась на примере фрагментов португальских переводов, содержащих реалию *как зюзя пьяный* (ébrio – в переводе Д. Алвеса; borracho – в переводе Н. Герра и Ф. Герра). Ответы респондентов представлены в графиках (см. График 71 и 72).

“[Ébrio] ele então foi feito preso Pelo francês refém de peso!”

2/57 respostas corretas

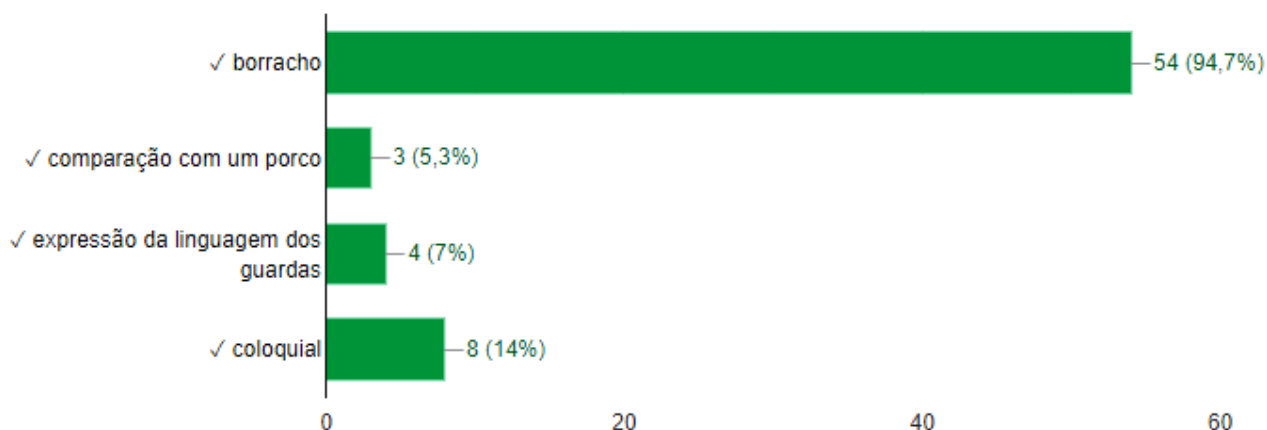

График 71 – Лексический перевод фразеологизмов в переводе Д. Алвеса

“num rebate, vai no cavalo calmuque, tão [borracho] que cai na lama do cavalo abaixo, corajosamente.

2/50 respostas corretas

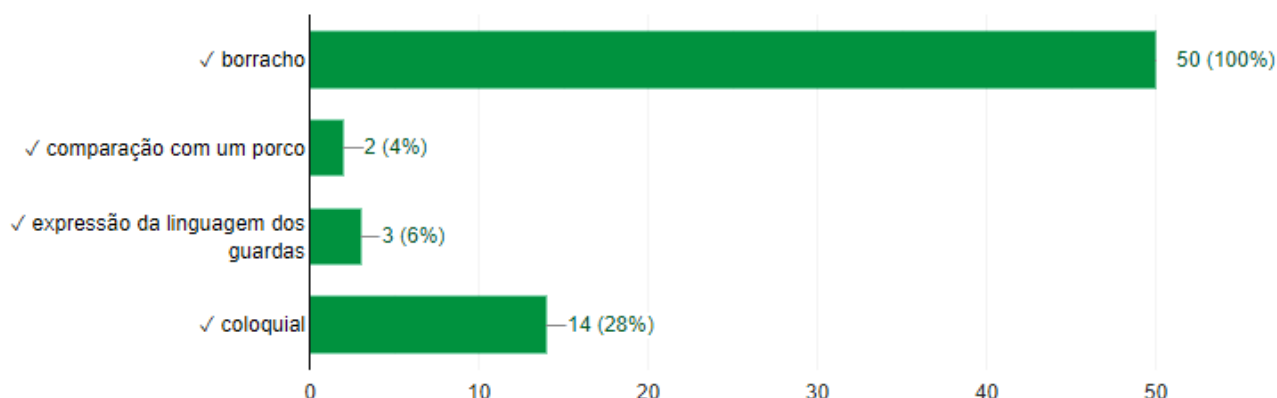

График 72 – Лексический перевод фразеологизмов в переводе Н. Герра и Ф. Герра

Значение фразеологизма было представлено в виде следующих семантических компонентов: пьяный (порт. *borracho*); сравнение со свиньей (порт. *comparação com um porco*); выражение из гвардейского языка (порт. *expressão da linguagem dos guardas*); разговорное (порт. *coloquial*).

Данные экспериментальной верификации показали, что большинство информантов определяли значение фразеологизма как «пьяный» (94,7-100%). Другие семантические компоненты значения реалии *как зюзя пьяный* практически не идентифицировались в связи с тем, что лексический перевод *ébrio / borracho* – «пьяный» не позволяет передать национально-культурную специфику выражения и его образность.

Таким образом, данные, полученные в результате переводческого эксперимента с участием носителей португальского языка, позволили выявить, что наиболее адекватным

способом перевода фразеологических единиц является фразеологический эквивалент, реализующий стратегию форенизации художественного текста.

2.5.6. Сопоставительный анализ данных количественной оценки и экспериментальной верификации

На завершающем этапе переводческого эксперимента оценка адекватности механизмов перевода всех групп русских реалий, сделанная на основании данных, полученных от носителей португальского языка (далее – Оценка 1), была сопоставлена с оценкой перевода реалий в соответствии с критериями модели перевода (далее – Оценка 2). Наиболее адекватные способы / стратегии перевода реалий каждой группы отражены в таблице (см. Таблица 51).

Группы	Оценка 1		Оценка 2	
	<i>Перевод Д. Алвеса</i>	<i>Перевод Н. Герра, Ф. Герра</i>	<i>Перевод Д. Алвеса</i>	<i>Перевод Н. Герра, Ф. Герра</i>
<i>Бытовые</i>	корреляция / форенизация	корреляция / форенизация	корреляция / форенизация	корреляция / форенизация
<i>Этнографические и природные</i>	корреляция / форенизация	корреляция / форенизация	корреляция, калькирование / форенизация	корреляция, калькирование / форенизация
<i>Ономастические</i>	корреляция, калькирование / форенизация	корреляция, калькирование / форенизация	корреляция, калькирование / форенизация	корреляция, калькирование / форенизация
<i>Фразеологические единицы</i>	фразеологический эквивалент / форенизация	фразеологический эквивалент / форенизация	фразеологический эквивалент / форенизация	фразеологический эквивалент / форенизация

Таблица 51 – Оценка адекватности способов и стратегий перевода реалий на португальский язык

Результаты сопоставительного анализа показали, что данные, полученные в ходе переводческого эксперимента, тождественны оценке адекватности перевода реалий в соответствии с критериями модели перевода в 14 из 16 пунктах.

Наиболее адекватным способом передачи *бытовых реалий* является корреляция, реализующая стратегию форенизации художественного текста. В связи с тем, что корреляция реалий в обоих переводах сопровождается дополнительными комментариями, реципиенты

перевода имели возможность идентифицировать все семантические компоненты значений этнокультурно-маркированных слов.

Согласно оценке по критериям модели перевода, наиболее адекватным способом передачи *этнографических и природных реалий* помимо корреляции является калькирование, что не подтверждается результатами переводческого эксперимента. Предположительно, данное расхождение связано с тем, что калькирование позволяет передать значения и национально-культурную специфику реалий только в тех случаях, когда оно сопровождается дополнительными комментариями переводчика, поясняющими значения переводимых слов. В ходе переводческого эксперимента были использованы примеры калькирования реалии *череп на гусиной шее* (*crânio em pescoço nu dum ganso* – в переводе Д. Алвеса; *crânio num pescoço de ganso* – в переводе Н. Герра и Ф. Герра), которые не сопровождались переводческими комментариями, что не позволило носителям португальского языка идентифицировать все семантические компоненты их значений и значительно снизило степень адекватности данного способа перевода.

В рамках группы *ономастических реалий* наиболее адекватными способами перевода выступают корреляция и калькирование, которые реализуют стратегию форенизации и позволяют ретранслировать значения реалий и их национально-культурную специфику в обоих португальских переводах.

При переводе *фразеологических единиц* наиболее адекватным способом передачи реалий является фразеологический эквивалент, реализующий стратегию доместикации и позволяющий передать не только значения фразеологизмов, но и их образность и колорит.

- Как видится, данные переводческого эксперимента с участием носителей португальского языка подтверждают выводы об адекватности перевода реалий, сделанные в соответствии с положениями разработанной модели оценки перевода и позволяют использовать данную модель при исследовании механизмов передачи культурно релевантной информации в русско-португальском художественном переводе.

Выводы по Главе 2

Во второй главе настоящей работы описаны особенности ретрансляции культурно релевантной информации в португальских переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» за авторством Дарио Алвеса и Нины и Филиппе Герра.

Поэтапное исследование на основе предложенной методики (сочетающей методы сопоставительного, сравнительного, контекстного и количественного анализа, а также метод переводческого эксперимента с участием реципиентов-носителей португальского языка) позволило выявить принципы ретрансляции культурно значимой информации на португальский язык, определить доминирующие и наиболее адекватные стратегии и средства перевода реалий, а также разработать и экспериментально апробировать модель передачи реалий в русско-португальском художественном переводе.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены принципы передачи культурно значимой информации на португальский язык в рамках четырех семантических групп реалий (бытовых, этнографических и природных, ономастических, фразеологических единиц), отражающие различие в подходах переводчиков к ретрансляции русского национально-культурного колорита. Например, при переводе реалии *щи* переводчики следуют противоположным стратегиям лингвокультурной адаптации, которые способствуют сохранению культурной специфики оригинала в тексте перевода или ее нейтрализации (ср.: *shchi* – в переводе Д. Алвеса; *sopa* – в переводе Н. Герра и Ф. Герра).

Следует отметить, что на настоящий момент в теории перевода не сложилась устоявшаяся система оценки адекватности перевода этнокультурно-маркированных единиц. В связи с этим в данной работе была предпринята попытка разработать модель перевода реалий, позволяющую определить адекватность выбора стратегии / средства передачи культурного кода с русского на португальский язык.

Результаты количественной оценки, выполненной в соответствии с критериями модели перевода, показали, что при передаче *бытовых реалий* на португальский язык авторы обоих переводов преимущественно используют уподобление, реализуя стратегию доместикации. С помощью уподобления переводчики наиболее полно раскрывают значения реалий, но нейтрализуют их колорит или же придают словам колорит своей родной культуры. По этой причине наиболее адекватными способами перевода реалий этой группы являются транскрипция и транслитерация, которые относятся к стратегии форенизации и во всех случаях использования позволяют сохранить в переводе русский национально-культурный колорит.

При переводе *этнографических и природных реалий* Дарио Алвес чаще всего использует описание, уподобление и гипонимию, а Нина и Филиппе Герра – описание и уподобление. Все перечисленные способы перевода позволяют частично передать значения реалий, но

нейтрализуют их национально-культурную окраску. В связи с этим наиболее высокая степень адекватности отмечается у менее частотных способов, таких как транслитерация и калькирование. Результаты анализа стратегий лингвокультурной адаптации показали, что в обоих переводах доминирующей стратегией является доместикация, однако форенизация имеет более высокий показатель адекватности.

Наиболее частотным способом передачи *ономастических реалий* на португальский язык в обоих переводах является корреляция. Поскольку корреляция – это одно из средств сохранения национально-культурного колорита реалий, форенизация является доминирующей стратегией лингвокультурной адаптации при переводе онимов. Результаты анализа адекватности способов передачи ономастических реалий показали, что в переводе Дарио Алвеса наиболее оптимален выбор транслитерации и калькирования, а в тексте Нины и Филиппе Герра – калькирования и транскрипции. В связи с тем, что все эти средства служат для сохранения национально-культурного колорита реалий, наиболее адекватной стратегией перевода онимов является форенизация. Полученные выводы об адекватности механизмов перевода ономастических реалий были полностью подтверждены результатами экспериментальной верификации с участием носителей португальского языка.

Передача *фразеологических единиц* на португальский язык в обоих переводах преимущественно осуществлялась при помощи описания. Поскольку описательный перевод используется для приближения текста к нормам принимающей культуры, доминирующей стратегией в обоих переводах является доместикация. Однако в результате анализа адекватности способов и стратегий передачи реалий было выявлено, что, несмотря на частотность описательного перевода, наиболее адекватным способом передачи фразеологизмов является фразеологический эквивалент, который реализует стратегию форенизации реалий и позволяет передать не только значение единиц, но и их национально-культурную окраску.

В связи с тем, что оценка адекватности механизмов передачи реалий была выполнена в соответствии с критериями разработанной модели перевода, представлялось необходимым дополнительно верифицировать ее положения эмпирическим путем. Для этой цели был проведен переводческий эксперимент с участием информантов-носителей португальского языка.

Результаты эксперимента показали, что наиболее адекватной стратегией передачи всех групп реалий является форенизация, реализованная переводчиками при помощи различных средств лингвокультурной адаптации. Данный факт обусловлен тем, что отчуждающий перевод позволяет носителям португальского языка наиболее полно идентифицировать значения и культурную специфику русских реалий, в то время как приближение культуры оригинала к культуре реципиента ведет к частичной или полной утрате национально-культурного колорита оригинала в тексте перевода.

В общей сложности данные переводческого эксперимента подтвердили оценку адекватности механизмов передачи русских реалий на португальский язык, сделанную в соответствии с критериями модели перевода, в 14 из 16 текстах оценки. Как видится, данный факт обосновывает возможность использования предложенной модели для исследования механизмов ретрансляции национально-культурного колорита в переводах романа «Евгений Онегин» на португальский язык.

Представляется, что результаты, полученные в ходе настоящего исследования, свидетельствуют о закономерностях выбора стратегии / средства передачи русских реалий, которые обусловлены рядом объективных причин лингвистического и экстралингвистического характера. Разработанная на материале русско-португальских соответствий модель оценки адекватности перевода этнокультурно специфических единиц позволяет определить адекватные стратегии и средства передачи реалий в художественном переводе и может служить инструментом, способствующим преодолению межъязыковой интерференции при переводе художественных произведений с русского на португальский язык.

Таким образом, поэтапная методика исследования перевода реалий позволила выявить механизмы ретрансляции культурно значимой информации в русско-португальском художественном переводе, а также определить адекватность стратегий и средств передачи реалий в русско-португальской паре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в рамках частной теории перевода и посвящено выявлению и систематизации стратегий и средств передачи национально-культурного колорита при переводе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык.

При ретрансляции культурного кода художественного произведения переводчик сталкивается с рядом трудностей, связанных с различием языковых картин мира автора оригинала и переводчика. Текст на иностранном языке воспринимается переводчиком через призму языковой культуры иноязычного социума и адаптируется в соответствии с его родным языком и культурой. Причиной интерференции при переводе является наличие определенных национально-специфических языковых форм в одном языке и отсутствие их эквивалентов в другом. Кроме того, трудности в процессе перевода возникают в ситуации, когда описанные в оригинале явления отсутствуют в принимающей культуре, что может привести к некорректному восприятию переведенного текста его читателями, носителями иной культуры. Различия культур России, Португалии и Бразилии, которые находят отражение в языке и способствуют возникновению лингвокультурного барьера при переводе с русского на португальский язык, обусловили необходимость в проведении сравнительно-сопоставительного исследования, направленного на выявление стратегий и средств передачи культурно значимой информации и определение их адекватности в русско-португальском художественном переводе.

Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» широко известен за рубежом и переведен на многие языки мира, однако первые португальские переводы «энциклопедии русской жизни» вышли в свет только в XXI веке. По этой причине настоящее исследование обращено к изучению механизмов передачи культурного кода в португальских переводах пушкинского романа, выполненных Дарио Алвесом и Ниной и Филиппе Герра, которые ранее не вводились в исследовательское поле переводоведения.

Специфика португальских переводов романа «Евгений Онегин» заключается и в том, что они выполнены без опоры на традиции школы перевода. В данный момент португальская переводческая традиция находится в стадии формирования, переводчики определяют первые подходы к переводу художественных произведений русской литературы. Такое положение дел связано с тем, что в отличие от других стран активная коммуникация и культурный обмен России с Бразилией и Португалией начались только в период Нового времени. Кроме того, в отечественном переводоведении, работы, направленные на изучение португальских переводов русской классики, немногочисленны и не охватывают проблему передачи культурного кода. В связи с этим проведенное исследование с целью изучения одной из наиболее важных проблем при переводе «энциклопедии русской жизни», а именно передачи русского национально-

культурного колорита, способствует развитию положений, связанных с проблемой ретрансляции культурного кода в русско-португальском художественном переводе.

В результате анализа лингвистической литературы было выявлено, что одними из основных носителей культурно значимой информации в тексте художественного произведения являются реалии. Применительно к задачам настоящего исследования реалии рассматриваются как безэквивалентные языковые единицы с ярко выраженным национально-культурным содержанием, которые, как правило, не имеют точных эквивалентов в других языках и требуют особого подхода при переводе.

Классификация реалий в работах ученых производится на основе различных принципов: в соответствии с лингвистической природой знака, выражением культурного компонента в семантике реалии, принадлежностью к лексико-семантической группе, по местному признаку, временному признаку и семиотическому признаку. В настоящей работе классификация и последующая систематизация реалий были произведены в соответствии с известной классификацией В. С. Виноградова, в основе которой лежит семантический принцип деления. Такой подход позволил наиболее полно представить механизмы передачи русского национально-культурного колорита пушкинского романа на португальский язык, поскольку принадлежность слов к определенному тематическому классу обуславливает ряд специфических особенностей их перевода.

Различие языковых картин мира носителей русского и португальского языков является причиной возникновения трудностей, для преодоления которых переводчикам необходимо адаптировать текст произведения при помощи различных стратегий и способов передачи культурного кода. Способы перевода рассматриваются в данной работе как средства реализации той или иной стратегии лингвокультурной адаптации текста, направленные на достижение эквивалентности / адекватности единиц перевода оригиналу. Поскольку стратегии и способы перевода никогда не изолированы друг от друга, выбор наиболее адекватной стратегии в каждой конкретной переводческой ситуации обусловлен рядом факторов, среди которых цель, задачи, уровень владения иностранным языком, культурная принадлежность переводчика и др.

Выявление особенностей функционирования механизмов передачи культурно значимой информации на португальский язык производилось в соответствии с поэтапной методикой исследования перевода реалий, которая включала составление параллельного переводческого корпуса, классификацию и систематизацию реалий, а также сопоставительный и статистический анализ стратегий и средств передачи реалий на португальский язык. Предложенная методика позволила выявить принципы ретрансляции культурно релевантной информации в португальских переводах романа «Евгений Онегин» и определить адекватность механизмов передачи культурного кода в русско-португальском художественном переводе.

Важно отметить, что в данный момент в теории перевода отсутствуют четкие критерии оценки адекватности передачи этнокультурно-маркированной лексики. В этой связи в рамках настоящего исследования была разработана модель перевода реалий, в основу которой положены критерии эквивалентности / адекватности единиц перевода единицам оригинала. Модель оценки перевода реалий позволяет определить оптимальность выбора механизмов передачи культурно значимой информации в русско-португальском художественном переводе и способствует усовершенствованию методологии анализа перевода художественных текстов с русского на португальский язык.

Для верификации положений разработанной модели перевода, в соответствии с которыми производилась оценка адекватности стратегий и средств перевода русских реалий на португальский язык, был проведен переводческий эксперимент с участием информантов-носителей португальского языка. Формат данного эксперимента впервые разработан в рамках настоящей работы и направлен на определение качества перевода путем выявления наиболее адекватных механизмов передачи реалий на основании данных, полученных от реципиентов переводного текста. В ходе эксперимента информантам предлагалось определить значения русских реалий на материале португальских переводов пушкинского романа. Предполагалось, что при адекватном переводе носители португальского языка способны верно идентифицировать семантические компоненты значений русских реалий. Ответы носителей португальского языка сопоставлялись с оценкой адекватности стратегий и средств передачи реалий, выполненной в соответствии с критериями модели перевода, и служили основанием для верификации положений модели оценки перевода реалий в русско-португальском художественном переводе.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили выявить доминирующие и методологически адекватные стратегии и средства передачи русского культурного кода на португальский язык в рамках четырех тематических групп реалий (бытовые, этнографические и природные, ономастические и фразеологические единицы).

В обоих переводах доминирующим способом передачи *бытовых реалий* на португальский язык является уподобление, реализующее стратегию доместикации. Уподобление позволяет переводчикам передать значения слов, что тем не менее нередко ведет к нейтрализации их национально-культурной окраски (ср.: рус. *избушка* – порт. *casal* (букв. ферма, хутор)). Наибольший показатель адекватности отмечается у транскрипции и транслитерации, которые относятся к стратегии форенизации и дают возможность не только передать значения реалий, но и сохранить в переводе русский национально-культурный колорит, что было подтверждено в ходе экспериментальной верификации с участием носителей португальского языка (ср.: рус. *квас* – порт. *kvas*).

Для перевода *этнографических и природных реалий* Дарио Алвес чаще всего обращается к описательному, уподобляющему и гипо-гиперонимическому переводу, а Нина и Филиппе Герра преимущественно используют описание и уподобление. Обозначенные способы перевода позволяют частично передать значения слов, но нейтрализуют их национально-культурную окраску или же ведут к перенационализации русских реалий (ср.: рус. *хоровод* – порт. *ciranda* (букв. бразильский народный танец)). Согласно оценке перевода реалий данной группы наиболее высокая степень адекватности отмечается у таких способов, как транслитерация и калькирование (транслитерация – по данным экспериментальной верификации), что обусловлено способностью воспроизведения культурной специфики оригинала в тексте перевода. Доминирующей стратегией ретрансляции этнографических и природных реалий является доместикация, однако форенизация реалий имеет более высокую степень адекватности, так как позволяет сохранить в переводе русский национально-культурный колорит (ср.: рус. *Балалайка* – порт. *balalaica*).

При переводе *ономастических реалий* переводчики преимущественно используют корреляцию. В связи с тем, что корреляция способствует сохранению национально-культурного колорита реалий, форенизация выступает наиболее частотной стратегией лингвокультурной адаптации при переводе ономастических единиц (ср.: рус. *Чадаев* – порт. *Tchadaiev*). Данный факт обусловлен тем, что имена собственные традиционно вводятся в текст перевода посредством транскрипции и транслитерации. Результаты оценки адекватности способов и стратегий передачи ономастических реалий и данные, полученные от носителей португальского языка, показали, что для перевода реалий данной группы наиболее оптимален выбор корреляции и калькирования, реализующих стратегию форенизации, поскольку все эти средства служат для сохранения национально-культурного колорита реалий в тексте перевода.

Наиболее частотным способом передачи *фразеологических единиц* является описание. Описательный перевод позволяет приблизить культуру оригинала к нормам принимающей культуры, в связи с чем стратегия доместикации доминирует в обоих португальских переводах (ср.: рус. *хлеб-соль* – порт. *recebida alegremente* (букв. радостная встреча)). Результаты анализа адекватности способов и стратегий передачи реалий показали, что описательный перевод русских фразеологизмов ведет к утрате их образности и национально-культурного колорита. По этой причине наиболее адекватным средством передачи фразеологизмов является фразеологический эквивалент, реализующий стратегию форенизации реалий и позволяющий сохранить их национально-культурную специфику, что подтверждают данные экспериментальной верификации, полученные от реципиентов перевода (ср.: рус. *жажда крови* – порт. *febre de sangue*).

Итак, данные переводческого эксперимента с участием носителей португальского языка подтвердили выводы об адекватности выбора стратегий и средств передачи реалий, сделанные

на основании критериев модели перевода, что позволяет использовать разработанную модель для исследования механизмов ретрансляции национально-культурного колорита в португальских переводах романа «Евгений Онегин». Представляется, что полученные результаты вносят вклад в развитие культурологического направления частной теории перевода и способствуют формированию русско-португальской переводческой традиции.

Отметим, что оригинальная концепция переводческого эксперимента, предложенная в настоящей работе, позволяет стандартизировать качество перевода и определить наиболее адекватные подходы к переводу русской классики на португальский язык на основании данных, полученных эмпирическим путем. Настоящая концепция может быть экстраполирована на другие пары языков и, как представляется, будет способствовать развитию нового экспериментального направления в рамках общей теории перевода.

В качестве перспективы дальнейшего исследования видится применение предложенной методики перевода реалий для исследования иных переводов художественной литературы в русско-португальской паре. Разработанная модель перевода реалий и концепция переводческого эксперимента могут также быть использованы для изучения вопросов ретрансляции культурного кода в переводе на материале других языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеева, И. С.** Введение в переводоведение : Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений / И. С. Алексеева. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с. – ISBN 5-8465-0101-X (Филологический факультет СПбГУ). – ISBN 5-7695-1542-2 (Издательский центр «Академия»).
2. **Ахманова, О. С.** Словарь лингвистических терминов : лингвостилистика, синтаксис, морфология, фономорфология, фонетика, лексикология : около 7000 терминов / О. С. Ахманова. – 5-е издание. – Москва : Либроком : URSS, 2009. – 576 с. – ISBN 978-5-397-00901-0.
3. **Бабаскина, Е. Г.** Факторы формирования познавательной активности студентов в процессе овладения переводческой стратегией / Е. Г. Бабаскина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 4(28). – С. 202–206.
4. **Бабкин, А. М.** Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – 2-е издание. – Москва : Либроком : URSS, 2009. – 264 с. – ISBN 978-5-397-00788-7.
5. **Балли, Ш.** Французская стилистика / Ш. Балли. – пер. с фр. – 3-е издание. – Москва : URSS, 2009. – 384 с. – ISBN 978-5-397-00124-3.
6. **Баранов, А. Н.** Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва : Знак, 2008. – 656 с. – ISBN 5-9551-0235-3.
7. **Баранов, А. Н.** Основы фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 310 с. – ISBN 978-5-9765-1567-3.
8. **Бархударов, Л. С.** Язык и перевод : Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – 2-е издание. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с. – ISBN 978-5-382-00577-5.
9. **Бахтин, М. М.** Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
10. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е издание. – Москва : Книга по Требованию, 2012. – 445 с. – ISBN 978-5-458-23202-9.
11. **Белинский, В. Г.** Собрание сочинений в 9-ти томах / В. Г. Белинский. – Т. 3. Статьи, рецензии, заметки : февраль 1840 – февраль 1841. – Москва : Художественная литература, 1978. – 614 с.

12. **Белинский, В. Г.** Статья восьмая : «Евгений Онегин». Статья девятая. «Евгений Онегин» (Окончание) / В. Г. Белинский. – Москва : Директ-Медиа, 2012. – 133 с. – ISBN 978-5-4458-0060-6.
13. **Бельчиков, Ю. А.** К вопросу о соотношении и взаимодействии культуры и языка / Ю. А. Бельчиков // Россия и Запад : Диалог культур. – Москва : МГУ, Центр по изучению взаимодействия культур, 1997. – С. 12–17.
14. **Бизикоева, Л. С.** Лингвокультурные реалии осетинского языка и способы их перевода на русский, французский и английский языки : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дис. ... канд. филол. наук / Бизикоева Лана Сергеевна. – Владикавказ, 2015. – 178 с.
15. **Богинская, А. П.** О «качественном обеднении» в переводе (на примере французских переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») / А. П. Богинская // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2017. – № 5. – С. 154–164.
16. **Богинская, А. П.** Проблема передачи поэтической формы (на материале французских переводов «Евгения Онегина») / А. П. Богинская // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 2(28). – С. 149–156.
17. **Болдырев, Н. Н.** Взаимодействие первичных и вторичных структур в языковой картине мира как фактор ее динамики / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3(46). – С. 26–31.
18. **Бугреева, Е. А.** Переводы и переводчики произведений А. С. Пушкина, на английский язык : история и современность / Е. А. Бугреева // Язык. Культура. Коммуникация. – 2018. – № 21. – С. 8–23.
19. **Будагов, Р. А.** О предмете языкознания / Р. А. Будагов. – Москва : Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXXI. – Вып. № 5. – 1972. – С. 401–412.
20. **Булгакова, С. Ю.** Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И. А. Бунина : специальность 10.02.05 «Романские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Булгакова Светлана Юрьевна. – Воронеж, 2013. – 226 с.
21. **Бутенина, Е. М.** Транскультурный код «Евгения Онегина» в поэтическом романе США / Е. М. Бутенина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 48. – С. 158–172.
22. **Валгина, Н. С.** Теория текста : Учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 278 с. – ISBN 5-94010-187-9.
23. **Валеева, Н. Г.** Введение в переводоведение : курс лекций / Н. Г. Валеева. – Москва : РУДН, 2006. – 85 с. – ISBN 5-209-02110-6.

24. **Валуйцева, И. И.** Диалог или борьба культур? (о некоторых аспектах межкультурного общения) / И. И. Валуйцева, Г. Т. Хухуни // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 24. – С. 153–159.
25. **Вежбицкая, А.** Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – пер. с англ. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 287 с. – ISBN 5-7859-0189-7.
26. **Верещагин, Е. М.** Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Русский язык, 1980. – 320 с.
27. **Верещагин, Е. М.** Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с. – ISBN 5-85759-289-5.
28. **Вине, Ж.-П.** Технические способы перевода / Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей. – Москва : Международные отношения, 1978. – С. 157–167.
29. **Виноградов, В. С.** Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – Москва : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с. – ISBN 5-7552-0041-6.
30. **Виноградов, В. В.** О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 654 с.
31. **Виноградов, В. В.** Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – Москва : Просвещение, 1977. – С. 140–161.
32. **Виноградов, В. С.** Перевод : Общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – 2-е издание, перераб. – Москва : Книжный дом Университет, 2004. – 235 с. – ISBN 5-98227-018-0.
33. **Вишневская, Е. М.** Толкование и передача национальных черт языка в условиях контакта культур / Е. М. Вишневская, Э. В. Нерсесова, И. В. Зоц // Филология : научные исследования. – 2018. – № 3. – С. 146–155.
34. **Влахов, С. И.** Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – Москва : Валент, 2009. – 360 с. – ISBN 978-5-93439-256-8.
35. **Войнич, И. В.** «Золотая середина» как стратегия перевода : о (не) возможности ее достижения / И. В. Войнич // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 1 (20). – С. 41–45.
36. **Войнич, И. В.** Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Войнич Ирина Владимировна. – Пермь, 2010. – 234 с.

37. **Волкова, Т. А.** Переводческий эксперимент и развитие экспериментального переводоведения в российской науке о переводе / Т. А. Волкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 4. – С. 102–116. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.4.9.
38. **Володина, Т. С.** Понятие «стратегия перевода» в рамках когнитивно-деятельностной парадигмы : на материале лингвистических монографий / Т. С. Володина // Язык и Культура (JAZYK A KULTÚRA), Словакия. – 2015. – № 23–24. – С. 360–369.
39. **Воробьев, В. В.** Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – Москва : Российский Университет дружбы народов, 2008. – 336 с. – ISBN 978-5-209-02717-1.
40. **Воробьева, Е. В.** Приключения Александра Сергеевича в Скандинавии, или история переводов произведений Пушкина на шведский, датский и норвежский языки / Е. В. Воробьева // Studia Litterarum. – 2020. – Т. 5. – № 1. – С. 308–325.
41. **Воюцкая, А. А.** Процесс принятия решений в переводе : теория дуального процесса мышления / А. А. Воюцкая // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2019. – № 2. – С. 3–12.
42. **Гарбовский, Н. К.** Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – Москва : Издательство МГУ, 2007. – 544 с. – ISBN 5-211-04802-4.
43. **Гаспаров, М. Л.** Избранные труды. Т. 1. О поэтах / М. Л. Гаспаров. – Москва : Карамзин, 2018. – 588 с. – ISBN 978-5-98923-813-2.
44. **Гачев, Г. Д.** Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – Москва : Институт Ди-Дик, 1999. – 366 с. – ISBN 5-93311-007-8.
45. **Гачев, Г. Д.** О национальных картинах мира / Г. Д. Гачев // Народы Азии и Африки. – 1967. – № 1. – С. 80–85.
46. **Гейко, Н. Р.** Перевод общественно-политических реалий / Н. Р. Гейко // Молодежь и наука : проблемы современной филологии и методики преподавания филологических дисциплин : материалы VI международной молодежной научно-практической заочной конференции, Ульяновск, 18–19 апреля 2015 г. – Ульяновск : УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2015. – С. 140–145.
47. **Гильмуллина, Е. А.** Оценка качества перевода : квантитативно-системный подход : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гильмуллина Евгения Андреевна. – Санкт-Петербург, 2016. – 26 с.
48. **Гончаренко, С. Ф.** Поэтический перевод и перевод поэзии : константы и вариативность / С. Ф. Гончаренко // Мосты. Журнал переводчиков. – 2018. – № 1(57). – С. 3–14.

49. **Горшкова, В. Е.** Экология межкультурного взаимодействия (на материале современного французского кино) / В. Е. Горшкова // Экология. Коммуникация. Перевод : материалы всероссийской онлайн-конференции, посвящённой 15-летию кафедры перевода и межкультурной коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков Бурятского государственного университета, Улан-Удэ, 30–01 октября 2020 г. ; науч. и отв. ред. П.П. Дашинимаева. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2020. – С. 18–27. – DOI 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-18-27.
50. **Греф, Е. Б.** Особенности перевода слов-реалий (на материале романов Грэма Свифта) / Е. Б. Греф // Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве : Материалы III международной научно-практической конференции, Псков, 26–28 апреля 2017 г. – Киев : Логос, 2017. – С. 19–24.
51. **Гридина, Т. А.** Психолингвистический анализ восприятия имен собственных в переводном художественном тексте (на материале романа У. Голдинга «Свободное падение») / Т. А. Гридина, А. Е. Мошкина // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2015. – № 4. – С. 57–70.
52. **Груздев, Д. Ю.** Электронный корпус текстов как эффективный инструмент переводчика : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Груздев Дмитрий Юрьевич. – Москва, 2013. – 188 с.
53. **Гуревич, Д. Л.** Понятие «лексический бразилизм» и его интерпретация / Д.Л. Гуревич // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2019. – Т. 29. – № 3. – С. 398–407.
54. **Данилевский, Р. Ю.** О переводах поэзии и драматургии А. С. Пушкина на немецкий язык / Р. Ю. Данилевский // Пушкин А. С. Избранная поэзия в переводах на немецкий язык. – Москва : Рудомино : Радуга, 1999. – С. 5–14.
55. **Данилова, В. А.** «Энциклопедия русской жизни» на португальском языке лингвокультурная адаптация на лексическом уровне / В. А. Данилова, И. В. Тивьяева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 4. – С. 169–179.
56. **Данчевская, О. Е.** Исследование цветовых архетипов (на материале русского и португальского языков) / О. Е. Данчевская // Преподаватель XXI век. – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 305–320.
57. **Денисова, Г. В.** Социокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации / Г. В. Денисова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – Т. 26. – № 3. – С. 127–148. – DOI 10.24290/1029-3736-2020-26-3-127-148.

58. **Добродомов, И. Г.** Лексика и фразеология «Евгения Онегина» : Герменевтические очерки / И. Г. Добродомов, И. А. Пильщиков. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 312 с. – ISBN 5-9551-0229-9.
59. **Дорофеева, Е. А.** Пушкин в мировой литературе / Е. А. Дорофеева // Альманах северо-европейских и балтийских исследований : электронное издание. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2019. – № 4. – С. 110–117.
60. **Дымант, Ю. А.** Пограничные явления в автопереводах Владимира Набокова / Ю. А. Дымант // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2019. – № 46. – С. 11–19.
61. **Егорова, Т. А.** Проблема определения адекватности и эквивалентности перевода / Т. А. Егорова // Вестник науки и образования. – 2018. – № 18–1(54). – С. 79–82.
62. **Емельянова, Я. Б.** Поэтапное формирование навыков перевода культурно-маркированных языковых средств в процессе профессиональной подготовки переводчиков / Я. Б. Емельянова // Непрерывное образование : XXI век. – 2015. – № 4(12). – С. 42–53.
63. **Кабакчи В. В.** Введение в интерлингвокультурологию / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУЭФ, 2012. – 252 с. – ISBN 978-5-7310-2836-3.
64. **Казакова, Т. А.** Художественный перевод : теория и практика : учебник / Т. А. Казакова. – Санкт-Петербург : ИнЪязиздат, 2006. – 535 с. – ISBN 5-98910-012-4.
65. **Калянова, Л. М.** О проблеме понятий адекватности и эквивалентности перевода / Л. М. Калянова // Перспективы науки. – 2019. – № 2(113). – С. 156–159.
66. **Карасик, В. И.** О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы коммуникативной деятельности. Сборник научных трудов. – Волгоград : Перемена, 2001. – С.3–16.
67. **Карасик, В. И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с. – ISBN 5-7333-0143-0.
68. **Карпенко, Г. Ю.** О «мужской» поэтике А.С. Пушкина, или о смыслопорождающих возможностях одного уподобления : Ольга Ларина = Филлида / Г. Ю. Карпенко // Вестник Томского Государственного университета. Серия : Филология. – 2020. – № 64. – С. 145–166.
69. **Катермина, В. В.** Имя собственное как носитель национально-культурной информации / В. В. Катермина // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – № 4. – С. 166–174.

70. **Кашкин, И. А.** В борьбе за реалистический перевод / И. А. Кашкин // Вопросы художественного перевода : сборник статей. – Москва : Советский Писатель, 1955. – С. 120–164.
71. **Княжева, Е. А.** Оценка качества перевода в русле методологии системного анализа / Е. А. Княжева, Е. А. Пирко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 145–151.
72. **Ковшова, М. Л.** Традиционные смыслы и сквозные образы в поговорках и идиомах (на материале русских единиц с костюмными компонентами) // М. Л. Ковшова // Фольклорная фразеология : Проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. Коллективная монография ; отв. ред. В. М. Мокиенко. – Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Institut für Slawistik, 2018. – P. 195–205.
73. **Комиссаров, В. Н.** Современное переводоведение : учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС, 2004. – 424 с. – ISBN 5-93386-030-1.
74. **Комиссаров, В. Н.** Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков / В. Н. Комиссаров. – Москва : Альянс, 2013. – 250 с. – ISBN 978-5-91872-024-0.
75. **Косарик, М. А.** Проблематика межкультурной коммуникации при изучении португальского языка / М. А. Косарик // Вопросы иберо-романского языкознания. Выпуск № 7 (юбилейный). Посвящается 80-летию профессора В. В. Виноградова. – Москва : Издательство МГУ, 2005. – С. 83–92.
76. **Кравченко, А. В.** Методологические основания когнитивного анализа значения / А. В. Кравченко // Когнитивный анализ слова. – Иркутск : Издательство ИГЭА, 2000. – С. 8–32. – ISBN 5-7253-0467-1.
77. **Красных, В. В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : Курс лекций / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с. – ISBN 5-94244-009-3.
78. **Кретов, А. А.** Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 7–13.
79. **Кретов, А. А.** Реноминация как проблема переводоведения / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 154–157.
80. **Кунин, А. В.** Курс фразеологии современного английского языка : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности иностранные языки / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2005. – 479 с. – ISBN 5-9279-0047-X.

81. **Кунин, А. В.** Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря : дис. ... д-ра филол. наук / Кунин Александр Владимирович. – Москва, 1964. – 1229 с.
82. **Кунцевич, С. Е.** Грамматические трудности перевода : учебное пособие для старших курсов факультета английского языка / С. Е. Кунцевич, Н. Ф. Смирнова. – Минск : МГЛУ, 1999. – 64 с.
83. **Кучешева, И. Л.** Анализ топонимов и антропонимов в составе мифонимов библейского происхождения через призму лингвокультурологии (на материале английского и немецкого языков) / И. Л. Кучешева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 3. – С. 118–125. – DOI 10.17238/issn2227-6564.2017.3.118.
84. **Ланчиков, В. К.** Историческая стилизация в синхроническом художественном переводе // Вестник МГЛУ ; отв. ред. В. К. Ланчиков. – 2002. – № 463 : Перевод и дискурс. – С. 115–122.
85. **Латышев, Л. К.** Технология перевода : учебное пособие. по подготовке переводчиков / Л. К. Латышев. – Москва : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с. – ISBN 5-89191-022-5.
86. **Леви-Стросс, К.** Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с. – ISBN 5-04-008349-1.
87. **Левый, И.** Искусство перевода / И. Левый ; пер. с чешского В. Россельса. – Москва : Прогресс, 1974. – 396 с.
88. **Лейтон, Л. Г.** Пушкин в англоязычном мире / Л. Г. Лейтон // Вестник Российской Академии Наук. – 1999. – Т. 69. – № 2. – С. 135–139.
89. **Липгарт, А. А.** Поэтические произведения А. С. Пушкина в переводах на английский язык / А. А. Липгарт // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сборник научных трудов к юбилею профессора Г. Г. Молчановой. – Москва : Тезаурус, 2015. – С. 48–54.
90. **Львовская, З. Д.** Современные проблемы перевода / З. Д. Львовская ; пер. с исп. – Москва : URSS, 2008. – 219 с. – ISBN 978-5-382-00125-8.
91. **Лютавина, Е.А.** Реалии как лингвистическое явление / Е.А. Лютавина // Молодой ученый. – 2015. – № 14(94). – С. 488–490.
92. **Лядова, Н. А.** Переводческие стратегии : скопос текста оригинала vs скопос текста перевода / Н. А. Лядова, Л. В. Кушникова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2015. – № 1. – С. 3–9.

93. **Маслова, В. А.** Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – 256 с. – ISBN 978-985-517-455-5.
94. **Маслова, В. А.** Лингвокультурология. Введение : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Маслова. – отв. ред. У. М. Бахтикиреева – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юрайт, 2019. – 208 с. – ISBN 978-5-534-06586-2.
95. **Маслова, К. А.** Свободный ассоциативный эксперимент как инструмент исследования концепта «патриотизм» / К. А. Маслова // *Linguistica Juvenis*. – 2017. – № 19. – С. 158–167.
96. **Матвеева, Ю. О.** Способы перевода английских фразеологических единиц с компонентом-музыкальным термином на русский язык / Ю. О. Матвеева, Е. Ф. Арсентьева // *Филология и культура. Philology and Culture*. – 2016. – № 3(45). – С. 39–44.
97. **Мендонса Жоау, Ж. К.** Португальцы о русских и русские о португальцах : культурный шок? Особенности взаимовосприятия двух народов / Ж. К. Мендонса Жоау, М. С. Хван // *Ибероамериканские тетради*. – 2013. – № 1. – С. 483–509.
98. **Метревели, М. Г.** Психолингвистический и лингвокультурный аспекты перевода / М. Г. Метревели // *Русский язык и культура в зеркале перевода*. – 2018. – № 1. – С. 351–360
99. **Микаэлян, Ю. И.** Россия в Бразилии : взаимодействие культур (опыты перевода) / Ю. И. Микаэлян // *Концепт : философия, религия, культура*. – 2017. – № 2(2). – С. 95–100.
100. **Минченков, А. Г.** Когнитивно-эвристическая модель перевода : на материале английского языка специальность 10.02.04 «Германские языки», 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Минченков Алексей Генриевич. – Санкт-Петербург, 2008. – 43 с.
101. **Миронова, Н. Н.** Семиотика стихосложения А. С. Пушкина в рецепции переводчиков / Н. Н. Миронова // *Русский язык и культура в зеркале перевода*. – 2019. – № 1. – С. 205–212.
102. **Морозов, М. М.** Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык / М. М. Морозов. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – 146 с.
103. **Муравьев, В. Л.** Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков) / В. Л. Муравьев. – Владимир : Издательство Владимирского педагогического института, 1975. – 97 с.

104. **Наговицына, Н. В.** Языковое воплощение концепта ПАТРИОТИЗМ в современном русском языковом сознании (по данным цепочечного ассоциативного эксперимента) / Н. В. Наговицына // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 120–131. – DOI 10.24224/2227-1295-2017-11-120-131.
105. **Найда, Ю. А.** К науке переводить. Принципы соответствий / Ю. А. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – Москва : Международные отношения, 1978. – 137 с.
106. **Нелюбин, Л. Л.** История и теория перевода в России / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. – Москва : Издательство МГОУ, 2003. – 140 с. – ISBN 5-7017-0352-5.
107. **Нелюбин, Л. Л.** Наука о переводе : история и теория с древнейших времен до наших дней : учебное пособие / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. – Москва : Флинта : МПСИ, 2006. – 412 с. – ISBN 5-89349-721-X.
108. **Нелюбин, Л. Л.** Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – Москва : Флинта, 2018. – 320 с. – ISBN 978-5-89349-526-3.
109. **Ненарокова, М. Р.** Пушкинский «Арион» на английском языке : к проблеме полноценности переводов / М. Р. Ненарокова // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8. – № 4. – С. 794–810. – DOI 10.22363/2313-2299-2017-8-4-794-810.
110. **Нестерова, Н. М.** «С живой картины список бледный» : об английских переводах «Евгения Онегина» А. С. Пушкина / Н. М. Нестерова // Вестник Пермского научного центра УРО РАН, 2014. – № 4. – С. 26–35.
111. **Нестерова, О. А.** Лингвокультурема как маркер идентичности (на примере перевода на английский язык романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») / О. А. Нестерова, Е. Н. Соколова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 127–141. – DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-127-141.
112. **Николина, Н. Н.** Роль фоновых знаний в условиях межкультурной коммуникации / Н. Н. Николина // Лингвокультурология. – 2017. – № 11. – С. 99–107.
113. **Оболенская, Ю. Л.** Художественный перевод и межкультурная коммуникация : учебное пособие / Ю. Л. Оболенская. – Москва : Высшая школа, 2006. – 335 с. – ISBN 5-06-005021-1.
114. **Огнева, Е. А.** Художественный перевод : проблемы передачи компонентов переводческого кода / Е. А. Огнева. – 2-е издание, дополненное. – Москва : Эдитус, 2012. – 232 с. – ISBN 978-5-906162-11-3.

115. **Ортега-и-Гассет, Х.** Нищета и блеск перевода / Х. Ортега-и-Гассет // «Дегуманизация искусства» и другие работы : Эссе о литературе и искусстве : Сборник ; пер. с исп. – Москва : Радуга, 1991. – С. 518–542. – ISBN 5-05-002557-5.
116. **Основы межкультурной коммуникации : государственные и национально-культурные символы** : учебное пособие / Л. А. Борботько, Л. Г. Викулова, Л. А. Воробьева [и др.]. – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 277 с. – ISBN 978-5-9765-4270-9.
117. **Панова, А. Н.** Совершенствование профессиональной компетенции устного переводчика на завершающем этапе обучения средствами игрового моделирования / А. Н. Панова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1 – С. 232–236.
118. **Перевод и переводы. История и современность** / Г. Т. Хухуни, И. Ф. Беляева, И. И. Валуйцева, А. А. Осипова. – Москва : ФЛИНТА, 2018. – 100 с. – ISBN 978-5-9765-3869-6.
119. **Петрова, Е. Е.** Проблематика перевода культуронимов-реалий (на материале переводов русских народных сказок на английский язык) / Е. Е. Петрова // Июльские научные чтения : Сборник научных трудов по материалам III и II Международных научно-практических конференций, Смоленск, 24–31 июля 2017 г. – Смоленск : НОВАЛЕНСО, 2017. – С. 202–208.
120. **Погосов, А. А.** Развитие переводческого процесса : подход современных ученых // А. А. Погосов // Вестник военного университета. – 2009. – № 4(20). – С. 109–114.
121. **Попова, О. И.** Перевод реалий текстов туристического дискурса / О. И. Попова // Сборник трудов конференции «Академическая наука – проблемы и достижения», USA, North Charleston, 24–25 октября 2016 г. – USA, North Charleston, CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. – P. 151–155. – ISBN 978-1539815716.
122. **Разумовская, В. А.** «Сильные» тексты в переводе : пределы возможного и невозможного / В. А. Разумовская // Осенние коммуникативные чтения – 2018. Сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 29–30 ноября 2018 г. – Москва : КНОРУС, 2020. – С. 173–181.
123. **Разумовская, В. А.** Семантическая ситуация как единица художественного перевода (на материале ситуации гадания в романе «Евгений Онегин») / В. А. Разумовская // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 1(11). – С. 72–80.
124. **Райс, К.** Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике, 1978. – С. 202–228.

125. **Раренко, М. Б.** Перевод и культура : взаимосвязь и взаимовлияние / М. Б. Раренко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6 : Языкознание. Реферативный журнал. – 2019. – № 1. – С. 78–86.
126. **Ревзин, И. И.** Основы общего и машинного перевода : Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. – Москва : Высшая школа, 1964. – 243 с.
127. **Рейсер, С. А.** Революционные демократы в Петербурге / С. А. Рейсер. – Ленинград : Лениздат, 1957. – 166 с.
128. **Ремчукова, Е. Н.** Трудности перевода русской классики : роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на английском и французском языках / Е. Н. Ремчукова, Е. М. Недопёкина // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – Т. 24. – № 4. – Р. 945–968. – DOI 10.22363/2687-0088-2020-24-4-945-968.
129. **Реформатский, А. А.** Введение в языковедение : Учебник для филологических специальностей высших педагогических учебных заведений / А. А. Реформатский ; под ред. В. А. Виноградова. – Москва : Аспект-Пресс, 2001. – 536 с. – ISBN 5-7567-0046-3.
130. **Рецкер, Я. И.** Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – Москва : Аудитория, 2016. – 244 с. – ISBN 978-5-990-79430-6.
131. **Розенталь, Д. Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : Просвещение, 1976. – 543 с.
132. **Рудакова, А. В.** Круглый стол «Актуальные проблемы проведения и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов» / А. В. Рудакова, И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 4(30). – С. 312–319.
133. **Салям, Г.** Где же «золотая середина»? Перевод классики : Модернизация или стилизация? / Г. Салям // Художественный перевод : Проблемы и суждения : сборник статей, опубликованных в журнале "Дружба народов". – Москва : Известия, 1986. – С. 120–135.
134. **Сапрыкина, О. А.** Португальская национально-культурная идентичность в дискурсивной парадигме / О. А. Сапрыкина // Stephanos. – 2015. – № 2(10). – С. 173–180.
135. **Сардарова, А. А.** Переводчески релевантная лингвокультурная специфика художественного текста : психолингвистический аспект : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сардарова Алина Арменовна. – Москва, 2016. – 30 с.
136. **Селиверстова, О. Н.** Эксперимент в семантике / О. Н. Селиверстова, О. А. Сулейманова // Контенсивные аспекты языка : константность и вариативность : сборник статей к

- юбилею О. А. Сулеймановой. – Москва : Флинта : Наука, 2017. – С. 19–42. – ISBN 978-5-9765-2917-5.
137. **Смирницкий, А. И.** Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.
138. **Старцева, С. М.** Ономастические реалии в англоязычных художественных произведениях Роберта ван Гулика и способы их передачи на китайский и русский языки / С. М. Старцева // Вестник МГОУ. Серия : Лингвистика. – 2018. – № 2. – С. 190–198. – DOI 10.18384/2310-712X-2018-2-190-198.
139. **Степанова, Н. Ю.** Лингвокультурология как одно из актуальных направлений современной лингвистики / Н. Ю. Степанова // Язык : категории, функции, речевое действие : Материалы X юбилейной международной научной конференции к 75-летию В. С. Борисова, Москва, Коломна, 13–14 апреля 2017 г. – Москва : МПГУ; Коломна : ГСГУ, 2017. – С. 202–205.
140. **Стилистические аспекты перевода** : учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова [и др.]. – Москва : Издательский центр «Академия», 2010. – 176 с. – ISBN 978-5-7695-6504-5.
141. **Сулейманова, О. А.** Принципы и методы лингвистических исследований / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Языки Народов Мира, 2020. – 352 с. – ISBN 978-5-89191-091-1.
142. **Суперанская, А. В.** Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
143. **Текст как явление культуры** / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Морковина, Ю. А. Сорокин. – отв. ред. А. Н. Кочергин, К. А. Тимофеев. – АН СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1989. – 194 с. – ISBN 5-02-029125-0.
144. **Телия, В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 143 с.
145. **Телия, В. Н.** Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с. – ISBN 5-88766-047-3.
146. **Теплова, Н. Е.** Французские переводы пушкинских произведений Андре Марковича и роль издательства «actes sud» в работе переводчика / Н. Е. Теплова // Палимпсест. Литературоведческий журнал. – 2019. – № 2. – С. 44–52.

147. **Тер-Минасова, С. Г.** Война и мир языков и культур : вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации : учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2008. – 341 с. – ISBN 978-5-387-00076-8.
148. **Тер-Минасова, С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 261 с. – ISBN 5-85050-240-8.
149. **Тик, Н. А.** Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в итальянской рецепции : к постановке проблемы / Н. А. Тик // Вестник Томского государственного университета. – № 396. – 2015. – С. 27–31. – DOI 10.17223/15617793/396/4.
150. **Тимко, Н. В.** Фактор «культура» в переводе / Н. В. Тимко. – 2-е издание, дополненное. – Курск : Курский государственный университет, 2007. – 163 с. – ISBN 978-5-88313-562-9.
151. **Титова, О. В.** О некоторых способах перевода удмуртских этнографических реалий на русский язык / О. В. Титова // Инновационная наука. – 2017. – № 11. – С. 100–104.
152. **Тихомирова, Ю. А.** Современный англоязычный Пушкин : стратегии репрезентации лирики / Ю. А. Тихомирова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 373. – С. 29–37.
153. **Томахин, Г. Д.** Реалии в культуре и языке. Реалия – предмет и реалия – слово / Г. Д. Томахин // Иностранные языки в школе. – 2007. – № 8. – С. 19–28.
154. **Томахин, Г. Д.** Реалии-американизмы : Пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – Москва : Высшая школа, 1988. – 238 с.
155. **Тюркан, Е. А.** Некоторые проблемы перевода национально-культурной лексики (на примере перевода названий национально-культурных реалий саамского языка) / Е. А. Тюркан // Национально-культурные реалии саамской культуры : переводческий аспект : материалы регионального семинара, Мурманск, 24 сентября 2014 г. – Мурманск : МАГУ, 2015. – С. 142–150.
156. **Убоженко, И. В.** Зарубежное переводоведение. Великобритания / И. В. Убоженко. – Москва : Р. Валент, 2014. – 227 с. – ISBN 978-5-93439-481-4.
157. **Федоров, А. В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Учебное пособие / А. В. Федоров. – 5-е издание. – Москва : ИД ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 416 с. – ISBN 5-8465-0019-6 (Филологический факультет СПбГУ). – ISBN 5-94545-014-6 (ИД ФИЛОЛОГИЯ ТРИ).
158. **Федорова, О. В.** Экспериментальный анализ дискурса : теория и практика : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Федорова Ольга Викторовна. – Москва, 2013. – 45 с.

159. **Фененко, Н. А.** Лингвокультурная адаптация текста при переводе : пределы возможного и допустимого / Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 1. – С. 69–74.
160. **Фененко, Н. А.** Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации : монография / Н. А. Фененко [и др.]. Под редакцией Н. А. Фененко, А. А. Кретьова. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – 219 с. – ISBN 978-5-9273-2097-4.
161. **Фененко, Н. А.** Французские реалии в контексте теории языка : специальность 10.02.05 «Романские языки» : дис. ... д-ра филол. наук / Фененко Наталья Александровна. – Воронеж, 2006. – 514 с.
162. **Фененко, Н. А.** Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте / Н. А. Фененко // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, Воронежский государственный университет, 2014. – № 12. – С. 151–172.
163. **Фесенко, Т. А.** Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода / Т. А. Фесенко. – Тамбов : Издательство Тамбовского государственного университета, 2002. – 227 с.
164. **Филатов, В. Д.** Локальная маркированность фразеологических единиц. Сборник научных трудов / В. Д. Филатов. – Москва : МГПИИЯ, 1981. – Выпуск 171. – С. 169–180.
165. **Филиппова, И. Н.** Фактор адресата в диахронии поэтического перевода / И. Н. Филиппова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 435–450. – DOI 10.22363/2313-2299-2019-10-2-435-450.
166. **Фролов, В. И.** Переводческая концепция В. В. Набокова : соотношение теории и практики : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дис. ... канд. филол. наук / Фролов Валентин Игоревич. – Москва, 2017. – 124 с.
167. **Хайруллина, Р. Х.** Художественный текст как лингвокультурный феномен в аспекте перевода / Р. Х. Хайруллина, Ф. Г. Фаткуллина, В. В. Воробьев // Annali d'Italia, 2021. – № 16-1. – С. 54–56.
168. **Хухуни, Г. Т.** Межкультурная адаптация художественного текста / Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцева. – Москва : Прометей, 2003. – 171 с. – ISBN 5-7042-1274-3.
169. **Хухуни, Г. Т.** Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации / Г. Т. Хухуни // Этнокультурная специфика языкового сознания. – Москва : 1996. – С. 206–215.

170. **Цепков, И. В.** Лингвокультурологические и прагматические факторы перевода терминов-реалий : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дис. ... канд. филол. наук / Цепков Илья Викторович. – Москва, 2015. – 255 с.
171. **Чайковский, Р. Р.** Реальности поэтического перевода : типологические и социологические аспекты / Р. Р. Чайковский. – Магадан : Кордис, 1997. – 197 с. – ISBN 5-89678-001-X.
172. **Чельшев, Е. П.** Из истории постижения смыслов пушкинского текста : проблемы языка, понимания и культуры перевода / Е. П. Чельшев // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время, 2015. – Т. 10. – № 1. – С. 17–28.
173. **Чернейко, Л. О.** Категория внутренней формы : ее интерпретация и сфера приложения в концепции В. Н. Телия / Л. О. Чернейко // Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении : традиции и инновации : тезисы докладов международной научной конференции, приуроченной к 90-летию со дня рождения проф. В. Н. Телия и 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 22–24 октября 2021 г. – Минск : БГУ, 2021. – С. 57–59.
174. **Чернов, Г. В.** К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык / Г. В. Чернов // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. – Т. XVI. – Москва, 1958. – С. 223–225.
175. **Чуковский, К. И.** Высокое искусство : принципы художественного перевода / К. И. Чуковский. – Москва : Азбука : Авалонь, 2011. – 442 с. – ISBN 978-5-389-01401-5.
176. **Шанский, Н. М.** Фразеология современного русского языка : учебное пособие для студентов филологических факультетов / Н. М. Шанский. – 7-е издание. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 271 с. – ISBN 978-5-9710-1566-6.
177. **Швейцер, А. Д.** Теория перевода : Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер ; 4-е издание, стереотипное. – Москва : URSS, 2019. – 216 с. – ISBN 978-5-9710-5650-8.
178. **Шелестюк, Е. В.** Лингвокультурный перенос как психолингвистическая основа переводческой адаптации / Е. В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2013. – № 24(315). – С. 37–47.
179. **Шестерина, Е. А.** Определение содержания и структуры образов языкового сознания на основании результатов ассоциативного и переводческого экспериментов // Е. А. Шестерина // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 4(65). – С. 305-306.
180. **Шкурат, П. А.** Проблемы перевода политических реалий США на материале публичных выступлений кандидатов в президенты / П. А. Шкурат // Научный подход к общественному развитию : сборник статей по материалам XXVII международной научно-

- практической конференции, Москва, 27 октября 2017 г. – Москва : Научный консультант, 2017. – С. 109–113.
181. **Шлейермахер, Ф. Д.** О разных методах перевода : лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. / Ф. Д. Шлейермахер // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология» – 2000. – № 2. – С. 127–145.
182. **Шмелев, А. Д.** «Языковая картина мира» и «картина мира текста» : точки взаимодействия // Константы и переменные русской языковой картины мира. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – С. 306–313.
183. **Щерба, Л. В.** Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Москва : URSS, 2008. – С. 24–39. – ISBN 978-5-382-00617-8.
184. **Щетинкин, В. Е.** Пособие по переводу с французского языка на русский / В. Е. Щетинкин. – Москва : Просвещение, 1987. – 159 с.
185. **Эко, У.** Сказать почти то же самое : Опыты о переводе / У. Эко. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – 568 с. – ISBN 5-89091-316-6.
186. **Эльжуркаева, М. Я.** Проблемы перевода фразеологических единиц / М. Я. Эльжуркаева // Филологические науки в России и за рубежом : Материалы II Международной научной конференции, г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г. – Санкт-Петербург : Молодой ученый, 2013. – С. 106–109.
187. **Эткинд, Е. Г.** Поэзия А. С. Пушкина во французских переводах / Е. Г. Эткинд // А. С. Пушкин. Избранная поэзия в переводах на французский язык. – Москва : Рудомино : Радуга, 1999. – 512 с. – ISBN 5-7380-0083-8.
188. **Эткинд, Е. Г.** Поэзия и перевод / Е. Г. Эткинд. – Москва : Ленинград : Советский писатель, 1963. – 431 с.
189. **Явари, Ю. В.** Особенности перевода реалий на английский и немецкий языки в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Ю. В. Явари // Вестник Тверского государственного университета, Серия : Филология, 2016. – С. 304–310.
190. **Языковая картина мира : особенности вербализации и ревербализации : монография** / Е. А. Алексеева, В. В. Корнева, О. Б. Полянчук [и др.]. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – 142 с. – ISBN 978-5-9273-2937-3.
191. **Яковлев, А. А.** Роль вербального и внутреннего контекста в переводе / А. А. Яковлев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 4. – № 4(64). – С. 265–269.
192. **Яковлева, О. Е.** Прагматонимы в системе собственных имен : семантика, функции, национально-культурная специфика / О. Е. Яковлева // Сибирский филологический журнал. – 2005. – № 1–2. – С. 59–74.

193. **Alvstad, C.** Methods and strategies of process research : integrative approaches in translation studies / C. Alvstad, A. Hild, E. Tiselius. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2011. – 377 p. – ISBN 978-90-272-2442-2.
194. **Baker, M.** In other words : A coursebook on translation / M. Baker. – London; New York : Routledge, 1997. – 304 p. – ISBN 0-415-02086-2.
195. **Bassnett, S.** Translation Studies. Revised Edition / S. Bassnett. – London; New York : Routledge, 2000. – 168 p. – ISBN 0-415-06528-3.
196. **Briggs, A.** Alexander Pushkin. Eugene Onegin / A. Briggs. – Cambridge etc. : Cambridge university press, 1992. – 116 p. – ISBN 0-521-38472-9.
197. **Caballero, H. L.** Traducción y equivalencias en la fraseología español-frances. Aplicaciones metodológicas al ámbito literario / H. L. Caballero // Anales de Filología Francesa. – Volume 26. – 2018. – P. 47–60.
198. **Caffee, N.** How Tatiana's voice rang across the steppe : Russian literature in the life and legend of Abai / N. Caffee // Journal of Eurasian Studies. – Den Haag, 2017 – Volume 9. – Issue 1. – P. 12–19. – DOI 10.1016/j.euras.2017.12.002.
199. **Camara Cascudo, L. da** Antologia do folclore brasileiro / L. da Camara Cascudo. – Sao Paulo, Global editora, 2001. – 331 p. – ISBN 978-85-260-0689-8.
200. **Catford, J. C.** A Linguistic theory of translation / J. C. Catford. – London : Oxford University Press, 1965. – 112 p. – ISBN 0-19-437018-6.
201. **Debreczeny, P.** Social Functions of Literature : Alexander Pushkin and Russian Culture / P. Debreczeny. – Stanford : Stanford University Press, 1997. – 300 p. – ISBN 978-0804726627.
202. **Dyachkovskaya, V. G.** On Translation Strategies of the Epic Texts / V. G. Dyachkovskaya // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2018. – Vol. 11. – № 5. – P. 716-725. – DOI 10.17516/1997-1370-0264.
203. **Edmonds, R.** Pushkin. The Man and His Age / R. Edmonds. – London : Macmillan, 1994. – 303 p. – ISBN 0-333-59209-3.
204. **Empirical modelling of translation and interpreting** / Edited by S. Hansen-Schirra, O. Czulo, S. Hofmann. – Berlin : Language Science Press, 2017. – 505 p. – ISBN 978-3-96110-025-5.
205. **Empirical Translation Studies: New Methodological and Theoretical Traditions** / Edited by G. De Sutter, M.-A. Lefer, I. Delaere. – Berlin : Boston : De Gruyter Mouton, 2017. – 317 p. – ISBN 978-3-1104568-44.
206. **Harding, S.-A.** The Routledge Handbook of Translation and Culture / S. -A. Harding, O. C. Cortes. – London; New York : Routledge, 2018. – 643 p. – ISBN 978-0367783952.
207. **House, J.** Translation quality assessment : past and present / J. House. – London; New York : Routledge, 2015. – 160 p.

208. **Jaya, D.** Translation Ideology in literary translation; A case study of Bram Stoker's "Dracula" translation into Indonesian / D. Jaya // *Wacana Journal of the Humanities of Indonesia*. – Volume 21. – № 3. – 2020. – P. 424–445.
209. **Katan, D.** Defining culture, defining translation / D. Katan // *The Routledge Handbook of Translation and Culture*. – London; New York : Routledge, 2018. – P. 17–47. – ISBN 978-0367783952.
210. **Kobrina-Coolidge, J.** Vladimir Nabokov as a Translator of Pushkin's Novel in Verse "Eugene Onegin" / J. Kobrina-Coolidge. – Middlebury College, 2015. – P. 1–10.
211. **Koller, W.** Einführung in die Übersetzungswissenschaft / W. Koller. – Heidelberg : Wiesbaden, Quelle und Meyer, 1979. – 343 p.
212. **Lakoff, G.** Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnsen. – 2-nd edition. – USA, Chicago, 2003. – 276 p.
213. **Lavrin, J.** Pushkin and Russian Literature / J. Lavrin. – London : Hodder, 1947. – 226 p.
214. **Matlaw, R.** The Dream in "Jevgeniy Onegin" with Note on "Gore ot uma" / R. Matlaw // *The Slavonic and East European review*, 1959. – Vol. XXXIII. – № 89. – P. 487–503.
215. **Munjaj, G.** The Genre "Novel in Verse" & Alexander Pushkin's "Eugene Onegin" / G. Munjal // *Litinfinitive Journal*. – ISSN 2582-0400. – India, West Bengal. – Volume 2. – № 1. – 2020. – P. 1–10.
216. **Nabokov, V.** Eugene Onegin : A Novel in Verse by A. Pushkin. Translated, with a commentary by Vladimir Nabokov / V. Nabokov. – Volume 2. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2018. – 380 p.
217. **Nabokov, V.** Problems of Translation : "Onegin" in English / V. Nabokov // *The Translation Studies Reader*. – Routledge, 2000. – P. 71–83.
218. **Nabokov, V.** The Art of Translation. On the sins of translation and the great Russian short story / V. Nabokov // *The New Republic*. – 1941. – 04 august. – P. 114.
219. **Newmark, P.** Approaches to translation / P. Newmark. – Oxford : Pergamon Press, 1981. – 200 p.
220. **Nida, E. A.** Towards a science of translating / E. A. Nida. – Leiden : E.J. Brill, 1964. – 273 p.
221. **Nida, E. A.** Contexts in Translating / E. A. Nida. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2001. – 125 p.
222. **Nord, C.** Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a model for Translation-Oriented Text Analysis / C. Nord. Translated from the German by Christiane Nord and Penelope Sparrow. – Amsterdam/Atlanta GA, Rodopi, 1991. – 250 p. – ISBN 90-5183-311-3.

223. **Pym, A.** Exploring Translation Theories / A. Pym. – London; New York : Routledge, 2009. – 200 p. – ISBN 978-0203869291.
224. **Pym, A.** The pedagogical value of translation solution types / A. Pym, E. Torres-Simón // Perspectives Studies in Translatology. – 2014. – Vol. 23. – № 1. – P. 89–106. – DOI 10.1080/0907676X.2014.928334.
225. **Rawling, P.** The Routledge Handbook of Translation and Philosophy / P. Rawling, P. Wilson. – London; New York : Routledge, 2021. – 512 p. – ISBN 978-1032094779.
226. **Roig-Sanz, D.** Literary Translation and Cultural Mediators in "Peripheral" Cultures : Customs Officers or Smugglers? / D. Roig-Sanz, R. Meylaerts. – UK, London : Palgrave Macmillan, 2018. – 373 p.
227. **Rubel, P.** Translating Cultures : Perspectives on Translation and Anthropology / P. Rubel, A. Rosman. – UK, Oxford, New York : Berg, 2003. – 320 p. – ISBN 978-1859737453.
228. **Sdobnikov, V. V.** Translation Studies Today : Old Problems and New Challenges / V. V. Sdobnikov // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Vol. 23. – № 2. – P. 295–327. – DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327.
229. **Tagnin, S.** O jeito que a gente diz : convencionalidade e idiomaticidade / S. Tagnin. – Sao Paulo : Barueri : Disal, 2005. – 412 p.
230. **Tirkkonen Condit, S.** Tapping and mapping the processes of translation and interpreting : Outlooks on empirical research / S. Tirkkonen Condit; R. Jääskeläinen – Amsterdam : John Benjamins, 2000. – 176 p. – ISBN 978-1556197963.
231. **Todd, W. M.** Eugene Onegin : "Life's Novel" / W. M. Todd, R. L. Belknap // Literature and Society in Imperial Russia, 1800–1914. – Stanford, California : Stanford University Press, 1978. – P. 203–235.
232. **Trivedi, H.** Translating Culture vs. Cultural Translation / H. Trivedi // Translation – Reflections, Retractions. Transformations; ed. : P. St-Pierre, P. Kar. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 277–287.
233. **Venuti, L.** The Translator's Invisibility / L. Venuti. – London; New York : Routledge, 2008. – 2-nd edition. – 336 p.
234. **Vermeer, H.** Skopos and Commission in Translational Action / H. Vermeer // The Translation Studies Reader; ed.: L. Venuti. – London, 2000. – P. 221–232. – ISBN 0-415-18747-8.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В КАЧЕСТВЕ МАТЕРИАЛА
ИССЛЕДОВАНИЯ

237. **Пушкин, А. С.** Евгений Онегин / А. С. Пушкин – Москва : Азбука, 2021. – 448 с. – ISBN 978-5-389-04903-1.

238. **Púchkin, A. S.** Eugénio Onéguin / A. S. Púchkin // Portuguese Edition. Tradução de Nina Guerra e Filipe Guerra. – Lisboa : Relogio, 2016. – 231 p. – ISBN 978-989-641-629-4.
239. **Pushkin, A. S.** Eugénio Onéguin / A. S. Pushkin // Brasil Edition. Tradução de Dario Moreira de Castro Alves. – Rio de Janeiro : Record, 2010. – 288 p. – ISBN 978-85-01-08473-6.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ, СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

240. **Большой фразеологический словарь русского языка** / Авторы-составители: И. С. Брилева [и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : АСТ–Пресс, 2010. – 784 с. – ISBN 978-5-462-00735-4.
241. **Бонди, С. М.** Примечания и пояснительные статьи в книге А. С. Пушкин «Евгений Онегин» / С. М. Бонди. – Москва : Детская литература, 1976. – 304 с.
242. **Бродский, Н. Л.** «Евгений Онегин» роман А.С. Пушкина : комментарии / Н. Л. Бродский. – 5-е издание, с доп. – Москва : Мультиратура, 2005. – 345 с. – ISBN 5-9740-0026-9.
243. **Васильева, Н. В.** Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. – Москва : Русский язык, 2003. – 211 с. – ISBN 5-200-03232-6.
244. **Виноградов, В. В.** «История слов» [ИС] : сайт. – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской Академии Наук, 2018 – URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=prelestnij&vol=3> (дата обращения: 17.03.2021).
245. **Винокур, Г. О.** Слово и стих в «Евгении Онегине» : сборник статей / Г. О. Винокур. – Москва : ОГИЗ Ги Художественной литературы, 1941. – С. 155–213.
246. **Информационный портал «Газета «Слово»** : сайт. – Lisboa : Ahevain Lda, 2021. – URL: <http://gazetaslovo.com> (дата обращения: 10.04.2020).
247. **Информационный портал «Русская культура»** : сайт. – Санкт–Петербург : Некоммерческое партнерство «Русская культура», 2017. – URL: <http://russculture.ru> (дата обращения: 14.05.2021).
248. **Информационный портал «Русский мир»** : сайт. – Москва : фонд «Русский мир», 2021. – URL: <https://ruskiymir.ru/> (дата обращения: 05.04.2020).
249. **Информационный портал «Этимология и история слов русского языка»** : сайт – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, 2018. – URL: <http://etymolog.ruslang.ru> (дата обращения: 23.03.2021).
250. **Информационный портал «Языковая картина мира. Энциклопедия Кругосвет»** : сайт – Москва : Зализняк Анна, 2021. – URL:

- https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html (дата обращения: 11.08.2021).
251. **Комментарий к роману «Евгений Онегин»** [НКЕО] : сайт. – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/evgenij-onegin/index.htm> (дата обращения: 11.02.2021).
252. **Лингвострановедческий словарь «Россия»** [ЛСР] : сайт – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. – URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/> (дата обращения: 01.05.2021).
253. **Лотман, Ю. М.** Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Азбука, 2021. – 512 с. – ISBN 978-5-389-08745-3.
254. **Набоков, В. В.** Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / В. В. Набоков. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1998. – 924 с. – ISBN 5-210-01490-8.
255. **Отин, Е. С.** Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Москва : А Темп, 2006. – 435 с. – ISBN 5-9900358-3-7.
256. **Поисковый портал «Corpus do português»** : сайт – Вашингтон : Национальный фонд гуманитарных наук, 2021. – URL: <http://www.corpusdoportugues.org/> (дата обращения: 11.09.2021).
257. **Поисковый портал «Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля»** [ТСД] : сайт : использует оцифрованные материалы из первого издания словаря. – Москва, 2009. – URL: <http://slovardalya.ru/> (дата обращения: 08.03.2021).
258. **Поисковый портал «Толковый словарь Ожегова»** [ТСО] : сайт : использует материалы из Википедии (свободной энциклопедии). – Москва, 2017. – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 23.06.2021).
259. **Поисковый портал «Толковый словарь Ушакова»** [ТСУ] : сайт : использует материалы из Википедии (свободной энциклопедии). – Москва, 2017. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 11.09.2021).
260. **Русский ассоциативный словарь** / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. – В 2-х томах. – Москва : АСТ : Астрель, 2002. – 781 с. – ISBN 5-17-015421-6.
261. **Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь** : Вып. № 1. [РКЛС] / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков [и др.] ; под редакцией И. В. Захаренко [и др.]. – Москва : Гнозис, 2004. – 315 с.
262. **Сетевое издание «Правда.Ру» на португальском языке** : сайт – Москва : Информационное агентство PRAVDA.RU, 2021. – URL: <https://port.pravda.ru> (дата обращения: 21.04.2020)
263. **Словарь «Dicionario Priberam da Lingua Portuguesa»** [DPLP] : сайт – Lisboa : Priberam Informática, S. A. – URL: <https://www.priberam.pt/> (дата обращения: 24.04.2021).

264. **Словарь «Michaelis Dicionario Brasileiro da Lingua Portuguesa» [MDBLP]** : сайт – São Paulo : Editora Melhoramentos Ltda. – URL: <http://michaelis.uol.com.br/> (дата обращения: 30.07.2021).
265. **Суперанская, А. В.** Современный словарь личных имен: сравнение, происхождение, написание / А. В. Суперанская. – Москва : Айрис–пресс, 2005. – 375 с. – ISBN 5-8112-1399-9.
266. **Томашевский, Б. В.** Примечания проф. Б. В. Томашевского к полному собранию сочинений А. С. Пушкина в 10 т. – Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения / Б. В. Томашевский. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1977–1979. – С. 483–521.
267. **Федоров, А. И.** Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – 3-е издание, испр. – Москва : АСТ : Астрель, 2008. – 878 с. – ISBN 978-5-17-049014-1.
268. **Феерштейн, Е. Н.** Большой португальско-русский словарь / Е. Н. Феерштейн, С. М. Старец. – Москва : Живой язык, 2005. – 936 с. – ISBN 5-8033-0005-5.
269. **Houaiss, A.** Dicionario Houaiss da lingua portuguesa / A. Houaiss, M. Villar. – Rio de Janeiro : Objetiva, 2009. – 1986 p. – ISBN 978-8573029635.
270. **Silva, J. P. da** Dicionario brasileiro de fraseologia / J. P. da Silva. [DBF]. – Versao preliminar. – Rio de Janeiro, 2013. – 1548 p.
271. **Silva, B. F. da** Dicionario de Usos do Portugues do Brasil / B. F. da Silva, S. E. Ignacio. – Sao Paulo : Editora Atica, 2002. – 1674 p. – ISBN 978-8508080915.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. Пример анкеты для заполнения информантами (бразильцы)

QUESTIONÁRIO B

Olá! Você participa de um estudo que visa investigar como os falantes nativos do português entendem os fenômenos da cultura russa.

*Obrigatório

1. Nome: *

2. Nacionalidade: *

3. Idade: *

4. Nível de instrução: *

Tarefa: leia as passagens do texto da tradução português do famoso romance russo em verso e determine os significados das palavras entre colchetes, escolhendo as opções apropriadas na lista. O número de opções possíveis é ilimitado.

! Ao responder, por favor, não consulte os dicionários e outras fontes de referência. Baseie-se na sua própria compreensão das palavras destacadas.

! Nos casos em que o tradutor fez comentários às palavras destacadas, elas foram colocadas entre parênteses com *.

! Tente indicar o significado das palavras da forma mais completa possível.

1. “De receber nos tempos idos, Pires de [doces] são trazidos” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- bagas e frutos
- cozidos em calda de açúcar
- sobremesa tradicional russa
- preparando no outono para o inverno
- mais populares são de morango e cereja

Outra: _____

2. “E o indispensável [kvas] chegando, Os comensais eram servidos, Pela importância em que eram tidos”. *

(*comentário do tradutor: refresco ácido fermentado de centeio, não alcoólico)

Marcar tudo o que for aplicável.

- bebida azeda
- preparada em água
- de pão de centeio e malte (grãos de centeio germinados)
- não alcoólico
- refresco, bebida de verão
- por muito tempo, foi a bebida folclórica russa mais difundida

Outra: _____

3. “Em carruagens apinhadas, Com [corcéis] próprios ou [de muda]; Rever o campo, a alma ajuda!” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- cavalos
- carregando correspondência e passageiros
- que mudavam em cada estação de correio ao longo do caminho
- se cansaram menos e dirigiram mais rápido

Outra: _____

4. "As suas [alparcas] entrançando, Canta o pastor terna canção Do Volga". *

Marcar tudo o que for aplicável.

- calçado camponês tradicional
- que foi usado na Rússia
- tecido com casca de tília ou casca de bétula
- cobrindo o pé
- não usado atualmente

Outra: _____

5. "[Do mundo, dizem, figos] vós. No campo tudo vos enfada" *

Marcar tudo o que for aplicável.

- evitando a comunicação com outras pessoas
- preferindo a solidão
- retraído, carrancudo
- eremita
- selvagem

Outra: _____

6. "Tânia [se esgueira], Mais do que sombra mui ligeira, Por corredor, átrio e jardim" *

Marcar tudo o que for aplicável.

- o quarto entre a parte residencial da casa e a varanda
- em cabanas de aldeia e nos velhos tempos em casas da cidade
- instalações não aquecidas e não residenciais
- parte da entrada (corredor) de uma casa tradicional

Outra: _____

7. "A [balalaica] me apaixonou, E do trepak ébrio patear" *

(*comentário do tradutor: instrumento musical de cordas folclórico russo)

Marcar tudo o que for aplicável.

- instrumento musical
- folclórico russo
- de cordas
- consiste em um corpo com um tampo triangular e um braço

Outra: _____

8. "[Crânio em pescoço nu dum ganso], Com rubro gorro voltas dar" *

Marcar tudo o que for aplicável.

- crânio
- em pescoço
- de ganso
- uma alusão à sociedade literária "Arzamas"

Outra: _____

9. "Buscai, trazei-nos um jovem, Aqui pra nossa [ciranda]". *

Marcar tudo o que for aplicável.

- antiga dança folclórica
- com movimento em círculo
- entre os povos eslavos
- acompanhada por canções e ação dramática
- era popular entre os jovens

Outra: _____

10. "Eu sob à mesa adoro tê-lo, E em Primavera ao [campo] vê-lo" *

Marcar tudo o que for aplicável.

- erva
- jovem
- densa
- verde claro
- grama do prado

Outra: _____

11. "Cá, [esqueleto] sem ornato," *

Marcar tudo o que for aplicável.

- esqueleto
- coluna vertebral
- palavra livresca
- base

Outra: _____

12. "Em [denso bosque inabitado], Todo de neve acobertado," *

Marcar tudo o que for aplicável.

- floresta deserta
- densamente coberta de vegetação
- área afastada das pessoas
- isolada dos centros culturais

Outra: _____

13. “Aquele que é mais arredia E mais calada, qual [Svetlana]” *

(*comentário do tradutor: o personagem principal da balada por V.A. Zhukovsky “Svetlana”, incorpora as melhores qualidades de uma garota russa: bondade, mansidão e devoção.)

Marcar tudo o que for aplicável.

- comparação com a heroína da balada por V.A. Zhukovsky
- imagem literária de uma garota russa
- sentimental
- manso
- gentil

Outra: _____

14. “E [em Chariton], num beco esquivo, A carruagem então parou” *

(*comentário do tradutor: em Moscou, o endereço da casa era indicado de acordo com a paróquia da igreja.)

Marcar tudo o que for aplicável.

- casa
- na freguesia da igreja
- de S. Chariton

Outra: _____

15. “Jovem da casa passa ao lado, Como um corcel, puxa o trenó, Nele se senta o seu [totó]” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- apelido comum
- um cachorro de quintal
- geralmente preto

Outra: _____

16. “Estalam beijos, [os cães] latem, Riso, clamor, arrastam pés,” *

Marcar tudo o que for aplicável.

cachorros

pequenos

pugs

Outra: _____

17. “Mas lá por dentro a imaginar, [Quando Satã te vai levar]?” *

Marcar tudo o que for aplicável.

expressão de aborrecimento

indignação

coloquial

desejos de morte iminente

Outra: _____

18. “Por quarenta anos arengou Com a ama, e [moscas combatera]” *

Marcar tudo o que for aplicável.

matar moscas

uma expressão fraseológica que denota uma vida nobre

beber álcool

ficar entediado

Outra: _____

19. “Da forma em que lhe apetecia! E [com ardis que conhecia!]” *

Marcar tudo o que for aplicável.

tecer intrigas como redes

enganar

trair

definir armadilhas

Outra: _____

20. "É [recebida alegremente]. E com clamores fraternais" *

Marcar tudo o que for aplicável.

- hospitalidade
- um deleite para os hóspedes
- que consiste em pão e sal
- frequentemente servido para recém-casados em casamentos na Rússia

Outra: _____

21. "[Ébrio] ele então foi feito preso Pelo francês refém de peso!" *

Marcar tudo o que for aplicável.

- borracho
- comparação com um porco
- expressão da linguagem dos guardas
- coloquial

Outra: _____

Este conteúdo não foi criado nem aprovado pela Google.

Google Formulários

QUESTIONÁRIO P

Olá! Você participa de um estudo que visa investigar como os falantes nativos do português entendem os fenômenos da cultura russa.

*Obrigatório

1. Nome: *

2. Nacionalidade: *

3. Idade: *

4. Nível de instrução: *

Tarefa: leia as passagens do texto da tradução português do famoso romance russo em verso e determine os significados das palavras entre colchetes, escolhendo as opções apropriadas na lista. O número de opções possíveis é ilimitado.

! Ao responder, por favor, não consulte os dicionários e outras fontes de referência. Baseie-se na sua própria compreensão das palavras destacadas.

! Nos casos em que o tradutor fez comentários às palavras destacadas, elas foram colocadas entre parênteses com *.

! Tente indicar o significado das palavras da forma mais completa possível.

1. “Meu ideal é o lar, já não lá fora, o sossego, o pote de [sopa] e, enfim, o meu desejo é ser senhor de mim”. *

Marcar tudo o que for aplicável.

- prato líquido quente
- sopa de repolho e outros vegetais
- frequentemente servido com creme de leite
- primeiro prato tradicional

Outra: _____

2. “como do ar, precisavam do [kvasse] o serviço à mesa não prescindida rigorosa lei da hierarquia”. *

(*comentário do tradutor: refresco ácido fermentado de centeio)

Marcar tudo o que for aplicável.

- bebida azeda
- preparada em água
- de pão de centeio e malte (grãos de centeio germinados)
- não alcoólico
- refresco, bebida de verão
- por muito tempo, foi a bebida folclórica russa mais difundida

Outra: _____

3. “No salão, [paredes adamascadas], o fogão, forrado de azulejos coloridos, retratos dos czares distribuídos” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- papel de parede
- feito de tecido
- de seda e lã
- composto por várias camadas

Outra: _____

4. “canta o pastor - trançando a [alpargata] - o Volga, os pescadores, os barqueiros” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- calçado camponês tradicional
- que foi usado na Rússia
- tecido com casca de tília ou casca de bétula
- cobrindo o pé
- não usado atualmente

Outra: _____

5. “O velho [jugo do trabalho], o seu aperto, mudou por um tributo leve e honrado” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- trabalho forçado
- de camponeses
- método de reembolso da dívida
- durante o sistema feudal

Outra: _____

6. “e, mais leve que a sombra, [na saída], depois no jardim, sem travar a corrida” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- o quarto entre a parte residencial da casa e a varanda
- em cabanas de aldeia e nos velhos tempos em casas da cidade
- instalações não aquecidas e não residenciais
- parte da entrada (corredor) de uma casa tradicional

Outra: _____

7. “da [balalaika] que aprecio agora, da dança ébria sapateada” *

(*comentário do tradutor: instrumento musical de cordas folclórico russo)

Marcar tudo o que for aplicável.

- instrumento musical
- folclórico russo
- de cordas
- consiste em um corpo com um tampo triangular e um braço

Outra: _____

8. “um [crânio] de barrete vermelho [num pescoço de ganso] girando”. *

Marcar tudo o que for aplicável.

- crânio
- em pescoço
- de ganso
- uma alusão à sociedade literária "Arzamas"

Outra: _____

9. “pr’a tentar o rapagãoa entrar na nossa [roda]” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- antiga dança folclórica
- com movimento em círculo
- entre os povos eslavos
- acompanhada por canções e ação dramática
- era popular entre os jovens

Outra: _____

10. “e no sombrio [bosque] protector partilham jogos, encontram abrigos” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- floresta
- de carvalho
- bosque

Outra: _____

11. “[um esqueleto] que, tanto quanto pode, se faz soberbo e grave;” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- esqueleto
- coluna vertebral
- palavra livresca
- base

Outra: _____

12. “Preciso de [outras ares], outras paisagens, de ladeira arenosa e, em frente” *

Marcar tudo o que for aplicável.

- declive de uma montanha, colina
- seção irregular da superfície da terra
- barranco
- rompimento

Outra: _____

13. “por uma senda do bosque, fica atenta. De súbito, numa [brenha cerrada]...”

*

Marcar tudo o que for aplicável.

- floresta deserta
- densamente coberta de vegetação
- área afastada das pessoas
- isolada dos centros culturais

Outra: _____

14. "Mas é aquela, sempre triste e taciturna, como a [Svetlana]" *

(*comentário do tradutor: o personagem principal da balada por V.A. Zhukovsky "Svetlana", incorpora as melhores qualidades de uma garota russa: bondade, mansidão e devoção.)

Marcar tudo o que for aplicável.

- comparação com a heroína da balada de V.A. Zhukovsky
- imagem literária de uma garota russa
- sentimental
- manso
- gentil

Outra: _____

15. "Não as posso imaginar, pensadoras, folheando o [Bom-Intencionado]!" *

(*comentário do tradutor: revista publicada por A.E. Izmailov, que se distingue pela ilegibilidade das publicações.)

Marcar tudo o que for aplicável.

- revista
- de baixa qualidade
- com má reputação
- contendo publicações que são difíceis de ler

Outra: _____

16. "Como o filho dos criados de diverte: põe no trenó o cãozinho [Suspiro] e transforma-se em cavalo de tiro". *

Marcar tudo o que for aplicável.

- apelido comum
- um cachorro de quintal
- geralmente preto

Outra: _____

17. "São recebidos na sala de estar por latidos de [cães], beijos de meninas." *

Marcar tudo o que for aplicável.

cachorros

pequenos

pugs

Outra: _____

18. "[Na Assembleia dos Nobres] marca o ponto". *

Marcar tudo o que for aplicável.

Assembléia nobre

de Moscou

um clube onde aconteciam os bailes nobres

o lugar onde a nobreza russa se reuniu

Outra: _____

19. "suspirar e desejar com enfado: [quando te leva daqui o diabo]?" *

Marcar tudo o que for aplicável.

expressão de aborrecimento

indignação

coloquial

desejos de morte iminente

Outra: _____

20. "passara quarenta anos refilandocom a despenseira impertinente, pela janela olhando, [moscas matando]". *

Marcar tudo o que for aplicável.

matar moscas

uma expressão fraseológica que denota uma vida nobre

beber álcool

ficar entediado

Outra: _____

21. “que vozes levantava, viperinas! [Que logros lhes montava], que armadilhas!”

*

Marcar tudo o que for aplicável.

tecer intrigas como redes

enganar

trair

definir armadilhas

Outra: _____

22. “Recebem-na com carinho em todo o lado, com brados, [a boa hospitalidade]”. *

Marcar tudo o que for aplicável.

hospitalidade

um deleite para os hóspedes

que consiste em pão e sal

frequentemente servido para recém-casados em casamentos na Rússia

Outra: _____

23. “num rebate, vai no cavalo calmuque, tão [borracho] que cai na lama do cavalo abaixo, corajosamente. *

Marcar tudo o que for aplicável.

borracho

comparação com um porco

expressão da linguagem dos guardas

coloquial

Outra: _____